

КУИТО-КУАНАВАЛЕ. НЕИЗВЕСТНАЯ ВОЙНА

Мемуары ветеранов войны в Анголе

«Memories»

Москва

2008

ББК 63.3(6)

*Издание осуществлено за счёт Королькова Владимира
Анатольевича, Шубина Геннадия Владимировича
и Стрельцова Дмитрия Анатольевича*

Редактор-составитель
к.и.н. Шубин Геннадий Владимирович

Куито-Куанавале. Неизвестная война (Мемуары ветеранов войны в Анголе) – М.: «Memories», 2008. – 362 с. с ил.

«Куито-Куанавале. Неизвестная война» является переработанным и дополненным переизданием книги «Устная история забытых войн. Воспоминания ветеранов войны в Анголе», выпущенной в 2007 г. в издательстве «Memories».

В данном сборнике приведены воспоминания военного переводчика подполковника запаса А.А. Григоровича (об арабо-израильской войне 1973 г. и о войне в Анголе в 1975–1976 гг.), В.Ф. Ковальского о его отце – полковнике Ф.И. Ковальском (о подготовке арабо-израильской войны 1973 г.), полковника ВДВ в отставке В.А. Митяева (о вводе войск в Афганистан в 1979 г. и о войне в Анголе в 1986–1989 гг.), военного переводчика старшего лейтенанта запаса А.Э. Алексеевского (о войне в Анголе в 1986–1988 гг.), военного переводчика капитана запаса Д.И. Стрельцова (о войне в Анголе в 1986–1988 гг.), военного переводчика старшего лейтенанта запаса А.В. Шульги (о войне в Анголе в 1986–1988 гг.), военного переводчика капитана запаса П.С. Ивановского (о войне в Анголе в 1986–1988 гг.), майора запаса В.Ф. Мозолева (о войне в Анголе в 1986–1989 гг.), полковника инженерных войск запаса Н.И. Калинина (о войне в Анголе в 1988–1990 гг., в Приднестровье в 1992 г. и о службе в Косово в 1999 г.) и полковника запаса В.А. Сачачко (о войне в Анголе в 1988–1990 гг.).

Перепечатка материалов без согласия авторов запрещена.

На первой странице обложки: Ветераны войны в Анголе на праздновании 20-летия битвы при Куито-Куанавале. Институт Африки РАН. Апрель 2008 г.

- © Институт Африки РАН, 2008.
- © Союз Ветеранов Анголы, 2008.
- © Коллектив авторов, 2008.
- © Шубин Г.В., составление, 2008.
- © Корольков В.А., попечитель, 2008.
- © Абишева Г.М., оформление, 2008.
- © Издательство «Memories», 2008.

ISBN 978-5-903116-65-2

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие редактора-составителя	5
Воспоминания Григоровича Александра Анатольевича, подполковника запаса	7
Воспоминания В.Ф. Ковальского о его отце, полковнике Ковальском Феодосии Ивановиче	29
Воспоминания Митяева Вячеслава Александровича, полковника ВДВ в отставке	43
Воспоминания Алексеевского Анатолия Эдуардовича, старшего лейтенанта запаса	85
Воспоминания Стрельцова Дмитрия Анатольевича, капитана запаса	105
Воспоминания Шульги Александра Владиславовича, старшего лейтенанта запаса	123
Воспоминания Ивановского Петра Сергеевича, капитана запаса	131
Воспоминания Мозолева Валентина Федоровича, военного инженера, майора запаса	151
Воспоминания Калинина Николая Ивановича, полковника инженерных войск запаса	171
Воспоминания Сагачко Вадима Андреевича, полковника запаса	198
Приложение 1.	257
Приложение 2. Информация с гостевой страницы сайта «Союза ветеранов Анголы»	275
Приложение 3. Фотографии	313

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данный сборник воспоминаний посвящен в основном событиям на юге Анголы в 1987–1988 гг., а именно – попытке частей регулярной армии ЮАР, совместно с боевыми отрядами УНИТА, захватить небольшой поселок Куито-Куанавале и выбить оттуда части армии Анголы – ФАПЛА (в составе которых находились советские военные советники, специалисты, переводчики) и кубинские войска, воевавшие на стороне ФАПЛА.

После военного поражения в марте 1988 г. ЮАР вынужденно пошла на уступки: ее войска под напором кубинцев были вынуждены отступить к границе с Намибией. В декабре 1988 г. было подписано соглашение о выводе южноафриканских войск из Анголы и о свободных демократических выборах в Намибии, получившей после их проведения государственную независимость от ЮАР (в обмен на быстрый вывод войск ЮАР из Анголы, а также постепенный вывод кубинских войск из Анголы).

Сборник составлен к.и.н. Г.В. Шубиным по материалам магнитофонных записей его бесед с офицерами запаса А.А. Григоровичем, В.А. Митяевым, А.Э. Алексеевским, Д.И. Стрельцовым, А.В. Шульгой, П.С. Ивановским, Н.И. Калининным и В.А. Сагачко.

Публикуемые в сборнике сведения непосредственных участников арабо-израильской войны в 1973 г., войны в Анголе в 1976–1990 гг., войны в Афганистане в 1979–1980 гг., и воору-

женного конфликта в Приднестровье в 1992 г. малоизвестны не только широкой общественности, но и профессиональным военным историкам.

В представленном переработанным и дополненном варианте учтены пожелания авторов и читателей. В приложении приведены наиболее интересные сведения с гостевой страницы сайта Союза ветеранов войны в Анголе.

Редактор-составитель благодарит всех и, в особенности, пресс-секретаря Совета Региональной общественной организации участников оказания интернациональной помощи Республике Ангола – «Союза ветеранов Анголы» полковника запаса С.А. Коломнина и председателя Совета Региональной общественной организации участников оказания интернациональной помощи Республике Ангола – «Союза ветеранов Анголы», полковника запаса В.А. Сагачко за ценные замечания и дополнения.

Г.В. Шубин

ВОСПОМИНАНИЯ
Григоровича Александра Анатольевича,
подполковника запаса¹

– **Когда Вас призвали в армию?**

– В 1968 г. в войска связи. Прослужил полтора года, а потом из армии в 1970 г. поступил в Военный институт иностранных языков (ВИИЯ)².

– **Какие языки изучали?**

– Арабский и португальский.

– **Это была Ваша военная специальность «Военный переводчик с арабского и португальского»?**

– Да. Из 6 лет учебы в институте 3 года я ездил в командировки, причем, как сейчас принято говорить, в «горячие точки». Участвовал в боевых действиях, активно работал с арабским и меньше с португальским языками.

– **Расскажите о первом дне участия в войне. Как все это было?**

– Через два года учебы, ускоренного изучения курса арабского языка, состоялась моя первая командировка на Ближний Восток, в Сирию. Нас тогда готовили в страны Ближнего Востока, где намечались боевые действия. Когда я приехал в Сирию в 1972 г., то войны³ как таковой еще не было.

– **Вы были уже младшим лейтенантом?**

– Нет, младшим лейтенантом я стал чуть позже. Сначала я был сержантом, то есть курсантом института, но в воинском звании «сержант».

¹ Запись сделана 22 марта 2005 г. **Г.В. Шубиным.**

² С 1994 г. – Военный университет Министерства обороны РФ (ВУМО РФ) (*прим. ред.*).

³ Война Судного дня или Октябрьская война – военный конфликт между Израилем, с одной стороны, и Египтом и Сирией, с другой, был начат 6 октября 1973 г. арабскими странами (с целью возвращения территорий, захваченных Израилем в войне 1967 г.), закончился через 18 дней победой израильских войск (*по материалам Интернета*).

– Звание сержанта получили еще в армии, до поступления в Военный институт иностранных языков?

– Да.

– Чем вы конкретно занимались? Где были – в штабе или на передовой?

– Мне приходилось выполнять не столько переводческие функции, сколько функции советника, дипломата. Военные советники, которых посылали на Ближний Восток, были специалистами в какой-то узкой области, например, артиллерии или танковом деле. Поэтому они не понимали специфики работы, жизненного уклада, нюансов взаимоотношений, существовавших в этих странах. Сталкиваясь с местным населением, имевшим совсем другой менталитет, они терялись и не понимали, как их учить, как с ними взаимодействовать.

Мы изучали в институте не просто язык, а были полностью погружены в языковую среду, обычаи и культуру этих стран. Поэтому нам легче было установить контакт с иноязычной стороной, и, несмотря на нашу молодость, без нас не решался ни один вопрос.

Мне приходилось работать и одному, например, когда я за короткий промежуток времени достаточно хорошо освоил материальную часть (матчасть), которую мы изучали еще в институте. В Сирии я был в танковых войсках.

– Какие там были танки?

– Модернизированные Т-55, а потом и Т-62.

У нас еще не вся армия была оснащена Т-62, а на Ближний Восток их уже поставляли, особенно к началу войны.

– Странно, если я не ошибаюсь, Т-62 окончательно прекратили производить в СССР в 1975 г., и уже с 1973 г. стали переходить на производство Т-72?

– Я не знаю точно, в каком году прекратили производить Т-62. Специалисты, которые работали со мной, сказали, что их танковые части в Советском Союзе были оснащены, в основном, модернизированными Т-55, а не Т-62. К тому времени (в 1972 г.) далеко не все наши войска были оснащены Т-62.

Все материалы по **T-62** были засекречены. Поэтому если нужно было что-то узнать, мы приходили в так называемый «Белый дом» в Дамаске, где тогда восседал главный военный советник **В.А. Макаров**⁴, садились в «клетку», в железное кресло и штудировали необходимые материалы на месте.

Мне очень часто приходилось самому вести занятия вместо советника. Зачем дублировать – он говорит, а я потом перевожу? Меня посылали одного, и я не только проводил занятие, но и общался. Арабы нас, переводчиков, очень хорошо принимали – как своих, что не всем советским военным специалистам нравилось. Мы становились как бы особо приближенными. К нам относились очень хорошо, а на военного советника не обращали никакого внимания.

– **Это многим сильно не нравилось, потому что Вы были к примеру младшим лейтенантом, а не советником-полковником?**

– Да, всем старшим по званию это очень не нравилось, и они старались всяческими способами переводить нас с места на место.

– **Не эта ли причина того, что переводчиков часто обходили наградами и не только на Ближнем Востоке, но и в других странах, где работали наши военные переводчики?**

– Совершенно верно. Наши военные советники патологически боялись сближения переводчиков или тех, кто знал иностранный язык с местной стороной. Они считали, что это ущемляет их достоинство и, кстати, наделали из-за этого много глупостей, создали много проблем.

– **И сколько Вы готовились к войне?**

– Около года. Причем все это было в скрытой форме, все пытались скрывать, скрывать и скрывать.

⁴ См. его воспоминания в книге «Огонь, Броня, Манер». Ред.-изд. центр Генерального Штаба вооруженных сил РФ. М., 2001. С. 249–259. (Статья генерал-полковника в отставке **Макарова Владимира Александровича** «На службе Отечеству».)

– **Технику перевозили по ночам?**

– Не то чтобы по ночам. Вооруженные силы Сирии оснащались новейшей техникой. Она приходила разными путями – и морем, и по воздуху. Выбирали наиболее скрытые пути доставки, т. к. израильтяне в своей военной доктрине сделали ставку на ВВС, на удары с воздуха. Зная это, наши советники и специалисты решили сосредоточиться на уничтожении военно-воздушных сил Израиля. Поэтому в страну были тайно доставлены, надо отдать должное, новейшие к тому времени комплексы ПВО

– **С-125?**

– **С-125** к тому времени уже устарел, это были комплексы **SAM-6 («Квадрат»)**. Во время начала войны 1973 г. я был свидетелем применения **«Квадратов»**. Война началась около 6 часов утра 6 октября 1973 г. Я тогда с передовыми частями передвигался на израильскую территорию в районе Голанских высот⁵. Израильтяне решили нанести массированный воздушный удар по наступающим сирийским войскам.

Я сам видел, как за 12 секунд были уничтожены 12 израильских самолетов на высотах от 50 метров до нескольких километров. Прямо на нас шла огромная эскадрилья, и ее уничтожили, причем как высоко летящие, так и низколетящие самолеты.

На фоне восхода солнца это было отчетливо видно: синее небо и пуски ракет – и 12 самолетов тут же рухнули. За три дня налетов было уничтожено 220 израильских самолетов⁶ –

⁵ Сирийская территория, захваченная Израилем в войне 1967 г. (*прим. ред.-сост.*).

⁶ Израиль официально признал потерю почти 100 самолетов, но эти цифры были явно занижены. Независимые источники называли цифру в 250 сбитых израильских самолетов. Сирийцы же заявляли, что в течение 18 суток войны над Голанскими высотами и Ливаном сирийскими летчиками на самолетах типа **МиГ-21** было проведено 260 воздушных боев, в результате которых Израиль потерял 105 самолетов, а Сирия – 57 (*по материалам Интернета*).

практически половина всей военной авиации Израиля (**Фантомы, Скайхоки, Миражи**), и подавляющее большинство самолетов было уничтожено ракетными комплексами.

– Почему же сирийцы не отбили Голанские высоты? Не ввели вовремя танковый резерв?

– Я был во 2-й сирийской Президентской танковой бригаде, там были танки **T-55**. Сначала наступали **T-55**. Когда их уничтожили, пошли **T-62**.

– То есть сначала кинули в бой старую технику T-55, которую не так жалко было потерять?

– Не то чтобы жалко, **T-55** был той техникой, на которой личный состав готовился, к которой привык.

Мы были на **Газике (Газ-69)** в первом эшелоне, рядом с командиром 2-й танковой бригады, (племянником президента **Хафеза Асада**). После того как была уничтожена первая волна израильских самолетов, наша танковая бригада двинулась вперед.

– В чем же была проблема арабов, и почему они не заняли Голанские высоты?

– В некоторых местах они их заняли, но потом их выбили оттуда. Когда сирийцы начали продвигаться, израильтяне были шокированы. Они сутки не могли очухаться после того, как были уничтожены их самолеты, не знали что делать. Когда пришли в себя и решили нанести ответный удар, то перебросили с египетского фронта две бронетанковые бригады, т.к. египетский фронт в это время стоял⁷.

⁷ Позднее выяснилось, что президент Египта **Анвар Садат**, имея на частично захваченном Синайском полуострове двойной перевес в танках и артиллерии, приказал перейти к обороне, хотя мог освободить весь Синай и уничтожить попавшие в мешок израильские войска. Он испугался предупреждения американцев, что если оружие советского производства сможет одержать победу над американским, то Америка этого никогда не простит, и мирного урегулирования израильско-египетского конфликта не будет. Поэтому Израиль смог относительно свободно маневрировать своими танками и дру-

Когда израильтяне нанесли первый удар по наступающим сирийским войскам, арабы, не имеющие опыта в ведении боевых действий, побросали все танки. Моя бригада частично была уничтожена, остальные танки были брошены, весь личный состав убежал, прячась в складках местности. Дело доходило до того, что подходишь к танку **Т-55** – двигатель работает, а рядом никого нет.

И дело не в танковом батальоне, который сирийцы вовремя не ввели в бой на Голанских высотах, а в том, что израильтяне очень быстро перегруппировали силы, нанесли ответный удар и отбили атаки передовых частей сирийской армии.

– **А египтяне стояли на фронте и не двигались, потому что Сирия за 12 лет до этого отпала от них?**⁸ **Дескать, пусть Сирия получит по заслугам.**

– Нет, потому что и сирийцы, и египтяне, допустили большие стратегические ошибки. Если израильтяне сделали упор на авиацию, то сирийцы и египтяне – на бронетанковые части. Когда египтяне начали наступать и вышли в Синайскую пустыню, они бросили вперед свои танки, а тылы отстали. Более того, не было никакой охраны и сопровождения, танки шли никем не прикрытые, как с сирийской, так и с египетской стороны.

– **Без сопровождения пехоты?**

– Пехота там была в ограниченном количестве, не было средств прикрытия ПВО. Не было ни ракетных комплексов в тылу, ни зенитной артиллерии. Поэтому на египетском фронте израильтяне вертолетами очень быстро уничтожили насту-

гой бронетехникой, перебросив их сначала против Сирии и выбив сирийцев с Голанских высот, а потом – против Египта, отбросив к Суэцкому каналу египетские войска. Война закончилась 25 октября 1973 г. только после дипломатического вмешательства СССР (*по материалам Интернета*).

⁸ Объединенная арабская республика в составе Египта и Сирии существовала с 1958 г. и развалилась в 1961 г. (*прим. ред.-сост.*).

павшие танки. Несколько танковых бригад они сожгли буквально за несколько часов. И, естественно, египтяне испугались, остановились. Все смешалось, и они пошли назад.

На сирийском фронте вертолетов не было, но там израильтяне, как я уже сказал, перебросили танковые части и нанесли контрудар.

– **Какие танки у них были?**

– У них были старые американские **Шерманы (Sherman)**, английские **Центурионы (Centurion)**. Последние, кстати говоря, очень хорошо горели, т.к. у них двигатель на бензине. И у обоих высокий профиль (значительно выше, чем у **T-55**).

Но израильтяне прекрасно воевали не числом, а умением. Ни одного трупа – их тут же убирала. Наносили удар и тактически правильно действовали.

Арабы имели огромное численное превосходство, у них была армия – 1 млн 100 тыс. человек, в израильской армии было 120 тыс. человек. И арабы потерпели сокрушительное поражение, причем все решилось за первую неделю боевых действий. Вся война длилась месяц.

– **Сколько суток Вы непосредственно участвовали в боях?**

– Мы с полковником **Григорьевым Николаем Александровичем**⁹, военным советником командира 2-й бронетанковой бригады, продвигались вместе с бригадой на **Газике** с тентовым брезентовым покрытием.

Через полтора дня наступления часть нашей бригады была уничтожена, а часть разбежалась. Когда израильтяне нанесли контрудар, все побежали, включая командира сирийской бригады. Мы остались с военным советником вдвоем и решили ретироваться.

⁹ Он потом служил в Бронетанковой академии в Москве. Дальнейшую его судьбу я, к сожалению, не знаю (*прим. А.А. Григоровича*).

Один танковый батальон – им командовал самый отважный арабский офицер (не помню его фамилии), сломя голову, повел батальон¹⁰ в наступление, и его сожгли моментально.

– **Из чего сожгли? Из танков или гранатометов?**

– Не знаю, потому что они были впереди нас на 12 км, мы просто видели бой, как горело. Это было ночью. Их всех уничтожили. Подробности неизвестны, никто оттуда не вернулся, но мы знаем, что погибли все.

А остальные два батальона (свыше 60 танков **Т-55**) из состава нашей 2-й Президентской бронетанковой бригады были просто брошены, весь личный состав убежал.

Какой-то долг не давал нам возможности убежать так же, как это сделали арабы. Мы находились на Голанских высотах до тех пор, пока не увидели, что на нас разворачивается израильская бронетанковая колонна. Началось наступление собственно на нас, потому что больше никого не было. На нас пошли бронетранспортеры и несколько **Центурионов**.

– **Какого типа бронетранспортеры? Гусеничные американские М-113?**

– Не знаю. Нам пришлось удирать, и они начали охотиться на наш **Газик** и стрелять по нему из пушек.

– **А сирийский командир бригады куда делся?**

– Сирийский командир давно убежал.

– **А шофер?**

– Наш водитель сбежал, как только увидел, что на нас разворачивается цепь бронетранспортеров и танков. И нам пришлось вдвоем выходить из окружения, так как мы были практически окружены с трех сторон.

За рулем **Газика** был я, советник сидел рядом. Нам надо было вырваться на шоссе, которое шло вдоль линии фронта.

¹⁰ Танковый батальон обычно состоит из 31 танка (*прим. ред.-сост.*).

Шоссе в свое время сделали израильтяне. Здесь линия фронта долго существовала еще с 1967 г., поэтому они там сделали дорогу. Главное – было вырваться на эту дорогу, и по ней уехать в тыл.

Я жал на газ до упора, объезжал какие-то камни. Хорошо, что не врезались в них. Хорошо, что не забуксовала машина. Хорошо, что она сразу завелась. Всевышний нам в этот момент помогал!

Пока мы по пересеченной местности рвались к этой дороге, было сделано два выстрела из танкового орудия – один справа от нас, другой слева, третий был бы точно в цель – «вилка», но почему-то не выстрелили. Не знаю уж почему, и мы благополучно вырвались на эту дорогу и вернулись живыми.

Потом, после войны, вся сирийская армия была переведена с танков **Т-55** на **Т-62**.

Позже я разговаривал с сирийскими танкистами, которые участвовали в танковых сражениях, они жаловались только на то, что дальность прямого выстрела у **Центуриона** гораздо больше, чем у **Т-55**.

А у **Т-62** и дальность, и пробивная сила выстрела была больше, чем у **Центуриона** (у **Т-62** калибр орудия – 115 мм и снаряд другой, а у **Центуриона** – 105 мм). А по ходовой части, по маневренности, по высоте и **Т-55** (калибр орудия – 100 мм), и **Т-62** гораздо лучше, чем **Центурион**.

Это как в Великую Отечественную войну – наши танки и немецкие. Как нам рассказывал танкист, у немецкой артиллерии и танков – была прекрасная оптика, и они, как только наши выходили (до перехода в боевой порядок), уничтожали их с первого выстрела, поэтому наши потери были во много раз больше¹¹. Та же проблема – оптика и дальность прямого выстрела была и здесь.

¹¹ По другим сведениям большие потери советских танков во время Великой Отечественной войны происходили из-за действия тяже-

Я не знаю, решили ли сейчас эту проблему? Арабы тогда жаловались: «Я вижу танк противника, стреляю – и недолет снаряда». Из-за этого очень многие погибли. Я высказываю мнение тех людей, которые сражались¹².

И сирийская, и египетская армии бросили почти всю технику на поле битвы. Я точно не знаю, какое количество танков захватили израильцы¹³.

Сразу после окончания войны, находясь практически на границе Сирии и Израиля, мы посмотрели израильскую программу по ТВ. Представьте себе: поле, на котором выстроены захваченные танки до самого горизонта – на сколько видит глаз, идет израильский корреспондент и говорит (это, конечно, шутка была): «Спасибо арабам, которые нас прекрасно вооружили!»

Они до сих пор используют переделанные **T-55** и **T-62**, как бронетранспортеры **Ахзарит**, как многоцелевые машины (танки) **Тиран** и мишени. Потом израильцы активно продавали эти танки тем же египтянам через третьи страны и в другие страны, которые вели боевые действия. Тысячи единиц бронетехники, а автоматов, пулеметов – еще больше.

лой полевой артиллерии и фронтовой авиации фашистской Германии (*прим. ред.-сост.*).

¹² С другой стороны, сирийские и египетские **T-55** и **T-62** были оснащены приборами ночного видения, которых не было на израильских танках типа **Паттон**, **Центурион**, **Супершерман**, **M-48A3** (*по материалам Интернета*).

¹³ Всего израильцами в 1973 г. было захвачено свыше 1500 сирийских, иракских (они сражались на стороне Сирии) и египетских танков (по независимым источникам – 1350 танков) в основном **T-55** и **T-54**, из них – более 200 современных для того времени **T-62**. При этом более **550** арабских танков были не поврежденные в боях машины. Потери израильской армии по официальным данным составили 300 танков, а по независимым источникам – 900 танков. Армии арабских стран – участников войны потеряли 28000 убитыми и ранеными, а израильская армия – около 10000 убитыми и ранеными (*по материалам Интернета*).

Одним словом, арабы 1500–2000 единиц бронетехники просто так отдали. А ведь сирийцы наносили еще и ракетные удары, тактическими ракетами.

– **БМ-21?**

– Нет – это не **БМ-21**, это тактические ракеты класса «земля-земля» с дальностью стрельбы 70–80 км. Я не знаю их названия. Кажется «Луна», если не ошибаюсь. Я был свидетелем, когда эта ракета пролетала, думал, что небо упало на землю – такой был грохот! Несколько ракет нанесли удар по целям, которые находились непосредственно на территории Израиля, а не на оккупированных ими Голанских высотах. Но, правда, это тоже не возымело никакого успеха.

– **Как долго Вы были в Сирии после войны?**

– Я был в Сирии еще полтора года. Всего командировка получилась на два с лишним года.

– **Когда Вы получили младшего лейтенанта?**

– Звание младшего лейтенанта я получил после боевых действий. Поехали в отпуск после войны в конце 1973 г., и в этот момент нам присвоили звания. Нас наградили арабскими орденами, причем очень престижными. Орден «За мужество» – это как советский Орден Красного Знамени. Если приедешь в Сирию с наградной грамотой этого боевого ордена, то тебя встретят как почетного гражданина.

– **А какими советскими наградами наградили?**

– Только юбилейными медалями. Были ценные подарки за службу, а боевых наград очень мало кто из переводчиков получил, потому что военные советники, в основном, присваивали эти боевые награды только себе. Некоторые переводчики получили медали «За боевые заслуги», но очень немногие.

– **Как сирийцы после войны стали перестраивать армию?**

– Они перевооружились на более современную бронетанковую технику, в частности, на **Т-62**.

– **Т-55** они оставили в резерв?

– **Т-55** не осталось в сирийской армии после войны. Они все были брошены или уничтожены. Обе бригады в нашей дивизии после войны остались без танков. Потом на укомплектование поставлялись танки **Т-62**¹⁴.

– **То есть экипажи, которые служили ранее на Т-55, сажали на новый танк Т-62?**

– Совершенно верно. И второй год своей службы в Сирии я работал с **Т-62**. Наша бригада выдвинулась немного вперед к границе, граница за войну не сдвинулась ни на метр. Израильтяне за одну неделю войны полностью восстановили прежнюю линию фронта с Сирией – за исключением Голанских высот¹⁵ на самых верхушках, где сирийский спецназ держал оборону три недели. Их потом выбил спецназ, только израильский.

Все было решено в первую неделю боев. Израильские самолеты прорывались через сирийскую ПВО на бреющем полете, они летали на высоте 25 м, а высота поражения у комплексов ПВО **Квадрат** была от 50 м и выше. Израильтяне сбрасывали напалм, делая «бочку», и эта бомбардировка была очень эффективной. Под такую напалмовую бомбардировку я попал во время наступления. Стояли наша танковая колонна и рядом тыловое подразделение. Были сожжены несколько танков и

¹⁴ В 2007 г. в сирийской армии было от 2000 до 2200 танков **Т-55** различных модификаций и до 1000 танков **Т-62** (по материалам *Интернета*).

¹⁵ Точнее, часть территории Сирии была захвачена бронетанковыми подразделениями израильской армии, и тогда их наступление было не без труда остановлено пришедшими на помощь сирийцам бронетанковыми подразделениями армии Ирака (танки **Т-54**), Иордании и Саудовской Аравии. Кроме того, прибыли кубинские добровольцы – танкисты, но их не успели послать в бой на оставшихся в наличии иракских танках, поскольку война закончилась. Израиль после долгих дипломатических переговоров вернул Сирии, занятые им в войне 1973 г. земли, но Голанские высоты, захваченные в 1967 г. Израиль оккупирует до сих пор (по материалам *Интернета*).

вся колонна грузовиков **ЗИЛ-157** с артиллерийскими и танковыми снарядами.

– **Переносные зенитно-ракетные комплексы (ПЗРК) «Стрела-2» и зенитно-ракетные комплексы «Стрела-1» на базе БРДМ-2, применялись сирийцами на фронте?**

– Я не знаю, как на других участках фронта, но на нашем их не было. Потому что, как только сирийцы видели израильский самолет, они разбегались, кто куда. Еще раз повторю, эффективность наших комплексов ПВО – я сам видел – на 50-метровой высоте и выше. У меня даже заснято на пленку: три огненных шара – три самолета уничтожены. Это потрясающе! Практически 100%-ное попадание. На кнопки пуска ракет, конечно, нажимали наши военные советники, потому что арабы за несколько месяцев не могли, как следует, научиться управлять новыми комплексами ПВО.

– **Что еще нового, кроме Т-62, в сирийской армии ввели после войны?**

– Так как я был в бронетанковой бригаде, то для меня новыми были только танки **Т-62** и новейшие комплексы ПВО **Квадрат**. Какие-то другие единицы вооружений я не видел. Стрелковое оружие осталось прежним, т.е. **АК-47, АКМ, РПК, ПК, ПКМ, ПКТ** и **СВД**. У нас в бронетанковой бригаде не было **БМП-1**, только колесные бронетранспортеры **БТР-60ПБ** и танки **Т-55**.

После командировки в Сирию, я экстерном сдал экзамены за полтора года и стал изучать второй язык – португальский. Сначала у нас был обычный курс, а когда в начале 1975 г. в Анголе начались столкновения между **Роберто (ФНЛА), Савимби (УНИТА) и Нето (МПЛА)**, нам стали преподавать интенсивный курс португальского языка. И когда события там приняли крутой оборот, и туда планировалась командировка, вызвали добровольцев из числа курсантов.

– **То есть всех поголовно не загоняли?**

– Загоняли только тех, кто хотел. Один отказался, не поехал, а остальные пятеро – поехали.

– **Фамилии помните?**

– Помню – **Борзов, Архипов, Токарев**. Сначала нас послали в Конго-Браззавиль.

– **В каком месяце?**

– В ноябре 1975 г. Буквально за несколько дней до провозглашения независимости Анголы. Число я сейчас уже точно не помню. Мы там несколько дней сидели, ждали, когда нам разрешат перелететь из Конго-Браззавиль в Луанду.

– **Летели на Ан-22 «Антей»?**

– Нет, на грузовом **Ан-12**. У нас была группа в 40 с лишним человек. Из них – пять переводчиков, остальные – военные специалисты и советники. Когда мы туда прилетели – 13 или 14 ноября 1975 г., сразу после независимости, нас никто не встречал. У нас было ощущение, что нас могут захватить. Два часа мы сидели в самолете. Двигатели самолета работали, мы были готовы в любую минуту снова взлететь.

– **Было ли какое-либо оружие на самолете, кроме авиационной пушки в хвосте?**

– Ничего не было, кроме пяти чемоданов у переводчиков, в которых оружия точно не было. Наши чемоданы были полностью забиты продуктами, т.к. мы знали, что летим в неизвестность. Брали по 40–50 кг продуктов, которые потом нам дали возможность целый месяц продержаться, буквально не умереть с голоду. Мы кормили нашими припасами все 40 человек. Консервы тащили с собой из Москвы, в основном – тушенку. Скоропортящиеся продукты брать было нельзя. Целая эпопея была достать эту тушенку! Это же было советское время, с продуктами – проблемы. Родители все доставали, где-то бежали, кому-то переплачивали.

К самолету подъехал какой-то человек в иностранной форме на машине. Оказалось, что это наш товарищ из ГРУ. Он случайно узнал, что мы прилетели. Бардак был еще тот! Потом мы договорились о размещении с кубинской охраной, которая находилась на аэродроме.

– Из тех 300 инструкторов, которых кубинцы послали обучать ангольцев или из тех, которые приехали уже воевать на стороне ангольцев?

– Нет, там была договоренность на уровне Генштаба, о том, что наших военных специалистов будут охранять кубинцы. Кубинцы посылали туда своих людей не для того чтобы готовить ангольцев, а чтобы воевать.

Лично я не видел ни одного кубинца, который готовил бы ангольцев, по крайней мере, в Луанде и окрестностях. Кубинцы жили очень обособленно, никого к себе не пускали, кроме нас – советских. У них там была бригада, в ней батальон и учебная часть, и учили они только своих. Когда прибывала новая партия кубинцев, то их посылали в этот батальон. Когда туда приезжали наши специалисты и переводчики, они с удовольствием встречали их, потому что мы были близки им по духу, менталитету и так далее. Более того, если говорить откровенно, кубинцы не очень любили ангольцев.

– Почему?

– Потому что они считали, что ангольцы не умеют воевать, что они – «мямли», что они не так себя ведут. В то время боевой, кастровский дух у кубинцев присутствовал и в войсках, и в народе. Они очень любили **Кастро** и ту политику, которую он проводил.

Кубинцы считали, что войну можно выиграть очень быстро, если направить в Анголу значительные силы и действовать решительно. Поэтому они не практиковали обучение ангольцев¹⁶. Кубинцы не понимали языка ангольцев и не хотели его понимать. Они пытались понять, что говорят местные, но дол-

¹⁶ Вернее, кубинские военные инструкторы с августа 1975 г. готовили ангольцев в четырех центрах военной подготовки, а первые кубинские военные – двое офицеров прибыли еще в марте 1975 г. с целью разведать обстановку в Луанде и наметить места будущей подготовки ангольской армии кубинскими военнослужащими (*по материалам С.А. Коломнина*).

го не выдерживали. Кубинцы очень темпераменты, ждать долго не могут.

Поэтому отдали все на откуп нам, готовы ангольцев, как хотите, делайте, что хотите. Это мы могли писать отчеты, разработки, переводить, вдалбливать им все в голову. А кубинцы говорили: «Нет, мы лучше будем воевать!» После приезда, короткой подготовки и передислокации – их сразу посылали на фронт.

– Правда ли, что тогда кубинцы сбросили ангольцам все старое советское оружие времен Великой Отечественной, которое им в свое время подарил Хрущев?

– Совершенно верно. Весь так называемый хлам, который у них был, привозили на кораблях и отдавали. Вообще говоря, с их (кубинской) точки зрения они все делали правильно.

– Скинули вплоть до Т-34-76, выпускавшегося до 1943 г. и Т-34-85, выпускавшегося в 1943–1946 гг.?

– В моем фильме, который я снимал любительской камерой, первый парад ангольских вооруженных сил – это Т-34-85 и полевые пушки калибра 76 мм (ЗИС-3), ЗУ-23-2 калибра 23 мм, ЗГУ-1 калибра 14,5 мм – все привезенное кубинцами.

– А самоходки СУ-100 ангольцам сбросили кубинцы или наши?

– Возможно, что кубинцы, потому что мы поставляли в свое время такие самоходки на Кубу.

– Они вышли из строя в первой половине 1980-х гг., и поэтому в справочниках об армии Анголы количество самоходных орудий СУ-100 не указывается?

– Все это ангольцам поставили кубинцы, потому что была такая договоренность (чтобы нам не светиться, а кубинцам чего терять, они же были за мировую революцию!). А в обмен мы поставили на Кубу более современное оружие – танки Т-62 и прочее.

– Где вы жили?

– В Луанде мы сначала поселились в аэропорту у кубинцев. Аэропорт и военно-воздушная база – это практически одно и

то же. Там садились и гражданские, и военные. Мы находились в казармах военно-воздушных сил на расстоянии 200 м от гражданского аэропорта.

– Что осталось у ангольцев от португальцев?

– Португальцы оставили им абсолютно все в нетронутom состоянии, в том числе: самолеты, вертолеты, гражданские автомобили, которые были брошены прямо с ключами в замках зажигания, все вооружение, гранаты. На некоторых гранатах были маленькие «сюрпризики», но практически все было абсолютно целое.

– То есть все вооружение, которое использовали португальцы в Анголе, включая устаревшее вооружение времен гитлеровского рейха – немецкие автоматы MP-40 и более современные западногерманские штурмовые винтовки G-3, всего не менее 30 видов оружия?

– Абсолютно все. Португальцы должны были покинуть пределы Анголы в течение 48 часов. Поэтому они убежали только с чемоданчиком или одним рюкзаком. Все вещи, мебель – все работало, все осталось, даже еда в холодильнике.

– Я слышал, что наши переводчики собирали книги, которые сваливали на улицах ангольские мародеры?

– Да, у меня до сих пор дома хранится огромная библиотека, которую я привез из Анголы. Мы везли не барахло, не бриллианты, только книги. Очень много справочной литературы, толковые словари на португальском. Я привез много португальских исторических книг, которые, были написаны в 1920–1930-е годы. Португальцы любили все записывать, составляли летопись абсолютно всего, что происходило на их территориях. Огромные по объему справочники! Мы их брали, чтобы изучать чистый, настоящий португальский язык. Привозили по 25–30 кг одних только книг.

– Как вам поступало продовольствие?

– Почти месяц мы питались подножным кормом. Сделали запрос в Генштаб. Из Генштаба прибыл один представитель и

сказал: «Ребятки, если вам везти продукты, то эти продукты превратятся в золото». А старая военная техника при перевозке самолетом в золото не превращалась?¹⁷ Мы спросили: «Что теперь мы должны умереть с голоду?» «Мы продумаем этот вопрос», – ответил он. И пока они там думали, мы три недели жили за счет кубинцев, которые делились с нами последними крохами – рисом, похлебкой, лишь бы мы не умерли с голода. Нас было больше 40 человек, а их (кубинский взвод) – 30 человек. Дошло до того, что меня снаряжали на машине искать продовольствие. Я, как голодный волк, в одиночку на машине ездил по всей Луанде, искал что поесть.

– **На чем ездили?**

– Была машина, которую я сам захватил, французский пикап **Ситроен**. На нем я передвигался и, что удавалось добыть, привозил на базу.

– **Чем вы платили?**

– Платил? Поднимаешь вверх два пальца, которые означают «Vitória» – победа, и говоришь: «Вот русский, который умирает с голоду». Как-то раз я нашел бочку красного португальского вина низкого качества, вроде бормотухи. И, чтобы взять эту 200-литровую бочку, потребовалась подпись начальника Генерального штаба Анголы! Я ездил за этой подписью, добивался, выбивал у него. И все-таки привез ребятам бочку этого вина! Ужасно, конечно. Никому из начальства не было никакого дела даже где и как мы были размещены. Нас разместили с помощью кубинцев, которые хлопотали за нас,

¹⁷ Всего в период с октября 1975 до апреля 1976 года в Анголу, в том числе и через Конго (Бразавиль), для МПЛА и кубинцев было поставлено из СССР (в основном морем) 200 танков **Т-54**, 50 плавающих танков **ПТ-76**, 70 танков **Т-34**, более 300 **БТР-152**, **БТР-60ПБ**, **БМП-1** и **БРДМ-2**, около 100 122-мм и 140-мм систем залпового огня **БМ-21** и **БМ-14 (БМ-14-16)**. Из СССР в Анголу также были направлены 122-мм гаубицы **Д-30**, минометы, зенитные установки, **ПЗРК «Стрела-2»** и в огромных количествах современное стрелковое вооружение, боеприпасы (по материалам С.А. Коломнина).

чтобы мы были рядом на военно-воздушной базе возле аэродрома Луанды. Потом нас переместили на базу, где жили летчики президента Анголы **Агостиньо Нето**. Это были несколько вилл, которые находились в центре Луанды, рядом с Генштабом. Условия проживания там были более-менее приемлемые. Была и столовая, и питание. Нормальные комфортные условия.

– **Участвовали ли вы, переводчики, в боевых действиях?**

– Ну, в атаку мы не ходили. Мы готовили ангольцев и отсылали их на передовую. Несколько раз были на переднем крае, когда **БМки (БМ-21)** наносили удары.

– **Когда?**

– В ноябре–декабре 1975 г., когда была наиболее напряженная обстановка.

– **Кто бил из БМ-21 – ангольцы?**

– Ангольцы только подносили снаряды и ракеты, а били наши советники¹⁸. Это были специалисты и советники артиллеристы, в звании полковника. Очень квалифицированные специалисты, фамилий я, к сожалению, не помню.

– **То есть с нашими военными специалистами было тоже самое, что и у кубинцев в Анголе – ангольцы нам и кубинцам только подвозили и подносили снаряды, за исключением нескольких ударов по наступающим войскам Заира, нанесенных ангольскими специалистами, подготовленными в СССР, с помощью Град-П?**¹⁹

¹⁸ Точнее наступление регулярных войск ЮАР отражали кубинские артиллеристы.

¹⁹ Речь идет о знаменитом сражении при Кифангонду в ноябре 1975 г., в результате которого кубинскими и ангольскими войсками в пригородах Луанды было разгромлено до двух батальонов заирских командос и до сотни иностранных наемников. Однако в этом бою основной ударной силой кубинцев являлись не **ГрадП**, а многоствольные реактивные системы залпового огня **БМ-21 Град**, артиллерийские орудия **ЗИС-3** калибра 76,2 мм и тяжелые минометы калибра 120 мм. «Битва при Кифангонду» сыграла решающую роль в

– Там нужны были квалифицированные специалисты, а их невозможно было подготовить за столь короткий промежуток времени. Особенно в начальный этап, сразу после независимости, когда была полная неразбериха.

– А когда подвезли туда истребители МиГ-17 и МиГ-21, эти самолеты с кубинскими экипажами участвовали в воздушных боях, или они били только по наземным целям?

– Это было уже после того как я уехал, примерно через полгода. Мы уехали весной 1976 г. При нас пришли два или три МиГ-21 в разобранном виде, и полетов еще не было²⁰. Полеты из Луанды были только на гражданских и на португальских разведывательных самолетах типа Рама.

– А кубинцы как прибывали?

– Они прилетали самолетами, причем в декабре – в конце декабря, точно не помню, практически каждую ночь. Прилетал кубинский Ил-62 (гражданский) с кубинскими стюар-

том, что именно лидер МПЛА Агоштинью Нету (Агостиньо Нето) единолично поднял над Луандой флаг нового независимого государства. Силы ФНЛА, наступавшие с Севера, были разгромлены. А победа при Кифангонду была достигнута благодаря внезапному применению высокоэффективной боевой техники советского производства (в основном БМ-21 «Град») и высочайшему ратному мастерству кубинских военнослужащих (по материалам С.А. Коломнина).

²⁰ Точнее, 10 истребителей МиГ-17Ф были собраны советскими специалистами и облетаны кубинцами в январе 1976 г., и заступили на боевое дежурство по охране ангольской столицы. Эти самолеты принимали участие в воздушном параде на авиабазе Луанды 21 января 1976 г. (с тех пор этот день празднуется в Анголе как день военной авиации). А 12 самолетов МиГ-21МФ были доставлены из СССР на аэродром Луанды уже 23 января 1976 г. и собраны в течение двух недель. Именно после этой мощной «авиадемонстрации» силы нового ангольского правительства американцы отказались от поставок противникам МПЛА своих самолетов огневой поддержки. Кроме того, в Анголу из СССР были поставлены 30 вертолетов Ми-8 (по материалам С.А. Коломнина).

дессами и военными в полном снаряжении, но без оружия. Их тут же сажали на машины, и они ехали в свою бригаду, где их вооружали, формировали по группам и ночью отправляли на фронт. Прибывала регулярная кубинская армия, не новички. После этого дела у ангольцев на фронте пошли хорошо.

– **Юаровская авиация действовала тогда в Анголе?**

– Нет, война шла по дорогам. Тогда еще не было сплошной линии фронта, как через несколько лет. Война шла по направлениям, по дорогам, где можно было продвигаться на колесном ходу, причем у юаровцев были **БТРы** на колесном ходу.

– **Это бронемшины AML-60 (Eland-60) и AML-90 (Eland-90, как французский пушечный броневик Панар (Panhard), сделанный по лицензии)?**

– Да. Потому что танки просто вязли в зыбучем песку. Там использовалась не гусеничная техника, а колесная²¹. И как там потом танки воевали, я просто не знаю. Юаровцы тогда танки не использовали из-за полной неэффективности.

Ангольцы танки, в основном, закапывали в землю и использовали как **ДОТы**. Они защищали аэродромы или населенные пункты. Закапывали **T-34**, а потом **T-54** и **T-55**. Их нельзя было использовать на ангольском рельефе²².

– **Кубинцы, соответственно, воевали на наших старых БТРах?**

– На **БТР-60ПБ**. Среди первых кубинских военных поставок были и **БРТ-152**. На моей кинолентке запечатлено, что на параде в Луанде эти **БТР-152** присутствовали.

– **Расскажите о вашей дальнейшей службе.**

²¹ Ошибочное мнение. Тяжелую гусеничную бронетехнику трудно использовать в Анголе в период дождей, но можно эффективно использовать в сухой сезон (*прим. В.А. Сагачко*).

²² Танки различных типов эффективно использовались в Анголе в сухой сезон (*прим. В.А. Сагачко*).

– После Анголы я продолжил обучение в институте в звании младшего лейтенанта. Окончил институт в 1977 г. – лейтенантом. Далее служил в Гвинее-Бисау, потом долгое время на Кабо-Верде. Вернулся в Военный институт и стал преподавателем португальского языка.

– **Какие еще языки знаете, кроме португальского и арабского?**

– Английский. И еще венгерский, т.к. долго жил в Венгрии.

Военную службу закончил в 1992 г. в звании подполковника, с выслугой в офицерских чинах (включая боевые) почти 25 лет, календарных 22 года. Ушел по собственному желанию, даже раньше времени, но военную пенсию получаю такую же, как и остальные.

– **Чем занимаетесь после выхода в запас?**

– Еще во время службы, работая в институте, закончил Психологический факультет МГУ и стал заниматься астропсихологией. До сих пор этим занимаюсь, мне очень нравится.

ВОСПОМИНАНИЯ
Ковальского В.Ф.¹ о его отце,
полковнике Ковальском Феодосии Ивановиче

Мой отец – полковник **Ковальский Феодосий Иванович** – начальник штаба Волгоградской дивизии, впоследствии комдив Резервной дивизии, был старшим военным советником египетской дивизии с декабря 1969 г. по февраль 1972 г. Он участвовал в планировании так называемой войны Судного дня 1973 г. – операцию в арабо-израильском конфликте.

Эта общевойсковая египетская дивизия состояла из 3 бригад, ряда вспомогательных частей и была дислоцирована на Суэцком канале, южнее Горького озера. Практически весь старший офицерский состав был дублирован советскими советниками. При этом подсоветные, согласно распоряжению президента Египта **Гамалы Абдель Насера**, были обязаны принимать любые советы, консультации, распоряжения как приказ.

Это объяснялось тем, что после поражения в семидневной войне в июне 1967 г. **Насер** пришел к выводу о необходимости коренной реформы египетской армии. Помимо коренного технического переоснащения всех видов вооруженных сил и усиления боевой подготовки личного состава, важнейшим элементом армейской реформы стало обновление высшего и старшего офицерского состава, основу которого составляли выпускники военных школ и академии старшего поколения, которые были мало приспособлены к ведению современных боевых действий.

Система продвижения по службе в египетской армии была архаичная, еще британская, когда с уходом командира части на пенсию или на повышение, все остальные офицеры пере-

¹ Запись произведена в октябре 2002 г. **Г.В. Шубиным**.

двигались вверх по службе на одну ступеньку, независимо от того, способны они руководить подразделением более высокого уровня или нет. Наши же советники старались продвигать на ключевые посты наиболее способных, молодых, более подготовленных, имеющих современные знания, в основном, выпускников наших военных академий.

При этом следует отметить такой интересный момент: не испытывая ни малейшей неприязни к офицерам-мусульманам, наши советники, не сговариваясь, почему-то отдавали предпочтение офицерам-коптам². Это объясняется не тем, что они испытывали больше симпатии к христианам, а тем, что многие офицеры-мусульмане, особенно старшего поколения, были в какой-то степени фаталистами и больше уповали на Бога, чем на собственную инициативу, знания и оперативную гибкость. В то время как офицеры-копты, как правило, проявляли большую оперативную гибкость и надеялись, в общем-то, на себя, а не на Бога.

Несколько слов о качествах египетского солдата. Рядовой состав египетской армии, в основном, состоял из феллахов³. В подавляющем большинстве это были люди физически очень сильные, рослые, выносливые, великолепные стрелки, дисциплинированные, но в то же время неинициативные, сильно зависящие от приказа командира. Поэтому все буквально зависело от того, насколько грамотно был дан приказ. И вот тут остро встал вопрос о решающей роли офицерского состава в будущей войне. Что касается психологического настроения египетского общества в целом и армии, в частности, то он был весьма боевым – возврат своих земель, Синайского полуострова.

² Копты – одна из древнейших христианских церквей. Коптов в Египте по разным оценкам от 10 до 13% населения, но почти 40 лет назад их процент был выше.

³ Феллах (араб.) – деревенский житель, фермер или крестьянин в странах Ближнего Востока.

Однако наши офицеры-советники не были уверены, что в непосредственном боевом столкновении, в широкомасштабной войне этот психологический настрой сохранится. И поэтому было принято уникальное в истории военного искусства решение о подготовке операции иного типа.

Не умаляя ни профессиональных, ни оперативных способностей египетских офицеров, ни боевых качеств египетских солдат, советское военное руководство, тем не менее, решило не рисковать и осуществить подготовку по схеме, которая независимо от ситуативных решений и обстановки гарантировала бы успех боевой операции.

Повторного поражения в войне нельзя было допустить ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах, потому что оно означало бы катастрофу для всех: потерю престижа Советского Союза, возможное свержение режима **Гамалы Абдель Насера**, дружественного Советскому Союзу, психологический и моральный удары по египтянам и всей арабской нации. Поэтому, по данным всех видов разведки (армейской, агентурной, авиационной, аэрокосмической), был составлен подробный план всей системы глубоко эшелонированной обороны восточного берега Суэцкого канала, т.е. системы обороны израильтян.

По этому плану на одном из пустынных рукавов дельты Нила, который по параметрам примерно соответствовал размерам ширине Суэцкого канала, были со скрупулезной точностью воспроизведены все укрепления обороны восточного берега Суэцкого канала. Каждая египетская дивизия проходила тщательнейшую подготовку в дельте Нила на определенном участке, соответствующем аналогичному на Суэцком канале.

Таким образом, солдаты штурмовали практически макет оборонительных укреплений израильтян, причем не раз, не два, а десятки раз! Египтян не просто тренировали – их дрессировали.

Боевая задача была поставлена на уровне армейской группировки, дивизии, бригады, а также на уровне батальона, ро-

ты, взвода, отделения и, более того, отдельного бойца. Это было совершенно уникальное явление!

Сейчас об этой операции мало кто знает, но ее приводят в качестве примера успешной подготовки во многих военных академиях мира (и в американском Вест-Пойнте, и английском Сан-Херсте, и французском Сен-Сире).

Все офицеры, солдаты, младшие офицеры, унтер-офицерский состав, прошедшие эту подготовку, не демобилизовывались вплоть до начала войны. Они десятки раз проходили штурм канала, и все совместные действия понтонеров, технических частей, штурмовых войск, групп коммандос, обычной пехоты, танковых войск были доведены буквально до автоматизма. Они уже не задумывались над тем, что нужно делать.

В результате, в Октябрьской войне 1973 г. многие шли в бой как на учения, повторяли те же действия и схемы, которые были отработаны в течение многих месяцев, даже лет. Это и обеспечило в будущем успех в войне Судного дня (Ёмкипурской войне⁴).

Что касается противостояния Египта и Израиля конца 1960-х годов, т.е. до начала войны Судного дня, то этот период можно назвать периодом позиционной войны, не очень интенсивной. Но это все равно была война. Систематически совершались налеты (особенно со стороны Израиля), велась взаимная артиллерийская перестрелка, всюду работали снайперы. Погибло немало египетских солдат и офицеров.

К сожалению, погибло и значительное число наших военных советников. Поскольку египтяне построили очень серьезные солидные укрепления, глубоко закопанные в землю, то израильтяне чаще применяли не бомбы и снаряды, которые не всегда достигали цели, а напалм. Когда напалм горел, он становился сверхтекучим, затекал в вентиляционные отверстия и

⁴ Ём кипур (Йом кипур) – Судный день. Религиозный праздник иудеев (*прим. ред.*).

сжигал все, что находилось внизу, в блиндажах и подземных укреплениях.

Несмотря на эти трагические потери, как говорится, не бывает худа без добра. За все годы противостояния, позиционной войны египетская армия пообстрелялась. Это были уже не новички, которые в шестидневную войну в июне 1967 г. в подавляющем большинстве впервые участвовали в боевых операциях, а закаленные бойцы, побывавшие в боевых операциях, не боявшиеся выстрелов и прямого противостояния с противником.

Как же теоретически планировалась операция по освобождению Синая и занятию восточного берега Суэцкого канала? Я, к сожалению, не расспросил об этом в свое время отца, который знал немало интересных подробностей, и поэтому могу дать только общие характеристики этой операции.

Суть ее вкратце была в следующем. Первоначально планировались одновременные интенсивная бомбардировка и арт-обстрел израильских позиций, затем высадка на вертолетах командос (египетского спецназа), установка понтонов, продвижение танковых частей и, одновременно с этим, высадка двух прекрасно подготовленных аэромобильных десантных бригад в центре Синайского полуострова, где проходят лишь две дороги через горы.

Сначала намечалось оседлать хребты, чтобы с одной стороны – замкнуть кольцо, «завязать мешок», в котором оказались бы части, находившиеся на берегу Суэцкого канала, а с другой – предотвратить перебрасывание по этим двум горным дорогам дополнительных резервных частей с израильской стороны.

Затем предполагалось уничтожение или взятие в плен основной группировки, которая находилась на берегу Суэцкого канала. Планировалось продвижение танковых частей по этим дорогам и выход на старую израильско-египетскую границу, однако без пересечения этой границы, чтобы не спровоцировать Израиль (который к тому времени уже об-

ладал атомным оружием) и США (с его явно произраильскими позициями) на какие-либо ответные действия, которые могли бы привести к войне международного масштаба. Вот такой был план.

Как **Садат** его привел в действие – это уже другой вопрос. Прежде чем говорить о том, как эта операция проходила, надо вспомнить позицию **Садата** в данной операции с точки зрения его интересов как президента страны и с точки зрения той правящей верхушки, которая ориентировалась вместе с **Садатом** уже не на Советский Союз, а на Запад и США.

Разумеется, **Садату**, который в тот период пользовался весьма малой популярностью в народе, особенно после того как он отстранил от власти близких друзей и соратников покойного президента **Насера**, непременно нужна была победа – для укрепления собственного положения, поднятия своего престижа. Но ему, как ни парадоксально, не нужна была полная победа, и, особенно, достигнутая под контролем советских советников. Если полная победа была бы одержана при участии Советского Союза, то он потом никак не смог бы объяснить нации и правящей партии свою переориентацию на Запад. Ему нужна была победа лишь частичная.

Одержав «небольшую» победу, он убивал сразу двух зайцев (что он и сделал): во-первых, резко укреплял свое положение в стране, во-вторых, появлялись основание обвинить Советский Союз в недостаточной подготовке, слабой помощи и предлог перейти на сторону Запада, сблизиться с США и т. д.

Самое печальное, что в тот период советское политическое руководство (я не имею в виду военное), несмотря на очевидные факты «правения» режима, питало какие-то иллюзии в отношении **Садата**, представляя его общественности и в политических кругах как верного соратника, продолжателя дела **Насера** и его курса на социалистическую ориентацию. Хотя и в период **Насера**, было совершенно не очевидно, что это со-

циалистическая ориентация, это был, скорее, четко выраженный левоцентристский курс.

В отличие от наших политиков, мой отец – простой военный – уже в начале 1972 г., когда вернулся из Египта (а он знал не только **Гамалья Абдель Насера**, но и много раз встречался с **Садатом**, достаточно хорошо его знал), прочитав очередную статью в «Правде» о том, что **Садат** продолжает курс **Насера** и друг СССР, иронично усмехнулся и с солдатской прямоотой сказал: «Я его знаю хорошо, и если эту сволочь не ликвидируют, то все, что мы сделали в Египте рухнет. Что касается смерти **Насера**, то это был не случайный сердечный приступ, а спровоцированный! За этим торчат уши **Садата**»⁵.

Осуществление своего плана (разрыва с СССР) **Садат** начал с требования передвижения сроков операции по освобождению Синая на 1973 г., хотя изначально предусматривались более поздние сроки. Советское руководство тогда еще питало какие-то определенные надежды, что конфликт удастся урегулировать политическим путем. А если не удастся, то более поздние сроки были необходимы для того, чтобы полностью подготовить египетскую армию и обеспечить полный успех операции.

Садат обвинил советскую сторону в том, что СССР не выполняет свои обязательства и не желает скорейшего освобождения египетских территорий. Под этим предлогом еще с 1972 г. он начал массовую высылку из страны советских специалистов, технических специалистов, политических советников, не сомневаясь в том, что египетская армия в силу своей подготовки уже одержит частичную победу.

⁵ **Анвар Садат** являлся вице-президентом Египта. Смерть президента **Гамалья Абделя Насера** в 1970 г. произошла по официальной версии в результате сердечного приступа (*по материалам Интернета*).

Как же проходила октябрьская операция по освобождению восточного берега Суэцкого канала, или как ее называют на Западе – Ёмкипурская война?

С самого начала войны по приказу **Садата** важнейшие элементы комплексного плана этой операции не были приведены в действие. Достаточно рассмотреть два примера.

Так, не была реализована важнейшая часть плана – высадка двух аэромобильных десантных наиболее подготовленных бригад египетской армии на дорогах, проходящих через перевалы в скалистых горах Синайского полуострова. Это, позволило, с одной стороны, отступающим израильским частям отступить назад, а с другой – подтянуть свежие резервы для наступления на египетские позиции.

Наиболее уязвимой частью Суэцкого канала является его южная оконечность, переходящая в узкую горловину Красного моря, которое омывает значительную часть Синайского полуострова. В этой части канала была предусмотрена возможность высадки и прохода в тыл израильского десанта, поэтому там были установлены артиллерийские позиции и постоянное авиационное наблюдение.

Так вот, в период войны это авиационное наблюдение было ликвидировано, а многие части сняты с позиций и отведены в другие места!

Таким образом, Израиль получил возможность высадить на левом (западном) берегу Суэцкого канала десант и создать существенно важный плацдарм. Однако несмотря на все эти явно предательские действия **Садата**, операция была спланирована (с военной, технической и организационной точек зрения) столь тщательно и скрупулезно, что даже в своем частичном варианте она была запрограммирована на успех. Кроме того, удалось сохранить фактор внезапности, что весьма удивительно, принимая во внимание активные действия израильской разведки и количество израильской и западной агентуры.

Когда в ночь на Ём кипур египтяне начали боевые действия, это было полной неожиданностью для израильтян. На мой взгляд, израильтяне все-таки догадывались, что готовится какая-то операция, примерно знали сроки ее проведения, но были уверены в себе и не верили, что египтяне решатся на такую широкомасштабную операцию, тем более без участия советских военных специалистов.

Более того, израильтяне были настолько уверены в неуязвимости и прочности своих оборонительных позиций (укреплений, блиндажей, подземных коммуникаций – бетонированных, глубоко спрятанных под землю, глубоко эшелонированных), что не допускали даже мысли, что противнику удастся их занять и преодолеть. Ну, к примеру, для того, чтобы предотвратить переброску тяжелой военной техники, танков, бронетранспортеров, маршевых батальонов египетской армии через Суэцкий канал, израильтяне в течение нескольких лет с помощью бульдозеров создавали на своем берегу канала песчаный сыпучий вал.

Они считали, что если даже перекинуть понтоны, которые упрутся в этот вал, преодолеть его невозможно – и танки, и бронетранспортеры, и простая пехота будут скатываться с горы сыпучего песка. Поэтому были спокойны и уверены в своей неуязвимости. Однако это чувство превосходства и уверенности в себе, конечно, ценное с точки зрения психологического настроения армии, имело и отрицательную сторону. Израильтяне явно недооценили не только боевой настрой египетской армии, но и степень ее подготовки, технической вооруженности, и, самое главное, степень продуманности до мельчайших деталей всей операции. Это была недооценка, в первую очередь, советских военных специалистов. Следует отметить, что большинство старших советских офицеров – полковников и генералов – прошли Великую Отечественную войну. Таким образом, израильтяне недооценили и советскую военную науку.

Как же реально развивались события в ночь на Ём кипур? Первая фаза началась с массированной бомбардировки и обстрела из тяжелой артиллерии. Началось прицельное бомбометание и прицельный огонь по конкретным целям, что было рассчитано в соответствии с данными разведки и отработано на учебных стрельбах в дельте Нила. В итоге была уничтожена значительная часть боевых позиций израильских войск.

После массированной огневой подготовки была осуществлена высадка десанта спецназа и захвачены основные командные пункты и пункты связи. Высадка десанта прошла успешно не только в силу хорошей боевой выучки спецназа, но и во многом благодаря деморализации израильских войск после огневой подготовки. Далее началось форсирование Суэцкого канала, а также переброска на восточный берег бронетанковой техники и мотострелковых частей. Для этого необходимо было преодолеть пресловутый песчаный вал. Эта проблема была решена на удивление просто и эффективно.

Уже к концу 1971–1972 гг. в Египет была поставлена плавающая самоходная техника, самоходные установки советского производства, вооруженные так называемыми гидромониторными пушками. Эти установки засасывали воду из канала, которую затем под давлением в несколько десятков атмосфер из гидромониторов выбрасывали на песчаный вал. Ударная сила струй такова, что могла легко разбить даже кирпичную стену. Поэтому песчаные валы взлетали в воздух, рассыпались, и образовывался пологий скат, по которому легко могла пройти как бронетанковая техника, так и мотопехота. После разрушения песчаного вала самоходные понтоны советского производства в считанные минуты наводили переправу, и на восточный берег Суэцкого канала шел поток бронетехники и мотопехоты.

В общем, на данном этапе операции все развивалось так, как было отработано на многочисленных учениях. К утру все основные позиции израильских войск были заняты египтянами. Большое количество войск было уничтожено и еще больш

шее попало в плен. Однако значительная часть израильских войск покинула позиции и начала отступление, которое на первом этапе носило характер хаотического бегства.

И вот здесь начинается самая странная и труднообъяснимая фаза октябрьской войны 1973 г. По логике вещей, после такой триумфальной победы египетское командование, несмотря на то, что горные дороги не были блокированы десантными бригадами, должны были организовать преследование отступающих израильских войск, их окружение, уничтожение или взятие в плен. Но этого не произошло. Почему? Детальный анализ дальнейшего развития ситуации может дать только квалифицированный военный специалист, имевший непосредственное отношение к подготовке египетской армии.

Я лишь могу высказать ряд своих предположений относительно дальнейшего хода событий, частично опираясь на ту информацию, которую извлек из рассказов отца. Мне представляется, что здесь сыграли роль не один–два, а целый ряд факторов.

Первый – это настрой египетского руководства, в первую очередь, **Анвара Садата** на частичную победу, для чего освобождения восточного берега канала было более чем достаточно. *Вторым*, существенно важным фактором представляется психологическая неготовность египетских военных к молниеносному и полному успеху на первом этапе операции. Просто говоря, одержав триумфальную победу, египтяне не знали, что с ней дальше делать. *Третий* фактор, на мой взгляд, состоит в том, что, будучи подготовленными по четко отработанной и детальной схеме, египетские командиры не были готовы к принятию ситуативных, оперативных, творческих решений. И, наконец, *четвертый*, основной фактор состоит в том, что египетские командиры привыкли полагаться во всем на наших советников, предоставляя им как принятие решений, так и всю меру ответственности за них.

В итоге, началась неразбериха, хаос и несогласованность в действиях боевых частей египетской армии. В противополож-

ность этому, израильтяне сравнительно быстро оправились от поражения, перегруппировали части, подтянули резервы, максимально задействовали боевую мощь своей авиации и начали серию контратак, перешедших впоследствии в массированное контрнаступление.

Следует признать, что они достаточно творчески с точки зрения военного искусства подошли к вопросу. Наиболее яркий пример – это занятие плацдарма на западном берегу Суэцкого канала, в северной части Горького озера. Как для египтян, так и для всех, кто следил за ходом событий, это было как гром среди ясного неба. Каким образом израильская танковая колонна смогла преодолеть глубоко эшелонированную египетскую оборону, перебраться на западный берег Суэцкого канала и отвоевать значительный плацдарм? Очень просто – учитывая неразбериху, царившую в то время в передовых частях египетской армии.

Надо сказать, что после шестидневной войны 1967 г., когда египтяне в панике бежали, оставив сотни танков **T-54**, **T-55**, израильтяне на базе захваченной трофейной техники сформировали собственное танковое подразделение. Они поменяли на танках израильскую маркировку на египетскую, посадили на башни евреев сабра (выходцев из арабских стран), которые по-арабски говорили лучше, чем на иврите, и походными маршевыми колоннами двинулись на запад. И никому из египетских военных не пришлось в голову проверить, почему танковые части покидают боевые позиции и передислоцируются на запад!

Таким образом, израильтяне спокойно миновали боевые порядки египетской армии, по понтонным переправам пересекли канал, развернулись в боевые порядки, уничтожили египетские позиции и закрепились на плацдарме. Точно такой же неожиданностью была высадка израильского десанта на южной оконечности Суэцкого канала.

После этого началась изнурительная позиционная война. Северо-восточная группировка египетских войск была взята в полукольцо, но, надо сказать, что держалась она очень стойко.

Кстати, Египет имел немалые возможности задействования своих резервов. Но самое интересное и показательное, что две знаменитые египетские аэромобильные десантные бригады, которые могли помочь и в деблокировании северо-восточной группировки, и в уничтожении израильского десанта на южной оконечности Суэцкого канала, всю войну, даже в самые трудные моменты просидели в казармах!

Не вдаваясь в детали боевых действий Израиля и Египта, следует отметить, что далее вопрос решался уже не столько на уровне арабо-израильских переговоров, сколько на уровне договоренности двух сверхдержав. В целом, ситуацию можно было рассматривать как патовую, хотя для арабов это была несомненно их первая большая победа. Но затем **Садат** довел свой план до завершения, т. е. до пресловутого Кэмп-Давида⁶.

⁶ Простой народ Египта позднее «отблагодарил» президента **Анвар Садата** пулями заговорщиков из автомата **Калашникова** на военном параде 1979 г. За то, что тот умудрился чуть не проиграть практически выигранную войну 1973 г. (хотя мог вернуть силой оружия весь Синайский полуостров), за заключение сепаратного Кэмп-Давидского мирного договора с Израилем в 1978 г. (в обмен на вывод израильских войск с Синайского полуострова), за рост цен на хлеб и обнищание простого населения в результате экономических реформ, за проамериканскую политику... Похороны «великого миротворца» **Садата** вошли в анналы истории мировой дипломатии – кроме нескольких сот зарубежных гостей и ряда официальных лиц, провожавших его в последний путь, улицы Каира были абсолютно пусты – народ тихо злорадствовал, сидя по домам.

Существует крайне циничная точка зрения, что ставший президентом Египта генерал (а позднее – маршал) авиации **Хосни Мубарак**, правящий до сих пор и проводящий во многом ту же политику, когда-нибудь, несмотря на очевидные экономические успехи, доведет страну до социального взрыва и прихода к власти «законным демократическим путем» настолько упертых исламистов, что дело может кончиться войной Египта (и ряда арабских стран) с Израилем с применением уже оружия массового поражения (*прим. ред.-сост.*).

В завершение следует сказать, что Октябрьская война сыграла огромную роль в изменении психологического климата египетского общества и арабского мира в целом. В настоящее время в египетском обществе служба в армии считается одной из самых престижных, если не самой престижной. В военные школы, военные академии – огромный конкурс. Роль египетской армии в политике и обществе огромна.

Несмотря на то, что начиная со второй половины 1970-х годов **Садат** практически полностью переориентировался на американские поставки военной техники (американцы поставляют старую военную технику в качестве помощи зачастую бесплатно), до сих пор в бронетанковых частях египетской армии более 40% бронетанковой техники составляют советские танки **Т-54**, **Т-55**, **Т-62**⁷, а также танки **Рамзес-2**⁸, которые представляют собой египетскую модификацию танка **Т-55**. В авиационном парке порядка трети самолетов – советская военная техника, в первую очередь **МиГи-21**⁹, что свидетельствует о надежности и долговременности советской военной техники, тем более что для офицеров-египтян старшего поколения эта техника более знакома, чем американская.

В итоге хочется сказать, очень жаль, что одно из интереснейших событий последней трети XX столетия оказалось вне поля зрения не только советской, но и российской историографии. Тем более что очень многие из тех старших и высших офицеров, которые принимали участие в подготовке египетской армии уже ушли из жизни.

⁷ Египет планировал с помощью России модернизировать **Т-62**, в частности, вместо пушки калибра 115 мм установить пушку калибра 120 мм российского производства (по материалам *Интернета*).

⁸ Египет имеет на вооружении или в резерве до 1000 танков **Т-54** и **Т-55**, свыше 250 танков **Рамзес-2** (модификация танков **Т-54** и **Т-55**) и свыше 500 танков **Т-62** (по материалам *Интернета*)

⁹ Египет собирался вернуть 40 **МиГов-21** России в обмен на зачет их стоимости при предполагаемой поставке в Египет из России 40 истребителей **МиГ-29СМТ** (по материалам *Интернета*).

Думаю, что любая западная страна, если бы принимала участие в подготовке подобной военной операции, растрезвонила бы об этом на весь мир, посвятила ей десятки монографий, книг, фильмов, чего не скажешь о советской историографии.

Несмотря на то, что многих участников подготовки этой операции уже нет в живых, надеюсь, что удастся опубликовать какие-либо воспоминания участников подготовки этой операции, с тем, чтобы осталась объективная точка зрения об этих событиях и роли в них наших военных советников и специалистов.

ВОСПОМИНАНИЯ

Митяева Вячеслава Александровича, полковника ВДВ в отставке¹

– **Когда Вы поступили на военную службу?**

– Я был призван в 1956 г., в декабре. Год служил солдатом в ВДВ (Воздушно-десантных войсках), в 31-й дивизии, 109-м парашютно-десантном полку, в городе Александрия Кировоградской области (Украина). Закончил полковую школу² по специальности «Командир безоткатного орудия **Б-10**». Мы его называли «82-миллиметровое 86-килограммовое безоткатное орудие **Б-10**».

– **Какое звание Вы получили по окончании полковой школы?**

– Получилось так, что по окончании полковой школы³ мне предложили поступить в Воздушно-десантное училище, и я, не получив звания сержанта, уехал поступать в училище и поэтому считался курсантом полковой школы.

В 1957 г. я поступил в Алма-Атинское воздушно-десантное училище. В 1958 г. училище было переведено в Рязань на базу Рязанского пехотного училища. Учились мы 3 года.

После окончания училища в 1960 г. меня в звании лейтенанта направили служить в Литву, в город Алитус. Прослужил там до 1966 г., и в 1966 г. в звании капитана поступил в Академию им. Фрунзе. В академии проучился 3 года, закончил ее

¹ Запись сделана 11 апреля 2005 г. **Г.В. Шубинным**.

² Курсы сержантского состава для войск.

³ Маршал **Г.К. Жуков** хотел сделать в г. Белая Церковь (Украина) школу по подготовке разведчиков, и с нами (курсантами полковой школы) проводили беседы. Планировалось готовить стратегических разведчиков: три иностранных языка, высшее образование и подготовка по гражданской специальности – для действий в тылу врага. Но в 1957 г. **Г.К. Жукова** сняли с поста, все это дело прекратилось, и я поехал в Воздушно-десантное училище (*прим. В.А.Митяева*).

в 1969 г., был назначен в Белоруссию начальником разведки 103-й гвардейской Витебской Воздушно-десантной дивизии, где получил звание майора.

– **Это что, фронтовая разведка?**

– Нет. Это войсковая разведка. Но дело в том, что у нас Воздушно-десантные войска не действуют перед линией фронта, они выбрасываются в тыл врага. Так что наша разведка имеет свою специфику по сравнению с простой войсковой разведкой. И способы ее ведения несколько отличаются. Когда нас выбрасывают – у нас кругом противник.

– **Разведывают сначала район выброски десанта?**

– Когда позже я был заместителем начальника разведки Воздушно-десантных войск СССР, я занимался вопросами ведения разведки на театрах военных действий, но не мы сами ее вели, а делали заявки в ГРУ. Мы составляли планы фотографирования со спутников.

На все театры военных действий вычерчивали планы, определяли район десантирования и, если этот район был пригоден для выброски, составляли общий план – фотографирование в масштабе 1: 25000. А непосредственно площадки приземления – с детализацией в масштабе 1: 2000 (в 1 см – 2 м). Эти материалы периодически обновляли, в зависимости от того, какие объекты нас интересовали.

Мы имели справочники из ГРУ на все театры военных действий, где приводились данные о вооруженных силах, о группировке и местах дислокации. Мы детально изучали вероятного противника: его вооружение, тактику. Разведчик (войсковой) – это специалист многоплановый. Я закончил академию общевойсковую, командно-штабную. И у меня такое мнение: разведчики – это люди с активной жизненной позицией. Поэтому и генералами становятся, и командирами дивизий, и командующими воздушно-десантными войсками. Разведчик, как военачальник, должен уметь управлять своими войсками, глубоко знать противника, быстро принимать правильное решение.

– **Как говорится, не ставь неприятеля овцой, а ставь его волком?**

– Да. Мы уделяли много внимания маневренным действиям. Десант в тылу противника должен маневрировать – или его задавят.

– **На какой технике маневрировать – на той, что подвернется под руку в тылу противника?**

– И на захваченной бронетехнике, и на той, которая имелаась.

– **БМД-1 (боевые машины десанта) тогда уже были?**

– Нет, еще не были. На маневрах в Румынии мы бросали еще АСУ-57 (авиадесантная самоходная артиллерийская установка и на ней пушка 57-го калибра – легкая самоходная установочка), ЗПУ-4 (счетверенная зенитная пулеметная установка калибра 14,5 мм на базе пулемета Владимира КПП) и ЗУ-23-2 (двустольное спаренное зенитное скорострельное орудие калибра 23 мм).

– **Их потом ставили на первую попавшуюся технику?**

– Для них выбрасывался ГАЗ-66 – штатный тягач (грузовик высокой проходимости грузоподъемностью 2 т). Отдельно выбрасывалась ЗПУ-4 и отдельно ГАЗ-66. Потом установка цеплялась на крюк в кузове. Кабина на десантном ГАЗ-66 – срезанная, открытая с брезентовым верхом.

– **А после службы в Белоруссии?**

– Я был переведен в 1972 г. в Москву, в штаб ВДВ, на должность старшего офицера разведотдела. Потом стал заместителем начальника разведотдела, и после командировки в Африку (1986–1989 гг.), служил до увольнения в запас в 1990 г.

– **Но Вы еще были в Афганистане?**

– Я входил в небольшую по составу (19 человек) оперативную группу по подготовке ввода войск в Афганистан в 1979 г.⁴

⁴ Об этом подробно говорится в воспоминаниях полковника А.В. Кукушкина: «Вот фамилии этих отважных офицеров, принявших

Мы выехали в 103-ю Витебскую воздушно-десантную дивизию, провели там подготовку⁵. Потом перелетели на военно-транспортной авиации на аэродром подскока.

участие и планировании операции, обеспечении приема десанта и участвовавших и управлении боевыми действиями десантников по свержению Аминовского режима:

1. Генерал-лейтенант **Гуськов Николай Никитович** – начальник оперативной группы, командующий всеми вооруженными силами в Кабульской зоне до начала функционирования 40-й армии.

2. Полковник **Кукушкин Алексей Васильевич** – начальник штаба.

3. Полковник **Федотов Сергей Иванович** – начальник связи.

4. Подполковник **Марков Валерий Родионович** – заместитель начальника штаба.

5. Полковник **Смирнов Анатолий Викторович**.

6. Полковник **Шестаков Александр Михайлович**.

7. Подполковник **Митяев Вячеслав Александрович**.

8. Подполковник **Курнышов Анатолий Владимирович**.

9. Подполковник **Одинец Николай Иванович**.

10. Подполковник **Алексеев Юрий Владимирович**.

11. Подполковник **Пепелин Виктор Георгиевич**.

12. Майор **Астанин Владимир Иванович**.

13. Майор **Троилин Виктор Георгиевич**.

14. Майор **Сарафанников Анатолий Филиппович**.

15. Майор **Клец Анатолий Владимирович**.

16. Подполковник **Петрусенко Александр Васильевич**.

17. Лейтенант **Полядский Евгений Ильич**.

18. Рядовой **Улиганич Юрий Иванович**.

19. Рядовой **Михайленко Андрей Иванович**.

(*Кукушкин А.В.* Прыжок десантников в Афганистан. М., 2004. С. 14–15.)

⁵ В разработке операции и подготовке войск к вводу в ДРА были подъемы и спады. Причиной тому были колебания верхних эшелонов власти в принятии решения на ввод и вмешательство в афганские дела. В эти затеи не очень-то верили и в Генеральном штабе. Иначе чем можно объяснить расформирование в августе–сентябре Ферганской воздушно-десантной дивизии, которая долгие годы готовилась к действиям на южном направлении и в считанные часы могла быть в Аф-

Целую дивизию поднять – нужно много самолетов. На один полк – свыше 100 самолетов, на всю дивизию – более 600 самолетов. Самолеты **Ил-76**, **Ан-12** в нашей группе не использовались, но в других группах они были, потому что **Ил-76** не хватило. Понадобился почти весь парк военно-транспортной авиации (**Ил-76**, **Ан-12** и **Ан-22** «**Антей**»).

Мы заняли все аэродромы подскока в Казахстане и Западной Сибири. Мы, например, с нашей оперативной группой и с управлением дивизии были в Восточном Казахстане, на оз. Балхаш. Там на аэродроме стояли **МиГ-25** – наши стратегические разведчики-перехватчики. Мы сели туда на дозаправку, и командир полка жаловался, что мы израсходовали их трехмесячный запас топлива. Это был декабрь 1979 г.

Потом наша оперативная группа перелетела в Ташкент на военный аэродром. А 23 декабря вылетела в Афганистан на базу Баграм. Из Баграма на следующий день мы на бронетранспортерах **БТР-70** добрались до Кабула на аэродром, где и расположились.

Наша оперативная группа (воздушно-десантных войск) и оперативная группа Генерального штаба расположились там. Там был узел связи «**Микрон**» главного военного советника в Афганистане – татарина по национальности – генерала **Мухамедшина**.

Мы поселились в старинном кафе, в котором когда-то было офицерское казино, и готовились к приему нашей дивизии в город Кабул.

ганистане. От некогда полнокровной, хорошо подготовленной дивизии был оставлен лишь один полк. И когда ввод десантников в Афганистан стал очевидным, то потребовалось вводить дивизию, находящуюся в Европейской части Союза, за несколько тысяч километров от границы ДРА. Теперь уже известно, что несмотря на возражения Генерального штаба, окончательное решение о вводе войск было принято на заседании Политбюро ЦК КПСС в Москве, 12 декабря. (*Кукушкин А.В.* Прыжок десантников в Афганистан. М., 2004. С. 12.)

А 25 декабря 1979 г. началась посадка на аэродром Кабула 103-й воздушно-десантной дивизии.

В Афганистане **Ан-22 «Антей»** много полетал. Основной был, конечно, **Ил-76**, но одиночками летали и **«Антей»**. Один из них с боеприпасами еще до основных событий между Баграмом и Кабулом там за гору зацепился и взорвался. Ошибка была по высоте на 300 или 400 м. У него барахлил указатель высоты. Когда мы увидели взрыв, сначала думали – сбили его.

После выгрузки первых подразделений 25 декабря 1979 г. и приведения их в боевую готовность, мне было приказано с ротой на боевых машинах (**БМД-1**) выдвинуться в направлении Джелалабада для прикрытия кабульского аэродрома.

Кабул расположен в котловине, а мы выдвинулись, в предгорье через небольшой хребет. В том же направлении на удалении 40–50 км стояли две афганские танковые бригады – 4-я и 15-я. Вооружены они были танками **T-55**. На всякий случай к ним нас выдвинули. И тогда – впервые на войне – все мы волновались! Это сейчас – сколько конфликтов – почти вся наша армия понюхала пороху. А тогда после Великой Отечественной войны, с 1945 г. сколько времени прошло. Все мы учились воевать не в боевой обстановке. Никто не нюхал пороху, и вдруг сразу мозги переворачиваются – дело-то серьезное.

Я поставил задачу командиру роты: «Слушай, капитан, не бойся, ожидай. Организуй оборону для каждой боевой машины (**БМД-1**), поставь задачу. Определи направления стрельбы и сектора. Основная задача – не допустить возможного прорыва танков противника с юго-восточного направления».

Для борьбы с танками, **БМД-1** вооружены гладкоствольными орудиями калибра 73 мм (для стрельбы кумулятивными снарядами, которые прожигают танковую броню)⁶ и

⁶ Несмотря на небольшой калибр, это мощное оружие. Во время арабо-израильской войны 1973 г. снаряды **БМД-1** пробивали башни

ПТУРСами (противотанковыми управляемыми реактивными снарядами) **«Малютка»**. Потом на нее стали ставить дополнительно **ПТУРСы «Фагот»** и **«Конкурс»**.

В течение 25 и 26 декабря 1979 г. все было благополучно. Мы начали приводить себя в порядок. 27-го числа нашему 317-му полку ВДВ поставили задачу выдвинуться и расположиться в королевском дворце⁷. Я был назначен от оперативной группы в помощь командиру полка.

Ввод наших войск был согласован с начальником Генштаба Афганистана **Якубом** и президентом **Амином** для оказания помощи в борьбе с кочевыми племенами. Мы прибыли как друзья. А потом **Якуб** говорит: «Мы просили один полк, а вы прислали целую дивизию». У него вдруг сомнения возникли.

Мы с полком прибыли в королевский дворец в Кабуле, расположились там. Нам передали, что будет прием в штабе 2-го афганского армейского корпуса, который находился рядом. Командир полка и я были приглашены на этот вечер. Через некоторое время прибыли начальник 2-го афганского корпуса, начальник связи и два наших советника. Нам сказали, что в 19 часов будет организован ужин. Прибыли также командир нашей дивизии и офицеры, в том числе и начальник штаба дивизи-

израильских танков **«Центурион»**, что приводило к гибели экипажа, хотя танк внешне оставался не поврежденным (*по материалам Интернета*).

⁷ В районе королевского дворца были склады со стрелковым оружием советского образца – пистолеты **ПМ**, **Стечкин**, автоматы **АК-47**, пулеметы **Калашникова (ПК)**, в ящиках по 2 пулемета (более 20 ящиков), большое количество боеприпасов. С таким же набором легкого стрелкового оружия были хранилища в районах Генерального штаба, 2-го армейского корпуса, 20-го парашютного полка и 47-го стрелкового полка. До взятия нами под контроль хранилища никем не охранялись (*прим. В.А. Митяева*).

зии для встречи в Генеральном штабе ДРА с генералом **Якубом**⁸.

Ко дворцу Амина, в пригороде, для охраны выдвинулись наш 50-й полк ВДВ, батальон ГРУ специального назначения **Халбаева Х.Т.** (его называли мусульманский батальон) и отряд КГБ.

С нами действовали несколько спецотрядов (я не знаю названия группы – «Альфа» или «Вымпел», они не афишировали себя). Командовал всем этим спецназом генерал **А.И. Лазаренко**. Наш 50-й полк ВДВ, обеспечивал (прикрывал) действия этих групп по захвату дворца.

Сам дворец **Амина** – на высокоом цоколе. Там батальон охраны. Охрана сильнейшая, прошедшая полный курс английского спецназа.

⁸ К 19 часам в Генеральный штаб ДРА, по предварительной договоренности с **Якубом**, прибыл командир 103-й Гвардейской воздушно-десантной дивизии генерал-майор **Рябченко Иван Федорович** и с ним три офицера. Под видом начальника штаба дивизии был полковник от КГБ (фамилию не помню) и два десантника – братья **Ляговские**. Старший, **Станислав** – в роли начальника политического отдела, а младший, **Павел** – выполнял обязанности адъютанта командира. Оба брата – отважные офицеры и отменные атлеты-спортсмены. На группу **Рябченко** возлагалась исключительно важная и крайне опасная задача. Под предлогом личного уточнения порядка переброски дивизии к местам дальнейшего расквартирования они должны были встретиться с **Якуб-Ханом** и рассеять его подозрения к десантникам в связи с их начавшимися передвижениями в городе. А когда будет дан сигнал начала операции – нейтрализовать и вывести его из игры как ключевую фигуру по организации какого-либо сопротивления войск. Задача была дерзкой и чрезвычайно опасной, т.к. малейшее опоздание частей с началом штурма здания Генерального штаба ставило группу на грань уничтожения. Однако цель вывода из игры «второй фигуры» после **Амина** стоила риска. (*Кукушкин А.В.* Прыжок десантников в Афганистан. М., 2004. С. 24–25.)

В 18 часов сказали, что никакого вечера не будет, надо ждать сигнала. Мы с командиром полка пошли проверить расположение, привести в повышенную боевую готовность расчеты боевых машин. И когда готовились, произошел такой казус. Один наводчик на **БМД-1** случайно нажал на спусковой механизм, и очередь из пулемета **ПКТ** калибра 7,62 мм, спаренного с 73-мм орудием, пошла в направлении башни королевского дворца. И он так лупанул! Прибежали офицеры охраны королевского дворца: «Что такое?» Мы объяснили, что случайно выстрелили.

Я иду: солдат лежит с гранатометом «**Муха**» (**РПГ-18**). Гранатомет зачехлен, как положено по мирному времени. Говорю: «Сынок, как стрелять-то будешь? Снимай чехол! Где ручная граната?» Достает одну из кармана. «А где запал?!» «В другом кармане», – отвечает он.

Я уже ору. Солдат чувствует, что что-то серьезное назревает, руки трясутся, снаряжает ручную гранату и готовит «**Муху**», забыв, что ее сначала раздвинуть нужно⁹.

Около 19 часов наступило время «**Ч**» – поступил сигнал на выдвижение.

Дворец **Амина** и королевский дворец – разные вещи. Королевский дворец расположен в центре Кабула. А дворец **Амина** – резиденция на окраине Кабула. Во время операции по захвату Кабула я находился в королевском дворце. У нас был один полк. В его задачу входило блокирование 28-го парашютного полка в его казармах, захват штаба 2-го афганского корпуса и министерства связи.

В общем, наш полк очень быстро захватил штаб корпуса. Афганский парашютный полк попытался было оказать сопротивление, но в казармах все были без оружия. Они хотели ки-

⁹ Одноразовый гранатомет **Муха** (**РПГ-18**) раздвигается и становится на боевой взвод непосредственно перед боем. После того, как гранатомет раздвинут, его уже нельзя сдвинуть обратно, можно только выстрелить и потом выбрасывать (*прим. В.А. Митяева*).

нуться к оружию, но мы сделали один выстрел по крыше, и все притихло. Эти объекты мы захватили быстро.

Захват штаба 2-го армейского корпуса и блокирование 28-го парашютного полка прошли практически без боя и без потерь. Командующий 2-го афганского армейского корпуса сделал один выстрел из гранатомета по нашей **БМД-1** из собственного кабинета. Промазал. Его быстро схватили, скрутили.

Когда начали штурмовать дворец **Амина**, наш полк обстреливал все подходы и вел стрельбу, прикрывая наступление. А первым в атаку пошел батальон **Халбаева**.

50-й полк 103-й дивизии обеспечивал прорыв в здание дворца спецгрупп, захват самой резиденции **Амина**. Уничтожали огневые точки. **БМД-1** били по нижнему этажу из орудий калибра 73 мм и **ПТУРС** туда, где была расположена охрана. Применяли гранатометы, пулеметы, автоматы. В одной роте 7 человек погибло, в другой 2, итого первые потери в 50-м полку составили 9 человек. А спецотряды понесли значительные потери, особенно батальон **Халбаева**, возглавлявший штурм.

Когда они ворвались, там была семья **Амина**, его дочь еще пыталась отстреливаться, ее ранили. Амин пытался уйти в ванную комнату, и его там добились.

– **Кто?**

– Точно я не могу сказать.

Сами афганцы в день штурма убили сына **Амина**, которому было лет 14, чтобы по мужской линии не было наследников. Это **ХАД** – афганская контрразведка. Жену **Амина** и двух его дочерей посадили в тюрьму Пули Чархи¹⁰ в ту же камеру, где сидела семья прежнего президента **Тараки**.

¹⁰ В старой крепости у тюрьмы Пули Чархи было сосредоточено различное пушечное вооружение с древнейших времен и времен войны с англичанами типа пицалей, мортир, пушек мелкого калибра (37 мм) (прим. В.А. Митяева).

Штурм дворца **Амина** закончился только к концу следующего дня¹¹. Охрана была внутри, и уничтожить ее было очень

¹¹ Операция началась в 19 часов 30 минут по сигналу «Штурм-333», переданному по радио, и взрывом большой силы на центральном телеграфе, который разрушил все кабельные линии, в т. ч. международные, оставив Кабул без телефонно-телеграфной связи.

Основными очагами боевых действий стали: резиденция (дворец) **Амина**, комплекс зданий министерства обороны и Генерального штаба, здания радио и телевидения Кабула, в центре города – армейский корпус, тюрьма в Пули Чархи, а в Баграме – разоружение зенитчиков и авиационного гарнизона.

Атака дворца началась за 15 минут до общего сигнала. Подготовка групп КГБ и спецназовцев **Халбаева**, по-видимому, не осталась незамеченной охраной **Амина**. Спецназовцы увидели, что в танковом батальоне началась раздача боеприпасов и подготовка батальона к бою. Чтобы опередить охрану дворца, было принято решение: начать атаку до общего сигнала. Первыми к дворцу устремились спецназовцы групп КГБ, две роты батальона **Халбаева** и боевые машины с десантниками 9-й роты. Экипажами машин фактически командовали офицеры КГБ, их атака прикрывалась огнем **Шилок** и **АГС-17**, часть сил блокировали танковый батальон и казармы подразделений охраны.

Непосредственно охрана дворца приняла колонну **БМД** и **БТР** за мятежную афганскую воинскую часть и открыла по ней ураганный огонь, в том числе из крупнокалиберных пулеметов. Головная машина была подбита, и заклинила узкую дорогу. На штурм бросились в спешном порядке. Надо отметить, что в предвидении боя в темноте, в тесном здании все участники этого отряда имели белые отличительные повязки на рукаве и белые ленты на головном уборе, чтобы не перепутать своих с охраной **Амина**. Под прикрытием огня боевых машин и **Шилок**, преодолевая ураганный огонь, атакующие перебежками приблизились к дворцу и ворвались внутрь. Бой во дворце шел в темноте, стреляли наугад, на выстрелы. Прежде чем ворваться в комнаты, туда забрасывались 1–2 ручные гранаты, пускалась автоматная очередь и только после этого врывались внутрь.

Как рассказывают участники, в первые минуты боевого соприкосновения было очень тяжело. Охрана была сильной, высокоподготовленной и почти в четыре раза превышала нас в живой силе. Однако

трудно. А мы свои объекты захватили в течение ночи, и к утру уже все было спокойно.

С нами действовали разведчики и спецгруппы.

Наутро мы думали, что сейчас народ выйдет на улицу. Наши самолеты-истребители **МиГ-23** на бреющем полете с преодолением звукового барьера летали над городом. Но все сидели тихо. Никакого шума.

Группа «Вымпел» привела к нам в расположение полка под охрану захваченного ими командующего корпусом. Мы отвели

атакующим помогал мощный напор, мужество и вера в победу. Из спецгрупп КГБ ранены были практически все.

Труп **Амина** после боя обнаружили на втором этаже дворца. Очевидцы рассказывали, что он был полураздет, в «адидасовских» трусах и майке.

Бешеный и беспорядочный огонь при штурме дворца привел к гибели совершенно посторонних невооруженных людей. Среди них оказался врач советского госпиталя **В. Кузнеченков**, который до начала боя оказывал помощь **Амину** и его гостям от отравления.

Сейчас стало известно, что операция по устранению **Амина** началась еще днем. Повар **Амина**, некий **Муладжан** (узбек по национальности) подсыпал в пищу яд, отравив **Амина** и его гостей. Для спасения диктатора был срочно вызван врач, полковник **В. Кузнеченков**, который и вытащил Амина из лап смерти.

В ходе боя погибли сыновья **Амина**, легкие ранения получили и младшие дочери. После боя их отправили в медсанбат, их дальнейшая судьба мне не известна.

Штурм и бой за дворец продолжался где-то минут 40–45, результаты его генерал-лейтенант **Б.С. Иванов** получил на нашем КП открыто по радиостанции КГБ краткой фразой: «Амин капут!»

Потери при штурме оказались значительными. 15 человек погибли: 5 офицеров КГБ, в том числе полковник **Г.И. Бояринов**, 4 десантника и 6 спецназовцев **Халбаева**. Около 80 человек получили ранения различной тяжести. Полковник **Г.И. Бояринов** вел бой в бронезилете, но две пули по роковой случайности попали в незащищенные места и смертельно ранили его. (*Кужушкин А.В.* Прыжок десантников в Афганистан. М. 2004. С. 26–28.)

ему отдельную комнату. Командир полка приказал выставить охрану под окнами и около двери, двух автоматчиков внутрь.

Я спросил ребят из спецотряда: «А вы у него отобрали все колющие предметы?» – «Нет».

И я ночь не спал, ходил, как он там. А он храпел всю ночь. Потом наутро прибыли из контрразведки ХАД. Поздоровались с ним как друзья, повели к себе.

После выполнения задания я возвратился в состав оперативной группы. После этого мне, как пожарной команде, ставилась задача срочно выехать и разобраться, что случилось, где стрельба...

По ночам я ездил по Кабулу, проверял посты. Бесшабашно ездил на **Уазике**. Все обошлось. Не знаю почему. Везло мне, что ли. Ни одного обстрела не было!

Выезжал туда, где располагались наши специалисты; в район, где жили наши советники, проверял, как у них организована охрана, в автомобильные мастерские – там тоже была наша группа 9 человек. Приезжал в Политехнический институт, они сами себя охраняли. И вот так целыми ночами я мотался по Кабулу.

Новый 1980-й год. Только встретили Новый год – ЧП! Как раз на перекрестке, на дороге от аэродрома в центр Кабула – рев танков. Выскочили узнать – в чем дело? Думали что, какой-нибудь передовой отряд из 4-й или 15-й афганской танковой бригады ворвался туда. Я собрал группу 10 бойцов из узла связи с гранатометами и выбежал на перекресток. Смотрю – танки **T-62** остановились. Прежде чем подобраться к танкам, я бегом в микрорайон, где были наши советники и специалисты. А офицеры только вышли после встречи Нового года, подшофе. Я говорю: «Ребята, здесь какие-то танки!» «Да какие здесь танки, – отвечают. – Никаких танков здесь нет». А потом уже взревели танки.

Я вернулся к своей группе и поставил ребятам задачу: кто бьет по головному танку, а кто – по замыкающему. Ночь, темно, ничего не видно. У танков двигатели работают, их хорошо

видно. Мы приблизились метров на 50. Здесь можно стрелять в упор – все видно. Потом смотрю – люки начинают открываться. Слышу русский разговор. Подбегаю и говорю командиру роты: «А я вас уже на прицеле держу!»

Оказалось, что это танковая рота, по-моему, из 5-й мотострелковой дивизии, которая зашла в Кабул и заблудилась. Потом она ушла. Вот такая новогодняя операция была.

– **Какие танки наши использовали в Афганистане?**

– **Т-62.** Хорошие – для того времени. Да и новейшей боевой техники в Средней Азии и не было.

Там был еще один интересный случай. Поступила информация, что возможно нападение на резиденцию **Бабрака Кармаля** (его резиденция была под горами на южной окраине Кабула), там было отмечено движение противника в горах. Его резиденцию охранял 2-й батальон без роты 17-го парашютно-десантного полка.

Генерал **Н.Н. Гуськов** (начальник штаба ВДВ) говорит мне: «Поезжай в 17-й полк, возьми еще роту на боевых машинах (10 **БМД-1**), езжай к резиденции и там посмотри на месте, как организовать охрану, оборону этой резиденции, будь там до утра. В случае угрозы захвата и нападения ты должен на цорондоевском¹² **БРДМ-2** привезти **Бабрака Кармаля** под охраной в королевский дворец».

Подъезжаю к королевскому дворцу. Командир полка уже в курсе, выводит роту. Выехали к резиденции **Бабрака Кармаля**. Поставил задачу командиру: эту роту на непосредственную охрану резиденции. Мы с ним пошли осмотреться: горы подходят прямо к резиденции. Наверху, в 200-х метрах на склоне горы – какая-то часовенка, в общем, какое-то сооружение. «Вот туда поставим пару пулеметчиков (с **РПК**)», – говорю. В общем, всю

¹² Цорондой – афганская милиция (прим. В.А. Митяева).

ночь занимался этим. Я поставил **БРДМ-2**¹³ на входе в резиденцию для возможной эвакуации Бабрака Кармаля.

Всю ночь мы ждали нападения и как-то даже были разочарованы, что оно не состоялось. Были это слухи, или нет – неизвестно.

И еще случай. Наш пост был недалеко от перекрестка. Дежурили старший лейтенант – сапер и его отделение. Рядом дома-пятиэтажки, но не заселенные. И с одного из домов кинули гранату.

Я попросил, чтобы мне прислали из диверсионно-разведывательного взвода роты одно отделение для прочесывания этого дома. Мы начали с подвального помещения. Прочесали весь дом, ребята потренировались, выбивая все двери. Разведчики получили хорошую практику в осмотре дома. Это была настоящая учеба.

Там в Афганистане – лунная природа, лунный ландшафт, не то, что в Анголе. Я уехал из Афганистана 20 января 1980 г.¹⁴

¹³ **БРДМ-2** – очень хорошая машина. Она хорошо плавает, и ее очень удобно использовать на рыбалке. Когда я служил в Белоруссии, и было свободное время, я выезжал на **БРДМ**е на озера и рыбачил прямо с него. Лежишь, как на палубе. Поэтому их (списанные **БРДМ-1** и **БРДМ-2**) сейчас так любят покупать охотники и рыбаки.

Я любил с них сети ставить. Расположишь сеть на палубе – идешь вдоль камышей, опускаешь ее. Хорошая рыбалка! Что же касается **БРДМ-1** то у нее был слабоват бензиновый движок – 90 л.с. А у **БРДМ-2** – двигатель помощнее (*прим. В.А. Мутяева*).

¹⁴ Потом я ездил в Афганистан еще раз на две недели, в августе 1980 г., когда там начинались боевые действия. Готовил свои подразделения для действий в горах. Перед проведением операций обычно проводились занятия по подготовке к боевым действиям, и солдаты употребляли такое выражение: «пообсушиться». Первое время они потели страшно. И не только в физическом плане для нас было трудно действовать в горах. Для того, чтобы организм приспособился к действиям в высокогорье, мы сначала одну неделю проводили занятия в Шинданте на северо-западе Афганистана. Из нашего

– **Чем были вооружены тогда наши войска в Афганистане?**

– Танками **T-55, T-62** и **БМП-1**.

– **А 103-я воздушно-десантная дивизия?**

– 25 декабря 1979 г. (еще до событий в Кабуле) мы начали располагать самолеты прямо на аэродроме¹⁵. Из вооружений у

штаба ВДВ была создана группа офицеров боевой подготовки, в которую был включен и я, как разведчик. Возглавлял эту группу генерал-полковник сухопутных войск, заместитель главкома сухопутных войск по боевой подготовке (фамилию забыл). Занимались ориентированием и тактикой действий в горах. Потом перелетали в Кандагар. Там проводили такие же занятия. Там (в Кандагаре) находилась 70-я пехотная бригада 40-й армии (*прим. В.А. Митяева*).

¹⁵ Мы полагали, что с завершением операции по ликвидации аминовского режима, утверждения более демократической власти и некоторой стабилизации обстановки в стране, наша миссия в ДРА закончена, и в ближайшее время поступит приказ возвратиться в Союз. И уж, конечно, первыми Афганистан покинем мы, десантники. Эту надежду поначалу не отвергал и маршал **Н.В. Огарков**, предполагая скорый выход войск. Мы отдали распоряжение штабу 103-й Гвардейской воздушно-десантной дивизии рассчитать и спланировать марш частей дивизии из Кабула в Термез своим ходом.

Однако генеральный штаб упорно молчал. В начале января в Кабул прибыл первый замминистра обороны (куратор ВДВ) маршал **Соколов Сергей Леонидович** и вмиг рассеял наши надежды. Он передал, что войска, в т.ч. и десантники, остаются на неопределенный срок. Таково-де решение Политбюро и Правительства.

Это была вторая роковая ошибка политического руководства страны, если первой считать решение на ввод войск.

Стало очевидным, что при таком варианте наши войска неизбежно втянутся в боевые действия с мятежниками, т.е. в войну партизанскую, длительную и изнурительную, которая не добавит нам ни доблести, ни боевой славы. Нам казалось, что уж совсем бессмысленно держать в ДРА десантников. Однако у высшего военного руководства и Генерального штаба на этот счет были свои доводы.

нас прибыли **БМД-1**, **ГАЗ-66** – в общем, вся штатная техника, включая самоходный артиллерийский дивизион – **САУ-85**. Потом гаубицы **Д-30** калибра 122 мм. Зенитные установки **ЗУ-23-2**. Пулеметы и ротные, и ручные (**ПКМ** и **РПК**). Автоматы у нас уже были новые – **АК-74** калибра 5,45 мм.

– **Потом перешли на калибр автомата 7,62 мм?**

– Вообще, потом в Афганистане переходили на **АКМ** калибра 7,62 мм, потому что патрон 7,62 мм (7,62 × 39) показал себя лучше, чем патрон 5,45 мм (5,45 × 39). Дело в том, что пуля 5,45 у автомата **АК-74** – со смещенным центром тяжести, и ее точность попадания вроде бы выше и урон наносит больше, когда попадает в противника, но даже маленькая травинка на пути – и пуля сразу меняет направление полета. В этом недостаток этого калибра. На закрытой местности, в

С.Л. Соколов, назначенный ответственным за боевую деятельность наших войск в ДРА, естественно, не хотел лишаться наиболее престижной, прекрасной обученной части военного контингента.

Вот так почти на 10 лет и затянулось, как мы тогда наивно полагали, «эпизодическое» участие десантников в афганском конфликте...

И еще одно. Нередко на телевидении, да и в печати выступают ветераны-афганцы, в том числе спецподразделений КГБ, непосредственные участники этих событий. Из их рассказов зритель и читатель может понять, что только эти отважные парни смогли смести ненавистный режим **Амина** и привести к власти в ДРА новые силы. Не подвергая сомнению мужество и героизм этих людей, не умаляя сделанное ими, должен обратить внимание на один важнейший, если не главный фактор в этих событиях. Захват дворца и уничтожение **Амина** – это один из главных эпизодов, но все же эпизодов в боевых действиях за Кабул. За спиной этих храбрецов в это время вели ожесточенный бой на десятках других важных объектов города около 8 тысяч отважных десантников, связывая боем и нейтрализуя в военных городках сильную, многотысячную (до 20 тыс. человек) группировку войск, верную Амину. Это надо знать и учитывать. (*Кукушкин А.В. Пръжжок десантников в Афганистан. М., 2004. С. 60–62.*)

горах или в лесу он очень неэффективен по сравнению с калибром 7,62 мм.

– То есть в такой местности калибр 5,45 мм (5,45 × 39), не нами придуманный, вслед за западным патроном 5,56 мм (5,56 × 45) не эффективен, и нужен старый патрон 7,62 мм (7,62 × 39) для АК-103, АКМ или АК-47 или пулемета РПК, или зарубежные патроны калибра 7,62 (7,62 × 51) мм для штурмовых винтовок G-3, FN-FAL или M-14 или для пулемета?

– Да. Западный патрон 7,62 мм (7,62 × 51) – побольше нашего – как наш старый винтовочный патрон от винтовки **Мосина** (7,62 × 54), используемый для пулеметов **ПКМ**.

Наш патрон 7,62 мм (7,62 × 39) для **АКМ** – покороче западного, но главное, вернуться к прежнему калибру 7,62 мм.

– Об этом сейчас много говорят, пулеметы у нас 7,62 × 54 – **ПКМ** – отличная машина, но и ему на замену уже производят новый пулемет **Печенег** под Мосинские винтовочные патроны (7,62 × 54). А пишут, что вот-вот примут на вооружение новый, сильно улучшенный вариант **АКМ** или подобный ему автомат со старым автоматным патроном калибра 7,62 мм (7,62 × 39), а патрон 5,45 мм (5,45 × 39) оставят для уже принятого на вооружение нового автомата **АН-94** (автомат **Никонова** или **Абакан**).

– Ну, у нас для спецов есть автомат **АКМС** со складывающимся прикладом – укороченный вариант **АКМ**, калибра 7,62 мм.

Так что мы поняли, начиная с Афганистана, что калибр 7,62 надо возвращать, и начали менять **АК-74** на **АКМ**.

– Один военный корреспондент, побывавший на обеих чеченских войнах, рассказывал, что когда штурмовали город Грозный, то бойцы шли вперед с **АКМ** калибра 7,62 мм, а за плечами у них **АК-74** калибра 5,45 мм, как дополнение – на всякий случай.

– Я начал служить, когда в 1956 г. были еще **АК-47**. Он тогда еще секретный был, мы его носили в чехлах. Потом пошел **АКМ, АК-74, АКСУ-74**, столько их разновидностей. На стволе **АКМ** имелся дульный компенсатор для улучшения кучности стрельбы.

– **Забыл спросить, самоходка АСУ-57, о которой Вы говорили вначале – гусеничная?**

– Да. Я еще на ней сдавал экзамены на механика-водителя. Детально ее изучал.

– **Встречали ли Вы ее в Африке?**

– Их нет в Африке. Если будете в Рязани, **АСУ-57** стоит там, на пьедестале возле училища ВДВ.

– **Почему их в Африке нет?**

– А зачем они там? Там нужны, и у нас были боевые машины пехоты – **БМП-1**, бронетранспортеры – **БТР-50, БТР-60ПБ, БТР-70**¹⁶.

– **И БТР-152?**

– **БТР-152** я уже в Африке не видел. Возможно, они были уже не на ходу, потому что кубинцы сбросили их много в Анголе в 1975–1976 гг.

– **Не встречали ли Вы в Анголе БМП-2, которые представляли уже в 1990-е гг., и на них на стороне правительства воевали южноафриканские, бразильские и португальские наемники?**

– Нет, тогда не было **БМП-2** со скорострельной пушкой калибра 30 мм, а были только **БМП-1** с гладкоствольной 73-миллиметровой пушкой, стреляющей кумулятивными гранатами (тип такой, как из гранатометов, снаряд чуть меньшего калибра, чем у 82-миллиметрового безоткатного орудия **Б-10**).

– **И раз мы продолжаем говорить о технике, Вы не помните – у ангольцев еще были старые советские самоходки**

¹⁶ В Анголе **БТР-70** не применялся (прим. В.А. Сагачко).

СУ-100 времен Великой Отечественной войны с пушкой калибра 100 мм, которые появились у них в 1975–1976 гг.?

– Их уже не было в мое время¹⁷.

У ангольцев были, как я уже сказал боевые машины пехоты (БМП-1), танки **Т-54Б** и **Т-55**. **Т-62** были у кубинцев.

– **Т-72** пошли в Анголу уже гораздо позже, в 1990-е гг.?

– Да, позже.

Из артиллерии там, в Анголе были 82-миллиметровые минометы, гаубицы **Д-30** калибра 122 мм и 130-миллиметровая дальнобойная буксируемая пушка **М-46**, которая стреляла на 27–30 км.

Нас юаровцы обстреливали из своих 155-миллиметровых гаубиц **G-5** и **G-6** с активно-реактивным снарядами на 47 км. Они нас молотили. А наша 130-миллиметровая пушка не доставала до них.

А еще они нас обстреливали с реактивной установки **Валькири**¹⁸ с расстояния до 22 км. **Унитовцы** использовали одну переносную реактивную пусковую установку **Град-П**, установив ее на треноге. Их батальон **Буффало** состоял из 10 рот, сформированных по национальностям. Допустим, африканцы, латиноамериканцы, европейцы. Роты на боевой технике, на различных бронетранспортерах.

– **И вот мы плавно перешли к Анголе.**

– Я прибыл в Анголу в марте месяце 1986 г.

– **Почему именно Вас послали в Анголу?**

– Тогда там главным военным советником был генерал-лейтенант **Кузьменко** – бывший заместитель командующего

¹⁷ В 1986–1989 гг. (прим. ред.-сост.).

¹⁸ **Валькири, Валькирия (Valkiri Mk 1)** – аналог советской **БМ-21**, только калибр чуть больше (127 мм у, не 122 мм, как у **БМ-21**) (прим. ред.-сост.).

ВДВ по боевой подготовке. Он заменил генерала **Константина Яковлевича Курочкина**¹⁹.

– С генералами **Василием Шахновичем**²⁰ и **Константином Курочкиным** связана масса легенд. Так, во всей западной историографии, ангольское неудачное наступление «Навстречу Октябрю» («Приветствуем Октябрь») в сентябре–декабре 1987 г., а потом наступление южноафриканцев на Куито-Куанавале называется «Наступлением генерала Шагановича»²¹. По мнению западных политологов и историков, «генерал Шаганович – известный химический эксперт, который проводил химическую войну против несчастных УНИТА и войск ЮАР». Интересно, что генерал с такой фамилией вообще никогда не существовал! И уже в десятках исторических книг написана такая чушь!

После Курочкина – главным военным советником был генерал-лейтенант **Л. Кузьменко**, а планировали провалившуюся операцию, сменивший его, генерал-лейтенант **Павел Гусев** и начальник штаба генерал-майор **Иван Рябченко**²². Вот почему мы хотим поскорее издать мемуары

¹⁹ Генерал-полковник, бывший заместитель командующего ВДВ СССР, **К.Я. Курочкин** был главным военным советником в Анголе в 1982–1985 гг. (*прим. ред.-сост.*).

²⁰ Генерал-лейтенант **В.В. Шахнович** был главным военным советником в Анголе в 1977–1980 гг. После возвращения из Анголы служил заместителем начальника Высших офицерских курсов «Выстрел» в Подмоскowie. Умер в 1984 г. (*прим. ред.-сост.*).

²¹ «General Shahanovich Offensive» (*прим. ред.-сост.*).

²² После службы в Анголе он служил уже не в ВДВ, а в сухопутных войсках в Ленинградском военном округе. Бывший командир 103-й Витебской гвардейской воздушно-десантной дивизии, герой войны в Афганистане, участник войны в Анголе, председатель городского и областного советов ветеранов войны и труда, генерал-лейтенант в отставке **Рябченко Иван Федорович** скончался в августе 1997 г. в Санкт-Петербурге (*прим. ред.-сост.*).

наших ветеранов с переводом на английский. Ведь (хочется просто ругаться!) многие наши журналисты, особенно молодые, и так называемые политологи, повторяют информацию из ложных западных источников, совершенно не зная, что происходило на самом деле²³. Мы хотим, чтобы люди узнали хоть что-то из уст непосредственных участников этих событий. Архивы откроют лет через 100–150,

²³ Первым руководителем группы из 40 советских военных специалистов и переводчиков в Анголе (с ноября 1975 г.) был полковник **В.Г. Трофименко**. А первым главным военным советником являлся, сменивший его в марте 1976 г. генерал-майор **И. Пономаренко** (численность военных и специалистов возросла с 200 человек до 344). Генерал-лейтенант **В.В. Шахнович** командовал советскими военными советниками и специалистами с 1977 по 1980 гг., и их численность была уже свыше 500 человек. Генерал-лейтенант **Г.С. Петровский** руководил военными советниками и специалистами с 1980 по 1982 гг. Генерал-полковник **К.Я. Курочкин** руководил ими с 1982 г. по 1985 г., и число военных советников и специалистов стало свыше 2000 человек (и оставалось на том же уровне до 1988 г.). Генерал-лейтенант **Л. Кузьменко** был главным военным советником в Анголе в 1985–1987 гг., а генерал-лейтенант **П.И. Гусев** – в 1987–1990 гг. В апреле–ноябре 1990 г. эту должность занимал генерал-майор **С. Суродеев**. С ноября 1990 по 1992 гг. исполняющим обязанности главного военного советника был генерал-полковник **В.Н. Беляев** (бывший начальник штаба ВДВ СССР). При нем численность советских военных советников и специалистов составляла несколько десятков человек. С 1991 г. его должность стала именоваться – Главный военный консультант Министерства обороны Анголы. Его сменил на этой должности с 1992 по 1994 гг. генерал **В. Лебедев**. Всего за 1975–1991 гг. в Анголе служили или находились в командировке 107 советских генералов и адмиралов, 7211 офицеров, свыше 12 000 военнослужащих, а если учитывать военных моряков, летчиков военно-транспортной авиации, авиатехников, моряков, морпехов, то не менее 30 000 военнослужащих и 1000 гражданских специалистов. (См.: *Коломнин С. Русский спецназ в Африке*. М., 2005. С. 73–74, 99, 220–221.)

а сейчас пусть исследователи опираются на воспоминания очевидцев.

Но мы отвлеклись.

– Меня пригласил в Анголу генерал-лейтенант **Кузьменко**. Это был 1986 г. Он приехал из Анголы в отпуск и предложил мне поехать туда советником начальника разведки Генерального штаба Анголы. Но потом наше 10-е управление переиграло, и меня оформили советником начальника разведки 4-го военного округа в Уамбо. Я тогда уже был полковником, заместителем начальника разведки воздушно-десантных войск.

Прилетаю в марте 1986 г. в Луанду, и первое впечатление: на улицах – горы консервных банок!

– На чем летели?

– На **Ил-62**. Беспосадочный перелет. Потом летал на **Ту-154** с посадкой и дозаправкой в Венгрии.

И еще впечатление: та часть Луанды, которая примыкает к океану, высотные дома – чистая, а дальше окраина – такая грязная! Отнюдь не радужное впечатление об Африке, совсем не похожее на красочную передачу по телевизору об африканской природе. При этом – духота, как в парилке, из-за влажности и жары градусов за 30. Все сразу мокрые стали, очень неприятно!

Я доложил, что прибыл, советнику начальника разведки Генерального штаба Анголы. Он был тогда из «стратегов» – стратегической разведки. Вот уж кого туда не надо было посылать! Нужны были войсковые разведчики. Вообще подбор военных советников в Анголу оставлял желать лучшего.

Мои предложения о посылке туда советников были бы совсем другими. Позже сообразили, и главных военных советников начали приглашать из ВДВ. Специфика войны в Анголе – партизанская, а к партизанской войне тактика действий воздушно-десантных войск подходит более всего.

– Как в свое время французы в Алжире и Индокитае, а позднее американцы во Вьетнаме: нет сплошной линии фронта, и войска высаживаются вертолетами?

– Да. А сухопутчики, которых присылали с кадрированных дивизий²⁴, насаждали там линейную тактику. А она там ни к черту не подходит. Там нужны маневренные действия по отдельным направлениям.

– **То есть боевые действия не дивизиями, а батальонами?**

– Больше батальонами. Там, в Анголе, бригадная организация армии. Бригады состоят из батальонов. В одной бригаде – три батальона. Структуру уточните у полковника запаса **Вадима Андреевича Сагачко**. Он был мне благодарен: «Вы, – говорит – первый ввели меня в курс дела».

Когда прибываешь туда, нужно некоторое время, чтобы войти в курс дела: как устроить быт, питание. Пища совершенно другая.

Когда я прибыл в Луанду из Москвы, главный военный советник генерал **Кузьменко** говорит мне: «**Вячеслав Александрович**, ты назначен в Уамбо. Я, конечно, не настаиваю, но хотел бы, чтобы тебя направили на юг, в 6-й военный округ в Менонге. Там самый боевой округ. Я хотел бы иметь там своего представителя. У меня есть один подполковник, но он меня что-то не устраивает». А у меня, как у заместителя начальника разведки ВДВ, опыт к этому времени был большой. Я говорю: «Раз надо, так надо». Он: «Я не настаиваю, конечно. В Уамбо – хорошие квартиры, сам город, снабжение хорошее. Одно из тех мест в Анголе, где приятно служить...».

И я служил (вместо Уамбо) в 6-м округе в Менонге, в Куито-Куанавале. Из Менонге шла дорога на Лонго (это небольшой поселок), которая потом уходила на Куито-Куанавале. По

²⁴ Кадрированная дивизия – соединение, укомплектованное штатной или близкой к ней численностью офицеров, положенной техникой и вооружением, но рядовым составом только в количестве, необходимом для обслуживания техники – до роты. В случае объявления мобилизации дивизия разворачивается до полного штата (*по материалам В.А. Сагачко*).

этой дороге я много раз ездил. В Лонго советником бригады служил подполковник **В.А. Сагачко**.

Возле Куито-Куанавале стояли зенитно-ракетные комплексы **Печора, Квадрат и Оса**, и там был полевой аэродром. В районе аэродрома была развернута рота радиотехнической разведки²⁵. Сам населенный пункт находился у слияния рек Куито и Куанавале. Это были фазенды, но не сельскохозяйственные. Их обустраивали еще при португальцах, которые приезжали туда на охоту. Они и на картах писали: «Фазенда – такая-то». Все поселки коттеджного типа, хорошо благоустроенные. Сейчас их ангольцы сильно запустили, канализация и все остальное разрушены.

Поселки расположены в очень хороших местах. Само Куито-Куанавале – на высоте у слияния рек. Местечко красочное. Вода в речках прозрачная, как дистиллированная вода. Но пили мы ее, конечно, предварительно прокипятив, в ней слишком много живых организмов. Рыбу ловили удочкой с лодки, на червяка. А вода чистая, и рыбки разные – зеленые, красные, розовые, как наши подлещики, густеры, или красноперки, такого же размера, но цвета совсем другие. Хищная рыба – тигра, у нее зубы, как зубья пилы, по всей челюсти, а сомы такие же, как наши.

Мы эту рыбу ели – уху варили. Новый год (и 1987, и 1988) мы встречали в Куито. Встречали так: залезали в речку Куито – вода теплая! Крокодилов там поблизости не было, они дальше по течению были, на небольших притоках. Один раз обнаружили останки слона. Группа львов там где-то бродила. Все виды животного мира встречались. В связи с войной, правда, их очень мало осталось, попадались лишь отдельные особи. В реке было полно рыбы. Но местные мало рыбу ловили, потому что мужского населения не было: мобилизованы – или на стороне **УНИТА**, или на стороне **ФАПЛА**. А остальные – стари-

²⁵ Куито-Куанавале находится в ангольской провинции Квандо-Кубанго.

ки, женщины и дети, жили за счет местного гарнизона. Ходили все закутанные в зеленые простыни. Солдаты приходили к ним, приносили им покушать.

Вдоль рек у местного населения были небольшие участки обработанной земли, но занимались земледелием незначительно.

Армия (**ФАПЛА**) питалась всем привозным, в основном, консервами за счет международной гуманитарной помощи. А **УНИТА** снабжалась лучше, чем **ФАПЛА**. Когда разведчики брали их в плен, у них в пайках были плитки шоколада, жидкий шоколад, паштеты, консервированная ветчина и колбаса в баночках.

– **Были ли банки, присылаемые в качестве гуманитарной помощи, с просроченным сроком хранения?**

– А черт его знает. Когда голодный, все съешь, тем более острые консервы, сильносоленые. Чтобы не портилось – все в банках было очень соленое.

Что касается событий вокруг Куито-Куанавале, то они не только в марте 1988 г., но и каждый год были.

Основное событие было в 1987 г. Когда я приехал в 6-й округ в 1986 г., то первым командующим округом был **«Вьетнам»**, член ЦК МПЛА, а потом, когда он уехал, командующим округом стал **«Батишта»**. Это их прозвища²⁶, они их любят, для них это как второе имя. Они даже свои настоящие имена не употребляют.

– **Вы не помните, ввели Вас в курс дела в Луанде? Сколько времени это продолжалось, прежде чем Вас направили на юг страны, непосредственно на место службы?**

– Генерал **Кузьменко** сказал мне: «Подумай, завтра придешь, скажешь». Я: «А чего думать, согласен!» Через два дня улетел туда на **Ил-76**. Когда летели, сначала шли на высоте 10 000 м, а потом по спирали, на посадку резко вниз, отстреливая тепловые ловушки. Ниже летел **С-130 «Геркулес»** американ-

²⁶ Партизанские псевдонимы.

ского производства. Не знаю, от кого он был прикомандирован, но каждый день летал и привозил гуманитарные грузы.

– **Четырехмоторный, как Ан-12?**

– Да. А чем отличается? На **Ан-12** и **Ан-22** округлые концы лопастей винтов, а у него срезанные. **С-130** – хороший, очень надежный самолет. И наш **Ан-12** тоже хороший. Поэтому они и летают по Африке на пару – **Ан-12** и **С-130**, хотя и списанные.

– **Это еще ничего! Известный российский торговец оружием, бывший военный переводчик, лейтенант запаса, Виктор Бут, вместе со своим братом Сергеем, в начале 1990-х купил у одного авиазавода на Урале по бартеру (в обмен на оборудование поликлиники) списанные Ан-8 (двухмоторные, транспортные), Ан-12 (четырехмоторные, транспортные), а также несколько машин поменьше: Ан-24, Ан-26 (двухмоторные, транспортные) и вертолет Ми-8. И эти Ан-8 Бута до сих пор летают, в частности, в Экваториальной Гвинее! Последний Ан-8 был произведен в 1960 г., а сейчас уже 2005 г.! А Ан-12 – «посвежее», последний был произведен в 1973 г.**

Бута в чем только не обвиняли, особенно Франция, что он такой-сякой, поставлял оружие кровавым режимам в Африке и Азии, в общем, нехороший. Теперь – он лучший друг США²⁷, поскольку перевозит снаряжение, оружие и боеприпасы доблестным войскам коалиции, надолго увязшим в Ираке.

– Я помню двухмоторные **Ан-8**, прыгал с них. В начале 1960-х гг. **Ан-12** было еще мало. Но **Ан-8** выпускали всего 2

²⁷ В начале 2007 г. США ввели экономические санкции против авиакомпаний, принадлежащих **Виктору Буту** и зарегистрированных в ОАЭ и различных странах Африки. 6 марта 2008 г. он был арестован в Таиланде по запросу США. Предполагается суд над ним в Таиланде или в США по обвинению в контрабанде оружия в обмен на алмазы и другие ценные полезные ископаемые (*прим. ред.-сост.*).

года, а **Ан-12** штамповали много. Транспортные полки были смешанные из **Ан-8** и **Ан-12**. До **Ил-76** основным транспортным самолетом был **Ан-12**.

– **Ил-76** и **Ан-12** все хвалят, надежные очень машины. **Ан-12** скоро спишут из ВВС и военно-транспортной авиации России в частные компании, а на замену пойдут улучшенные **Ил-76** и **Ан-124 «Руслан»**. И как только их спишут, половина, если не больше самолетов **Ан-12** окажется в Африке.

– Как только я прилетел в Менонге, советник командующего округом, подполковник, как раз уезжал. Я ему представился, посмотрел маленькое местечко Менонге – провинциальный центр, больше похожий на деревню. Поехали с ним в штаб, я представился «**Вьетнаму**» – тогдашнему командующему округом, начальнику разведки. Потом поехал смотреть ангольский разведбат. Он состоял из рот войсковой разведки, вооруженной автоматами **Калашникова** и ручными пулеметами **Калашникова (АКМ и РПК)**.

Разведчики жили в рефуже – большой землянке, 2 м глубиной. Стены бетонные, сверху легкая крыша, сделанная накатом, и от стены где-то около метра свободное пространство – ветер гуляет! Стекол на окнах никаких нет: для света, вентиляции и ...комаров. Коек нет, все спят на полу, подстилая под себя картон из-под коробок (как бездомные) и укрываясь легким одеялом. Автомат кладут под головой.

Гранаты они тоже носили с собой. Но, в основном, гранаты были не наши, хотя **лимонки (Ф-1)** тоже были.

У **унитовцев** автоматы были наши, а ручные гранаты – маленькие, кругленькие, кажется, американского производства.

Я начал с разведбатом заниматься, помогал им организовывать занятия. Учил, как устраивать засады, совершать налеты, передвигаться, подкрадываться, как снимать часовых, транспортировать пленных.

– **Приборы ночного видения были?**

– Только ночные прицелы на автомат и пулемет. Один прицел на отделение. Там все приборы особенно быстро выходили из строя из-за тяжелых климатических условий и небрежного отношения. Единственное, что держалось крепко – это автоматы и ручные пулеметы **Калашникова**.

– **Винтовки и карабины никакие не использовались?**

– Нет. У **ФАПЛА** были только автоматы и пулеметы **Калашникова (АКМ и РПК)**.

Я прихожу и спрашиваю бойцов: «Покажите оружие. Когда вы его чистили?» – «Да никогда не чистили. Они и так (смех) хорошо стреляют!» Они никогда его не чистили, машинным маслом не смазывали.

– **То есть старые винтовки и карабины попадались у УНИТА, но не у ФАПЛА?**

– Да.

– **ППШ-41 (пистолет-пулемет Шпагина) и ручной пулемет Дегтярева (РПД), захваченные у УНИТА, не попадались?**

– Не видел.

– **Полковник запаса Вадим Андреевич Сагачко в своих воспоминаниях рассказывал, что среди захваченных у УНИТА штурмовых винтовок G-3, винтовок Маузера, Мосина попадались изредка и автоматы ППШ-41.**

– Не встречал.

– **А кто переводил?**

– Ну, переводчики у нас были. Они часто менялись. Особенно много со мной работал **Алексей Поборцев**. Он сейчас на НТВ работает корреспондентом. Часто идут его материалы из «горячих точек».

– **Сколько времени Вы учили разведбат?**

– Каждый день я туда ездил. Потом с мая 1987 г. началась подготовка к операции в Куито-Куанавале. Их перебросили туда. Может быть, слышали, у нас уничтожили несколько бензовозов с горючим? Это произошло в 1987 г., перед операцией, точно уже не помню, в мае или в июне. Эту колонну гото-

вили, она пришла в Менонге, ее сопровождали 5-я ангольская бригада и еще одна бригада (номер уже забыл).

– **Сколько было на «дороге жизни» бензовозов?**

– Состав колонны был: 23 большие цистерны-полуприцепа, из них 18 – с дизельным топливом и 5 с бензином. Десяток цистерн было сожжено. Их сожгли на пути от Лонго до Куито-Куанавале, где-то посередине. Там всего 190 км. Из них от Менонге до Лонго километров 90, а от Лонго до Куито-Куанавале – 100. После я ездил за продуктами из Куито-Куанавале и видел эти искореженные цистерны²⁸.

– **Засада была организована УНИТА или это был налет ВВС ЮАР?**

– Никакого налета. Именно засада УНИТА.

Когда бригада идет по дороге, охранение идет справа и слева от дороги, техника медленно движется вслед. И вот когда ангольские бригады пошли, мы находились на полдороги между Менонге и Лонго, там где стояла колонна. Все было готово. Командный пункт у нас был в Менонге, на аэродроме. Оперативная группа держала связь с колонной.

– **Сколько танков было в этой колонне?**

– Не помню. Сопровождали бригады бензовозы в пешем порядке, без бронетехники, т.к. дорога шла через саванну. Все справа и слева прочесывалось.

– **Как проникли унитовцы, прямо к колонне?**

– Надо прямо сказать, что командиры ангольских бригад, прошлапили. Ведь, бывает, засады устраивают так: **унитовцы** видят охранение и уходят вглубь саванны. Когда охрана прошла, они выдвигаются и бьют.

Сначала были взорваны, конечно, несколько направленных мин (фугасов). Остановили колонну, и затем из гранатометов **РПГ-7** ударили по бензовозам. **Унитовцев** к тому же трудно

²⁸ Это был не единственный случай уничтожения ангольских бензовозов.

отличить. Все одеты одинаково в камуфляж **ФАПЛА**. И оружие одинаковое: **АК**, **РПК** или **РПГ-7**.

Когда мы с начальником разведки узнали, что произошло нападение на колонну, поднялись на кубинском вертолете **Ми-8**. Летели низко – не выше 100 м. Пролетели Лонго – черный дым от горизонта до горизонта, ничего не видно. Чуть-чуть подлетели к границе дыма: внизу стрельба идет.

– **То есть охранение залегло, и началась перестрелка?**

– Да. Несколько бензовозов с дизельным топливом горели. Цистерны большие были, на отдельных прицепах, наверное, тридцатикубовые, тонн по 30. Грузовики были разного типа.

– **Сложно представить, какой там был дым.**

– Дым был ужасный! Мы хотели подняться выше на вертолете, но кубинцы не решились, ничего не видно было. По краю дыма полетали немножко и вернулись.

У **ФАПЛА** потерь мало было. Погибли, в основном, водители бензовозов. Кто успел выскочить из кабин, тот выжил.

Нам они нанесли большой урон. Уничтожили массу топлива для бронетехники и грузовиков, которые готовились для предстоящей операции. Но операция все равно состоялась.

– **Кто-нибудь из нападавших вышел?**

– **Унитовцы** сожгли из гранатометов несколько цистерн, выполнили свою задачу и ушли. Там у них было персонально назначено: сделали каждый по одному выстрелу и ушли. Кто-то из **УНИТА** вел перестрелку, прикрывая их отход, а потом и они ушли.

Да ничего и не видно в саванне. Сколько мы там воевали, а так, чтобы сойтись лицом к лицу – этого не было, местность там закрытая. В штыковую там не ходят и не ходили. Они друг друга не видят, только слышат, как стреляют. И палят друг в друга по звуку выстрелов. И наступают так же.

– **Близкого огневого соприкосновения не было, а только на средних дистанциях, т.е. боестолкновения проходили на расстоянии нескольких сотен метров?**

– Да. Ангольцы слышат шум и отбегают. Они вояки, не очень. Юаровцев ангольцы боялись страшно! Когда мы (16-я, 21-я, 47-я и 59-я бригады) три месяца шли в наступление под Куито-Куанавале к Жамбе, ангольцы убегали, как только юаровцы шли вперед.

– **Когда началось наступление «Навстречу Октябрю» («Приветствуем Октябрь»)?**

– Мы наступали всегда в сухой период, который начинается с мая месяца. Начали наступление, примерно, в июле. Участвовало в наступлении 3 ангольских бригады. Шли в пешем порядке, с бронетранспортерами **БТР-60ПБ**, небольшими грузовиками **Энжеза**²⁹ с продовольствием, боеприпасами и горючим. А танки оставались на позициях перед Куито-Куанавале. Потом бригады шли по отдельным направлениям.

²⁹ По поводу бразильского грузовика **Энжеза (Engesa)**. Они были двух типов: маленькие – двухосные **Энжеза-15** (с бензиновым двигателем), типа **ГАЗ-66**, и большие – трехосные **Энжеза-25** и **Энжеза-50**, типа **ЗИЛ-131**. Но у них колеса были гораздо уже, и проходимость в связи с этим была гораздо хуже, чем у наших **ГАЗ-66** и **ЗИЛ-131**. Чувствовалось, что **Энжезы** – старого поколения, и по внешнему виду, и, особенно, по колесному ходу. Машины 1950-х – 1960-х гг. И двигатели у них были слабые, и подвеска, и, в особенности, ходовая часть – не для тяжелых условий песчаного грунта. **Энжезы** плохо себя показали. Гораздо больше ангольцы любили наши **ГАЗ-66**, особенно, **КрАЗ-255** и **Уралы**. Эти машины шли за боевыми машинами, проходили везде, как боевые машины, как **БТРы**, **БМП**, танки (*прим. В.А. Мутяева*).

Не все согласны с подобной оценкой бразильского грузовика **Энжеза ЕЕ-25**. Другое дело, что грузовики советского производства типа **ГАЗ-66**, **Урал-375**, **Урал-4320** (с дизельным двигателем), **ЗИЛ-131** и **КрАЗ-255** (с дизельным двигателем) и грузовики **ИФА (IFAW50)** (с дизельным двигателем) производства Германской Демократической Республики обладали более мощными двигателями, грузоподъемностью и проходимостью (*прим. ред.-сост.*).

– Три месяца шло наступление на город Жамбу – столицу Савимби³⁰?

– Туда не дошли. До речушки Ломба. Всего было несколько таких операций, и все время на этой речке, дальше нас не пускали. Шли вперед три месяца постепенно, с перестрелками. Проверяли – нет ли минных полей.

Как только ангольские войска выходили на рубеж этой речки, сразу вступала в действие армия ЮАР, батальон **Буффало**. Начинала бить южноафриканская авиация – истребители-бомбардировщики **Миражи F I** и штурмовики **Импалы**, использовались беспилотные самолеты-разведчики. Один такой беспилотный самолет-разведчик, который разведывал позиции бригад, нашли в районе моста у Куито-Куанавале.

– Юаровцы вмешивались, когда уже была прямая угроза вотчине Савимби?

– Да. Дальше речки Ломбы нас не пускали. Юаровцы переходили в контратаку. На бронетранспортерах [**Рател**], [бронемашин] **АМЛ-60**, **АМЛ-90**, танках **Элефант**.

– Запомнилось ли что-нибудь особенное?

– Ну, я вперед не ходил. Там были солидные перестрелки. Одному нашему переводчику – **Олегу Снитко**³¹ – руку оторвало. Его эвакуировали кубинцы на вертолете с врачом, привезли в бидоне оторванную руку, но он, к сожалению, скончался.

Кубинцы в этом наступлении не участвовали. Они оставались на позициях перед Куито-Куанавале.

³⁰ **Жонас Савимби** – вождь Национального союза за полную независимость Анголы (**УНИТА**) – организации, которая с 1975 по 2002 гг. находилась в оппозиции законному правительству Анголы (**МПЛА**) и вела почти без перерыва вооруженную борьбу за власть в стране. Савимби и его ближайшие соратники были убиты в 2002 г., а его движение прекратило вооруженную борьбу, и ныне является легальной парламентской оппозицией (*прим. ред.-сост.*).

³¹ Младший лейтенант **Снитко Олег Николаевич**.

– Когда в этот раз началось контрнаступление южноафриканцев?

– Где-то в октябре 1987 г. ангольцы переправились через реку Ломба, юаровцы здорово контратаковали, и наши (ангольцы) вынуждены были отступить. Далеко юаровцы не преследовали. Они не переправлялись через Ломбу. Я был там весь этот период, где-то с мая 1986 г. по 1989 г. Командный пункт наших подсоветных (ангольцев) был в Куито-Куанавале. У нас там была небольшая площадка: навес, баня с эвкалиптовыми венниками, небольшое убежище – окоп, накрытый сверху металлическим полом от грузовика Энжеза.

Южноафриканская артиллерия нас обстреливала 155-миллиметровыми снарядами (орудие **G-5** и самоходное орудие **G-6**, от 39 до 47 км) и реактивными снарядами **Валькири** (до 22 км)³². А наша артиллерия **БМ-21** (до 20,5 км)³³ до них не доставала.

– А реактивных систем залпового огня **Ураган** радиусом до 35 км тогда в Африке не было?

– Нет. Но **Ураган** бы тоже не достал до **G-5** и **G-6** (39 км обычными и 45 (47) км активно-реактивными снарядами).

Пока бригады двигались, мы находились на командном пункте в Куито-Куанавале. И юаровцы били 155-миллиметровыми снарядами, конечно, по аэродрому, который был их главной целью. Весь населенный пункт Куито-Куанавале разбомбили! Все дома были разбиты, то перелеты, то недолеты.

³² Южноафриканцы применяли и **РСЗО Баталер** калибра 127 мм (дальнобойность до 36 км.) (*прим. ред.-сост.*).

³³ Ракеты радиусом до 30 км для **БМ-21** стали производить в СССР в 1991 г., а ракеты радиусом до 40 км для **БМ-21** производятся в России с 1999 г. А активно-реактивные снаряды для дальнобойных орудий **М-46** дальнобойностью до 38 км (вместо 27,5 км обычными снарядами) производят в России с 1998 (?) г. (*прим. ред.-сост.*).

Когда юаровцы начали попадать снарядами, ангольцы первыми уехали от артобстрела и перенесли командный пункт в лес под Куито-Куанавале. Они оборудовали там землянки. Потом и кубинцы ушли в этот лес. А мы продолжали оставаться в Куито-Куанавале. Нам никто ничего не оборудовал. У нас ничего кроме этого маленького убежища не было.

Один раз, помню, снаряд попал прямо в ангольский штаб, а рядом – наш домик. И осколки снаряда прошили стену нашего домика. Домик был сделан из легких деревянных конструкций, как и все дома³⁴ в Куито-Куанавале. Пробило стену нашей столовой, мы там как раз отдыхали, а советник по службе войск полковник **Горб Андрей Иванович** сидел за столом, писал отчет. Осколок влетел в холодильник – как ему не попало! Полковник **Горб** погиб через месяц. Начался артналет, мы все в укрытие – в домино играем. Мы сами по очереди дежурили, а караул ангольский. **Андрей Иванович** должен был заступать на дежурство и инструктировать караул. Он сидел у нашей баньки под навесом, где политзанятия проводили, спортом занимались, снаряды спортивные стояли. Все это находилось на ограниченной площади – 20 × 30 м по периметру. Забора вокруг не было. Охрана заступала ночью, днем ее не было. Мы все попрятались в убежище и говорим ему: «Пойдем».

А он: «Да я вот проинструктирую караул и потом». Вдруг, рядом как жахнет снаряд от **Валькири!** Влетел, пробил крышу нашего навеса. Мы сразу вылезли из укрытия, у нас там **ГАЗ-66** стоял. Смотрю под машину и вижу – человек лежит. Я быстро к нему подбежал. Сам полковник **Горб** абсолютно целый,

³⁴ Дома в Куито-Куанавале были из полого кирпича, кладка в один кирпич, оштукатуренные цементом. Стена легко простреливалась пулей. В некоторых (отдельных) домах стены были бетонными, но тонкими – 10–15 см (прим. В.А. Сагачко).

а один шарик³⁵ попал ему в горло, в сонную артерию. Мы затащили его в укрытие, врач сразу стал помогать, но он прямо на моих глазах умер. Я ему глаза закрывал³⁶.

Столько раз снаряды по периметру нашего домика ложились! Один раз снаряд упал, когда я бежал в укрытие, на излете, небольшой осколочек стукнул па ноге. И ничего – царапинка небольшая.

Обстрелы помню, как наяву. Один раз едем из района наших землянок на командный пункт еще в Куито-Куанавале. Я въезжаю на **БМП-1** в район командного пункта, и как шарахнет снаряд. Справа был комендантский взвод, 22 человека погибло. По броне моей **БМП-1** только осколки застучали.

Я поставил **БМП-1** на стоянку, ушел на командный пункт, артналет продолжался. На стоянке рядом стоял грузовик **Энжеза**, в котором сидел ангольский солдат. Один снаряд попал в угол заземленного командного пункта, но ничего особенно не повредил. Я закончил работу, выхожу, **БМП-1** – нет, анголец-водитель отъехал. А там, где я **БМП-1** поставил, разбитая **Энжеза** и убитый ангольский солдат в кабине, весь живот осколками разворочен. Если бы механик-водитель **БМП-1** не отъехал, то снаряд мог бы попасть в **БМП-1**, и его бы ничего не спасло.

³⁵ Реактивный снаряд от **Валькири** начинен взрывчаткой мощностью 60 кг с 8500 металлическими шариками убойной силы до 1500 м (*прим. ред.-сост.*).

³⁶ По официальным данным, в период с 1975 до 1991 гг. в ходе боевых действий в Анголе погибли и умерли 54 советских гражданина, в том числе: 45 офицеров, 5 прапорщиков, 2 солдата срочной службы и двое служащих. За этот период были ранены 10 человек, а один советский военнослужащий – прапорщик **Пестрецов** в ходе агрессии ЮАР в августе 1981 года попал в южноафриканский плен и провел в тюрьмах ЮАР около полутора лет (*по материалам С.А. Коломнина*).

Такая повседневная была работа, обстрелы частые. Южно-африканцы следили, когда мы едем на командный пункт, у них работали наблюдатель-наводчик и звуковая разведка.

Мы замечали, когда выезжаем и едем на командный пункт, так сразу начинается обстрел. Наш замполит был ранен в ногу. И разведбат мой часто обстреливали. Как-то раз снаряд попал, двоих убило.

Из **G-5** и **G-6** юаровцы молотили целыми днями! Разрыв снаряда – двойной. Когда перелет или недолет, слышишь, как пролетает снаряд над головой, сначала раздается один грохот и потом второй, когда снаряд падает на землю. Когда они совпадают, то взрыв уже «твой», над головой или рядом взорвался. Грохот страшный! Столько снарядов и каждый день!

– Они пытались уничтожить те три объекта, о которых вы говорили?

– Да. И командный пункт тоже. Когда командный пункт ушел в лес, они постоянно били по трем оставшимся объектам – аэродрому, роте радиотехнической разведки и батарее зенитно-ракетного комплекса **ПВО**.

– Наступление 1987 г., как известно, закончилось тем, что ангольцы с большими потерями отступили в ноябре-декабре, если я не ошибаюсь.

– Да. В ноябре начинается сезон дождей. Все операции проходили в предшествующие полгода, когда ни одного облачка. Потом, когда мы уехали на командный пункт за 13 километров в лес, отрыли землянки, Помогали нам анголане (ангольцы), отрывали землю, делали блиндаж. Юаровцы долбили нас артиллерией там.

– А когда подтянулись туда кубинцы?

– А они уже раньше нас в лесу оборудовались.

– Я имею в виду, когда они перешли в Куито-Куанавале с целью обороны, с той параллели, где они в Анголе много лет стояли?

– Они там давно находились. Кубинцы располагались на другой стороне Куито-Куанавале, на другой стороне реки

Куито, не на нашей. У них были оборудованы оборонительные позиции. А поскольку Куито-Куанавале стоит на высотке, нам очень хорошо было видно, когда их обстреливают, их позиции. Причем первые позиции занимали ангольцы, а танки (Т-54Б и Т-55) кубинцев стояли закопанные по башню в глубине обороны.

– **Танки Т-62 появились позднее, когда началась основная заварушка?**

– У меня фильм где-то есть, там как раз эта колонна Т-62 пришла. Пригнали ее на трейлерах из ближайшего порта.

– **Говорят, что часть из них пришли своим ходом?**

– У меня на пленке, когда мы их встречали, они прибыли на трейлерах.

– **В каком месяце они прибыли?**

– Точно не помню, все смешалось в голове, потому что потом была операция 1988 г.

– **Какое дополнительное количество кубинских войск было переброшено под Куито-Куанавале в начале 1988 г.?**

– Там был танковый батальон. Резервов у кубинцев в тылу не было, и все кубинские войска стояли в обороне перед Куито-Куанавале.

– **Возвращаясь к кубинским танкам Т-54Б, Т-55. Сколько там было всего танков?**

– А черт его знает!³⁷ Точно я не могу сказать.

Вспомнил, что когда танки переправлялись на ту сторону Куито, там разбомбили мост³⁸. Его потом ремонтировали, восстанавливали.

³⁷ К апрелю 1988 г. в Анголе находилось 55000 кубинских военнослужащих, из них 40000 на юге Анголы (там же находилось 30000 бойцов ФАПЛА). Кубинцы сосредоточили там до 600 [800] танков и более 1000 средств ПВО. (Из выступления Фиделя Кастро на митинге в Гаване 2 декабря 2005 г.)

³⁸ Точнее мост был подорван южноафриканскими боевыми пловцами (прим. ред.-сост.). По другим сведениям он был подорван «умной бомбой» (по материалам В.А. Сагачко).

– **Число новых кубинских танков Т-62?**

– Батальон, штук 30 (22), не больше.

– **Юаровцы подогнали войска, дополнительные танки и вместе с унитовцами 11 марта 1987 г. пошли в наступление. Но на минных полях потеряли 23 марта пять³⁹ танков Элефант (Олифант), вариант английского Центуриона, три из которых они не смогли эвакуировать.**

– Они шли, но не преодолели анголо-кубинскую оборону. Не смогли.

– **Все цитируют по этому поводу фразу Фиделя Кастро: «Южноафриканская авиация не смогла действовать из-за плохой погоды, зато в воздухе были юаровские танки».**

– Он поиздевался над южноафриканцами, которые вели наступление в марте 1988 г., еще в дождливый сезон, и не могли его победоносно завершить, якобы из-за плохой погоды, мешавшей действию их авиации.

Когда южноафриканские танки подорвались, то один (два) из них перетащили на свою сторону кубинцы, и потом все кому не лень на его фоне фотографировались. Чушка здоровенная, этот танк – очень высокий.

– **Не помните, когда было подписано соглашение⁴⁰ о прекращении огня под Куито-Куанавале?**

³⁹ По другим сведениям – три танка **Олифант**.

⁴⁰ 11 марта и 23 марта 1988 г. возле Куито-Куанавале проходили тяжелейшие бои между южноафриканской армией и анголо-кубинскими войсками. Южноафриканцы, в связи с угрозой окружения их частей кубинскими войсками, высадившихся в портах юга Анголы и нанесшие южноафриканцам ряд поражений в апреле – июне 1988 г., были вынуждены начать отступление к границе с Намибией. Позднее была достигнута договоренность о быстром выводе южноафриканских и постепенном выводе кубинских войск из Анголы. Таким образом, юридически это сражение закончилось вничью, но фактически ЮАР проиграла (*прим. ред.-сост.*).

– Но это все было в Луанде, и я не знаю. Несмотря на эти соглашения, юаровцы все равно нас обстреливали. Обстрелы стали прекращаться где-то к концу 1988 г.

Действия мелких групп противника, боестолкновения продолжались. Возникла стрельба, обстрелы из минометов. **унитовцы** потом **Валькири** использовали. Юаровцы били издалека, продолжались артобстрелы из 155-мм гаубиц **G-6**.

В отпуск за 3 года службы в Анголе я ездил всего один раз. За это время в 6-м округе сменилось 3 смены наших и 3 смены наших подсоветных ангольцев. Командующие округами, начальники штабов тоже менялись. Когда они приезжали, одним из тех, кто мог ввести их в обстановку, был я. Через год службы, я был уже старожилом, всю обстановку знал четко, т.к. с картами работал. Мы осуществляли перехват разговоров **УНИТА** на португальском, получали разведанные. Мои радисты рабочие частоты **УНИТА** знали наизусть, т.к. их часто не меняли, а мы их постоянно слушали. Много переговоров было между различными отрядами **УНИТА**, разведкой противника, батальонами. Они вели раскрытые переговоры на радиостанциях типа **Рокал (Rocal)**, не шифровали.

Эти станции **Рокал** были и у нас. Отличные радиостанции, лучше наших! Компактные, маленькие, переносные.

Однажды туда приехал начальник оперативного управления Генштаба Анголы генерал **«Нгонго»**⁴¹. Я на командном пункте работаю с начальником штаба, ввожу его в обстановку (четвертый начштаба за мое время пребывания там, полковник – анголец). Объясняю, какая обстановка вокруг Менонге, вокруг Куито-Куанавале. **Нгонго** спрашивает: «А это кто (про меня)?». Они все хорошо по-русски говорят. Коман-

⁴¹ Генерал **Роберту Леал Рамуш Монтейру «Нгонго»** – Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Ангола в РФ в 2000–2006 гг. С 2006 г. по настоящее время – министр внутренних дел Республики Ангола (*прим. ред.-сост.*).

дующий отвечает: «Это – советник начальника разведки». – «А почему он с начальником штаба?» Командующий говорит: «Он у нас со всеми работает: со мной, с начопером (начальником оперативного отдела), с начштаба и с начальником разведки».

Как операция заканчивается, все наши советники меняются. А через две недели приходит директива с Генерального штаба составить отчет по операциям. Что делать? Приехал анголец, бывший командующий округом по прозвищу «**Вьетнам**», он тогда уже служил в Генеральном штабе, и попросил меня составить отчет об операции. А я штабной работник, для меня это особой сложности не представляет. Я в обстановке был всегда. Написал большой отчет по-русски, а начопер, капитан-анголец перевел на португальский. План отчета: цель, замысел и ход операции; использование бригад, батальонов; использование артиллерии; использование авиации; использование инженерных войск. И одна глава в отчете: действия той стороны, т.е. противника.

Где-то две недели с **Вьетнамом** сидели и составляли этот отчет⁴². Мы научили их отчеты составлять.

Потом этот отчет **Вьетнам** в Генеральном штабе докладывал, поскольку он был ответственный за операцию. Он меня спросил, когда я уезжаю. Я ответил, что через несколько месяцев. Он предложил мне остаться и продлить командировку. Нам, говорит, нужны такие квалифицированные советники, как ты.

⁴² Другими словами, наиболее полные и точные данные о боях за Куито-Куанавале, о предыстории этого сражения, самих военных действиях и боевых операциях сразу по их окончании, возможно, находятся в архивах министерства обороны Анголы на португальском языке, за подписью генерала (тогда – полковника) «**Вьетнама**» (прим. ред.-сост.).

Постоянно, каждый день, я ездил к кубинцам обмениваться информацией. У них информация была гораздо лучше, чем у ангольцев. Они высылали свои разведгруппы.

– **Действовали их разведгруппы вместе со СВАПО в Намибии?**

– Этого я не знаю. Но **сваповцы** с нами не действовали, они находились в 4-м военном округе, к югу от Уамбо. У них был советник, бывший мой подчиненный, **Верес Александр Васильевич**. Он раньше меня в Анголу поехал. Он возвратился, когда я туда поехал. Сейчас он живет в Гродно, в Белоруссии. Мы училище заканчивали вместе.

– **Операции в 1988 и 1989 гг.?**

– Партизанская война, как и раньше. Менонге **унитовцы** обстреливали из 82-миллиметровых минометов. Об этом жена моя может рассказать. Она приехала ко мне через полгода после начала службы в 1986 г.

Потом, после моего отъезда, проводили операцию по захвату Мавинги, и туда с ангольскими войсками за реку Ломбу ходил военный инженер, подполковник **Николай Иванович Калинин**. Надо его спросить об этих операциях.

– **У кубинцев все время под Куито-Куанавале командовал бригадный генерал Очоа⁴³?**

– Да. У нас там был «**Провинциал**» (начальник провинции) Менонге, из старой гвардии. Когда закончилась моя командировка, он меня пригласил к себе, подарил местный музыкальный инструмент – барабан.

– **Что вы делали по возвращении из командировки?**

– Я вернулся в Москву в марте 1989 г., через три года службы в Анголе и сразу стал оформляться на увольнение в

⁴³ Герой войны в Эфиопии (Огаден, 1978) и в Анголе (1987–1988) кубинский бригадный генерал **Очоа (Орландо Очоа Санчес)**, прекрасно проявивший себя в сражении при Куито-Куанавале, по возвращении на Кубу в 1989 г. был приговорен к расстрелу – формально за участие в наркоторговле (*прим. ред.-сост.*).

запас. Мне, правда, предлагали должность гражданского специалиста – помощника начальника разведки. Начальник разведки упрасивал, давай, поработай еще. Но мне все надоело, и я решил поехать в деревню, откуда мать родом, в Рязанскую область, Рязский район. Мы там с женой такую бурную деятельность развели! Сначала купили одного поросенка. Потом у нас уже их пять было. Купили дом. Взяли теленка. Однако от крупного рогатого скота отказались и стали овец разводить. Два десятка было. 200 голов всякой птицы – гусей, кур, индуюток. Местечко у меня хорошее, луг перед домом, рядом леса чудесные.

Я числился в Москве, но жил в деревне, приезжал в Москву только пенсию получать. 11 лет так жил.

А в 2001 г. вернулся в Москву. Дети мои сказали, хватит дурака валять, давай, возвращайся (*смеется*). Пришлось возвращаться. Все распродал, только дом там остался.

Сейчас постоянно гуляю по Измайловскому парку. А в деревню уже не езжу, хотя первый год по возвращении еще ездил.

Двум внукам по 15 лет. Дочь с внуком живут на Новорижском шоссе, у них особнячок в Архангельском, возле базы ЦСКА. Сын с внуком со мной живут.

Дополнительные сведения о полковнике В.А. Митяеве:

315 прыжков с парашютом, из них 8 – с аэростата, остальные с самолетов **Ли-2, Ил-12, Ту-4, Ан-2, Ан-8, Ан-12, Ил-76**.

Государственные награды: Ордена «Красной звезды» и «За службу Родине III степени», юбилейные советские и российские медали. Кубинская медаль: «За оборону Куито-Куанавале». Общественная награда от академии проблем безопасности обороны и правопорядка: Орден «Святого князя Александра Невского II степени» (награждение состоялось в ноябре 2007 г. в связи с 70-летием со дня рождения).

ВОСПОМИНАНИЯ Алексеевского Анатолия Эдуардовича¹, старшего лейтенанта запаса²

В 1986 году курсантом ускоренных курсов португальского языка Института военных переводчиков³, в звании младшего лейтенанта я был направлен, как тогда говорили, на двухгодичную стажировку в Анголу.

Из Луанды нас сразу направили в 3-й военный округ на юго-восток страны. Территориально это в районе таких городов, как Казумбо, Луэна, Лукуси, Сауримо и реки Лунгебунге. Хотя город Сауримо – это 10-й военный округ, у нас там был передовой командный пункт (ПКП).

– **Первый день Вашего участия в войне?**

– Сейчас, честно говоря, и не определюсь, какой первый день участия в войне. Служил в 3-й пехотной бригаде год и три месяца с июля 1986 г. по сентябрь 1987 г. Потом съездил в отпуск, по возвращении попал уже в 143-ю бригаду в том же самом 3-м военном округе. Эта была бригада ПВО, которая обеспечивала охрану не только города Луэна в 3-м военном округе, но и осуществляла прикрытие ПВО действующим бригадам.

– **3-я пехотная бригада считалась механизированной бригадой?**

– 3-я бригада считалась пехотной, хотя у нас были танки. Вооружение 3-й бригады – **БТР-60ПБ** и танки **Т-55**.

Сначала, конечно, по возрасту я не воспринимал, как сейчас осознаю, что происходило там в действительности. Тогда мне

¹ Алексеевский Анатолий Эдуардович родился в 1968 г. Окончил Минское суворовское училище. В 1992 г. окончил Военный институт иностранных языков (ВИИЯ).

² Запись произведена 12 июня 2004 г. **Г.В. Шубинным**.

³ ВИИЯ, в настоящее время ВУМО (*прим. ред.*).

было всего 19 лет. Сейчас, когда начинаешь вспоминать, даешь более объективную оценку своим действиям и действиям других. В конце концов, понимаешь, что война на самом деле – это жестокая вещь, потому что пришлось увидеть, то, что не увидишь и чему не научишься в мирной жизни.

Конечно, было трудно. В каком плане? Что касается языкового барьера, то он был преодолен практически всеми ребятами в первые два месяца. С этим трудностей не возникало.

Трудности возникали на уровне быта военнослужащих и, собственно, самих боевых действий. Человеку после обычной гражданской цивилизованной жизни, перейти сразу в состояние войны достаточно сложно. Вообще говоря, нас специально готовили, но как военных переводчиков, а не к тому, что придется в нужный момент надеть на себя автомат и действительно стрелять, убивать кого-то.

– Проходили только минимальный курс общей военной подготовки?

– Если можно сказать, так. Конечно, мы понимали, что нам придется это делать, но не осознавали, что придется реально с этим столкнуться.

Я попытаюсь сейчас кратко рассказать о моих впечатлениях. Многому приходилось учиться на месте. Находясь в бригаде, рядом с нашими старшими советниками, а также переводчиками, которые там уже были, я перенимал опыт. Старался изучить все, что было нужно для выживания в тех условиях. Это личная сторона вопроса. Что касается операций, в которых мы принимали участие, то мы понимали, что на самом деле идет война. Что с одной стороны выступают войска правительства, а с другой – так называемые войска оппозиционеров. Проще – бандитов. У каждого свои задачи и, тем не менее, была какая-то вера именно в то время, что мы делаем нужное дело. Во всех действиях военных советников я не слышал в то время вопросов: «А зачем мы здесь? Почему мы здесь воюем?» Наверное, были так научены: приказали – значит нужно делать.

Находясь, например, в 3-м военном округе мне приходилось работать не только в бригадах, но с советниками самого округа, т.к. была нехватка переводчиков. Приходилось работать иногда в нескольких бригадах, ездить на совещания в округе, непосредственно работать с командующим округа и с главным военным советником округа, иногда работать в госпиталях, на складах.

Соответственно, сталкивался с нашими людьми везде. Поэтому со временем в Анголе я получил ощущение того, что переводчик там очень нужный человек. Особенно в плане обеспечения. Переводчик фактически становился заместителем по тылу. А во время ведения боевых действий уровень выживаемости советника в бригаде напрямую зависел от качества перевода и от того, как переводчик мог справиться со своими обязанностями.

Например, в наши обязанности входило не только непосредственно переводить команды, но и налаживать связь. Развертывал так называемую антенну радиостанции английского производства типа **Рокал**, которая у нас была.

Была радиостанция **Р-143**. Шифровали тексты сообщений, расшифровывали их. Иногда занимались тем, что садились на волну и пытались найти переговоры **унитовцев**.

Были всякие случаи. Пару раз даже приходилось расшифровывать радиограммы **УНИТА**, причем достаточно успешно, потому что существовали аналоги расшифровки их у самих ангольцев (**фапловцев**).

– **У них были шифротаблицы УНИТА?**

– Да. Разведка работала.

– **А нас УНИТА расшифровывала?**

– Естественно. Свидетельством тому был один случай, когда мы были в районе Касамбы, если не ошибаюсь.

– **Когда это было?**

– Где-то в августе 1987 г. По тетради радиограмм можно датировать более точно. При передвижении нашей 3-й бригады с одной позиции на другую я передавал (закодированным текстом) радиограмму в округ о местонахождении бригады. С

ангольской стороны тоже отправляли закодированные радиogramмы о своих координатах, т.е. происходил практически дублиаж. Наши военные советники, зная, что происходит дублиаж и утечка информации, всегда давали наши координаты с определенным зазором. То есть давали не точные координаты, а на 5–7 км южнее, восточнее, или западнее.

И вот в августе 1987 г., когда мы были в движении (а бригада в движении очень уязвима – есть только боковое охранение, никаких окопов), был налет со стороны юаровской авиации. Бомбометание было произведено, именно по тем координатам, которые были переданы. Это произошло буквально через 4 часа после передачи радиogramмы.

– **Какие самолеты бомбили?**

– **Миражи-2000**⁴.

– **Не Чита?**⁵

– Мы не могли определить конкретно тип этого самолета, не имея ни одного сбитого.

И после того, как они отбомбились, ушли, мы сделали запрос в округ: «Кто и по каким каналам получал эти радиogramмы? Как вообще эта информация распространялась?» Произошло совершенно очевидное: мы дали координаты – через 4 часа вылетели юаровцы и начали бомбить на бреющем по пустой площадке. Они бомбили именно по тому району, который мы указали в радиogramме, т.е. по ложным координатам.

Мы находились в это время совершенно в другом месте, в 5–6 км от места бомбежки, и при этом самолеты пролетали

⁴ Возможно, имелись в виду истребители **Чита**, в небольших масштабах использовавшиеся ВВС ЮАР во время войны в Анголе. Но, скорее всего, речь идет об истребителе **Мираж F1** (*прим. ред.-сост.*).

⁵ **Чита (Cheetah – Гепард)** – южноафриканская улучшенная копия израильского истребителя **Кфир (Львенок)** (*прим. ред.-сост.*).

довольно-таки низко над землей. Пролетая, они нас не заметили, потому что скорости были большие.

Мы знали, что идет утечка информации. И у нас была договоренность с **фапловцами**, которые дублируя радиограммы, тоже давали неточные сведения.

– **Какие еще были интересные моменты?**

– Можно сказать, что все операции были интересными моментами. Потому, что там было много нюансов. Например, что боевого духа со стороны ангольцев, честно говоря, не было. В основном, там были ребята, которые были набраны, что называется «от сохи», или способом облавы. Желających служить в армии особо не было.

– **Дезертирство большое было?**

– Дезертирства как такового не было. Была такая интересная тенденция: человек, подорвавшийся на противопехотной mine, или получивший какое-либо легкое ранение, был доволен тем, что его скоро отправят в округ и, в конце концов, он не будет воевать. Вот так обстояло дело.

Люди хотели уйти из бригады, но законным способом. А так, чтобы убежать – это было практически невозможно. И они это знали. В лес нельзя было – там они могли встретиться с теми же **унитовцами** и пришлось бы воевать тогда уже за них. Или одно, или другое. Тем более, что расстояния там довольно-таки приличные. Когда мы уходили из Лукуси, а мы шли до Касамбы и Каньямбы, расстояние было 100–120 км. А пройти пешком по саванне 100–120 км трудно.

Мы шли кое-где по дорогам, а кое-где по саванне. Когда знали, что нет мин – шли по дороге. Где сомневались, или не было возможности проверить дороги, шли по саванне.

– **Колонна состояла из танков, БТРов и Энжез?**

– Нет, у нас были в основном **Уралы, Унимоги** (бразильского производства).

– **Унимоги?**

– **Унимог** – это бразильская разновидность **Мерседеса**. Грузовик открытого типа, чем-то напоминающий грузовик

ИФА производства Германской Демократической Республики (ГДР). Были в колонне, кроме того, **Ифы** и **КраЗы**.

– **А ГАЗ-66?**

– Немного их было.

– **УАЗ – буханка (УАЗ-452) и УАЗ – внедорожник (УАЗ-469)?**

– Нет, **УАЗов** не было. У нас был чисто грузовой транспорт.

Потом были **МТЛБ** – это **Стрела-10** на базе **МТЛБ**, **Т-55** и **БТР-60ПБ**. Но **БТРы** были непосредственно для нас, для советников. Потом у комбрига был свой **БТР**.

– **БРДМ-2?**

– **БРДМ-2** в составе нашей бригады не было. И, соответственно, сами бойцы пешие.

Вообще, бригада была тяжелой по вооружению, потому, что были минометы 82 мм, были 4 миномета калибра 120 мм. Это уже нормально. Для прикрытия с воздуха были **Шилки** и **Зеушки (Зушки) (ЗУ-23-2)**. И одно время была одна система залпового огня **БМка (БМ-21)**. Но потом мы с ней распрощались, пришлось ее оставить после ряда операций. Не было возможности ее вывезти.

– **Бросили ее без реактивных снарядов?**

– Нет, сделали хитрее. Головки снарядов активировали и подорвали.

– **А почему не было возможности ее вывезти?**

– Мы выходили из окружения, и у нас был лимит техники, которую мы могли взять с собой. Обязателен был вывод танков – при любом раскладе, т.к. было ограниченное количество топлива. Мы рассчитали так: сначала идут танки, потом выводим **Стрелы-10** для прикрытия с воздуха против **Миражей**. **БТРы** тоже уходили. Там оставалось порядка пяти **Уралов**, пары **ИФА** и пары **Унимог**. Это вся техника, в которую мы могли залить топливо, и на ней мы выходили из окружения. На нее грузили снаряды, провизию и все необходимое. А, в основном, вся бригада шла пешком.

– **Как попали в это окружение?**

– Вообще говоря, вышли в заданный район. Это было приблизительно в мае 1987 г., если не раньше. Бригада стала в оборону, южнее реки Унгебунге на 100–120 км. Судя по всему, у командования округа были планы, чтобы мы отвлекли на себя часть **унитовских** батальонов. Точно такую же задачу выполняла и 39-я бригада, которая ушла восточнее нас, но приблизительно в таком же отдалении от Лукуси, как и мы. Но мы были гораздо мощнее вооружены, поэтому и смогли, в конечном итоге, сами выйти из окружения.

Боевые действия происходили в таком порядке: в открытую они не пытались напасть на нас, в основном использовали засады или реактивную артиллерию. У них была **Валькири** – копия **БМ-21**.

Они часто обстреливали нас из **Валькири**, и по определенным каналам связи шло сообщение, что обстреливали нас из расположения **УНИТА** именно юаровцы.

– **БМ-21**?

– Нет, с **БМ-21** нас **УНИТА** не обстреливала. Хотя нет – один раз было. Дело в том, что когда мы сидели в этом окружении, к нам на помощь шла одна колонна, составе которой была **БМ-21**. Видимо, захватив эту колонну, и, соответственно, **БМ-21** и часть боеприпасов для нее, они один раз по нам сделали залп. А когда боеприпасы закончились, ее бросили.

Наша бригада, провела определенное время в обороне Касамбы, где мы находились, не получая ни продуктов питания, ни вооружения, ни боеприпасов, ни топлива. Топливо и продовольствие были на исходе, появились заболевания желтухи. Были три попытки выслать нам вертолеты **Ми-8**. Два раза они не долетели, потому, что были обстреляны, а в третий раз вертолет был сбит. Летчиками были ангольцы. Не наши ребята и не кубинцы, поэтому вертолеты и не долетали.

В конце концов, мы подошли к такому моменту, что нужно было выходить из окружения. Решение было принято высшим ангольским начальством.

Мы собрали остатки топлива, продовольствия, боеприпасов и погрузили в транспорт, который решили с собой забрать. А оставшуюся технику оставили на местности, но так, чтобы ее нельзя было использовать. Просто брали молот, мотыгу, кирки, лопаты и разбивали ими моторы, картеры двигателя, карбюраторы. Грузовики после этого восстановлению не подлежали. Покрышки, естественно, резали. После этого машины могли быть восстановлены только **фапловцами** в мастерской.

У нас был достаточно большой запас именно боеприпасов, но все-таки пришлось его уничтожить. В основном – снаряды к танкам, **БМП**, **БМ-21**, патроны. Все это подорвали, активировав снаряды у **БМ-21**. Они начали подрываться, а за ними танковые снаряды и все остальное.

Потом мы отошли на 100 км, к Лукуси, где был **ПКП** (передовой командный пункт) округа. Там бригада получила пополнение, освежилась.

Мы шли к Лукуси порядка недели. Продвигались не очень быстро. Проверяли – нет ли минных полей и все остальное.

Кстати, на обратном пути нам и досталось больше всего. Были нападения со стороны батальона **УНИТА**, который контролировал наш отход. Они видели, что техники и всего остального осталось мало, и понимали, что бригада идет из окружения. Нападали уже не только ночью, но и днем. И пару боев у нас были достаточно тяжелых, вплоть до того, что было смято наше боковое охранение. **Унитовцы** вышли чуть ли не на нашу линию, нам самим пришлось отстреливаться из автоматов. При этом окопов, естественно, не было, потому что бригада находилась в движении.

– **А трупы потом унитовцы унесли?**

– Нет. С их стороны трупы остались на местности, потому что в бой с нашей стороны пошли танки. Сначала танки не открывали огня, потому что ими командовал комбриг, а комбриг не давал такого приказа. А наш старший военный советник принял решение, что пора уже применить танки и бить прямой наводкой из пушек и пулеметов.

Расстояние было всего несколько сотен метров. На этом расстоянии **унитовцы** вели огонь из стрелкового оружия.

– **На каком расстоянии велся бой?**

– Порядка 500 м, местами может даже где-то и 400 м.

– **А снайперы не использовались?**

– Во-первых, у нас не было снайперских винтовок типа **СВД**. А во-вторых, у нас в бригаде не было снайперов.

А со стороны **УНИТА**, по количеству наших потерь, я бы сказал так: мы не поняли – есть ли у них снайперы или нет.

В основном, у нас в бригаде были потери от минометов, стрелкового оружия **Г-3**, от наших же **Калашниковых**, которые использовали **унитовцы**.

В конце концов, мы отразили эти атаки и вышли к Лукуси. Это уже было в августе 1987 г.

И в это время поступает распоряжение из округа, что мы должны идти на юго-восток и вытягивать из окружения 39-ю бригаду, которая выполняла точно такую же задачу: отвлекала **УНИТА**.

Насколько я понял, командование не планировало осуществление в этом районе непосредственно наступательных операций. Мы просто делали отвлекающий маневр.

Мы были выставлены на достаточно большом расстоянии, порядка 100 км от **ПКП**, и притягивали к себе (обе наши бригады) 10–12 батальонов **УНИТА**. На каждую бригаду получалось по 4–6 батальонов противника. Каждый батальон **УНИТА** состоял от 400 до 600 человек.

Наша бригада была достаточно большая – порядка 1200–1500 человек. Но когда мы вышли из окружения, осталось только около 800 человек. Более точно можно проверить по тетради радиограмм.

Как раз в это время намечалось наступление **ФАПЛА** в районе Куито-Куанавале. Свой отвлекающий маневр мы сделали заранее, и **унитовцы** получили предупреждение, что на этом направлении может быть развито наступление. Мы просто вклинились в район, который они контролировали, притянули к

себе до 10–12 батальонов и тем самым сковали на месте, лишив их возможности перебросить войска к Куито-Куанавале.

Когда мы пошли освобождать из окружения 39-ю бригаду, по дороге произошло порядка четырех стычек с **УНИТА**. Они, правда, достаточно быстро сориентировались и подтянули приличное количество техники и людей, поэтому пару боев были очень жаркими.

– **Технику какую использовали?**

– Они подтянули реактивную артиллерию **БМ-21** и **Валькири**. Плюс ко всему были вылеты **Миражей** со стороны юаровцев, довольно-таки частые. Но на этом направлении у нас уже была возможность вызвать кубинцев. Я имею в виду именно самолеты-истребители **МиГ-21**. **МиГ-23** в нашем округе не было.

Кубинские **МиГ-21** действовали успешно, юаровские **Миражи** удирали от них всюю! Мы вызвали кубинские истребители пару раз, и по тому, что происходило в небе, было понятно, что это кубинцы – кубаши. Они такие вещи творили в небе! Один раз, когда кубинцы столкнулись с **Миражами**, у них чуть ли не воздушный бой завязался, но юаровцы просто ушли от этого боя, сбежали. Они видели по полету, что это не ангольцы. Кубинцы особенно не настаивали на продолжении боя и благополучно вернулись на свою базу. Но сам факт, что они могли нам сделать прикрытие с воздуха, помимо того, что мы отстреливались от южноафриканских **Миражей** с земли, очень нам помог.

Кстати, нами была сделана пара удачных пусков **Стрелы-10**. Один юаровский самолет мы сбили, а другой подбили, но он ушел. Было видно, что его подбили, потому что за ним тянулся черный шлейф.

Когда мы подошли к 39-й бригаде, у них было достаточно плачевное состояние, они были полностью окружены. Мы через это кольцо прорвались, подошли к ним, привезли им топливо.

Топливо везли, в основном, на **Уралах** и **ИФАх**. На **Унимогах** перевозили продукты, потому что это слабые ма-

шины. Бочки с бензином и снаряды в ящиках на **Уралах** или **КрАЗах**. Что касается **КАМАЗов**, то их у нас не было.

Уралы были с (дизельными) **камазовскими** движками (**Урал-4320**), но были **Уралы** и со своими родными (бензиновыми) движками (**Урал-375**).

После того, как мы пришли в 39-ю бригаду, стали вместе в оборону в том же самом месте, перегруппировались, создали объединенное командование. Соответственно, наш комбриг стал главным командиром этих двух бригад. Мы построились и начали пробиваться обратно.

На выходе нас снова попытались атаковать, но ничего не получилось, потому что, перегруппировавшись, мы стали мощной группировкой и били в ответ (по **унитовцам**), не задумываясь о снарядах. Били и танки (пушки калибра 100 мм), и **БТРы** (пулеметы **КПВТ** калибра 14,5 мм). В общем, все работало. Мы не считали количество патронов и снарядов, потому что знали, что возвращаемся, и на обратную дорогу хватит того, что у нас имеется.

Успешно откинули порядка трех батальонов **УНИТА** спереди, с нашей стороны было около четырех батальонов и с другой стороны – нас окружили около пяти батальонов.

Потом, уже ближе к Лукуси, не доходя порядка 40 км, была предпринята еще одна атака со стороны **УНИТА**, но там, по моему, было всего два батальона **УНИТА**. Это был ничего не значащий бой, лишь перестрелка.

Когда мы с 39-й бригадой пришли на Лукуси, и прибыла наша замена, я поехал в свой первый отпуск.

Летели домой на **Ту-154** через Софию. Там происходила дозаправка, потом напрямиком на Москву.

После отпуска, я попал в 143-ю бригаду ПВО. Там мне удалось поработать около 4-х месяцев.

– **Из чего состояло ПВО?**

– Были зенитные пушки, **Шилки**, **Стрела-10** (на шасси **МТЛБ**) – четыре штуки, которые прикрывали все расположение бригады и **КМЛТБ** (станции слежения) на базе нашего

Газ-66, с будкой и развернутым локатором. Хотя каждая **Стрела-10** имела свой локатор, был еще и центральный локатор на **КМЛТБ**, и все они были связаны в одну сеть. Центральный радар был более мощный, и через него происходило управление. Так же бригада была частично укомплектована пехотой для охраны.

Задачей 143-й бригады было охранять воздушное пространство. Она стояла непосредственно в Луэне, когда я там был. Потом, после того как я ушел из этой бригады, она была переведена на юг округа и делала прикрытие воюющих бригад.

После 143-й бригады я попал в учебный центр по подготовке сержантов-пехотинцев, в Уамбо. Там служил четыре месяца. Потом опять вернулся в 3-й округ, но уже в роли переводчика всего 3-го военного округа. При округе нас было три переводчика: старший переводчик – капитан и два лейтенанта. К тому времени я уже получил звание лейтенанта.

У нас был опыт, и мы работали уже не на уровне бригады, а на уровне округа.

Пока работал в округе, успел слетать на **Ан-26** в Казомбу, один из самых восточных городов Анголы. Там стояла, я уже сейчас не помню, кажется, 45-я бригада. Мы организовывали ее оборону, налаживали средства ПВО и, вообще, ее боевые порядки. Помогали правильно расставить боевые порядки в обороне подсоветной стороны.

В 3-м округе я работал до конца. Были различного рода командировки: в Сауримо, в Луанду. Ездил с разными советниками по различным вопросам, на уровне полковников, подполковников, то есть с начальниками для подсоветной стороны. Например, с начальниками службы **ГСМ** (горюче-смазочных материалов), службы обеспечения, медицинской службы. Совещания за совещанием. Практически каждый день совещание – по обстановке в нашем округе, в других округах, на фронте в целом.

– **Записи остались?**

– Есть одна запись. О тех событиях, когда мы шли в Касамбу, о первом заходе, до того как мы попали в окружение. Когда мы туда шли, я пытался вести дневник, но он получился небольшим по объему.

– **УНИТА** ездил, в основном, на захваченных наших грузовиках?

– Нет, я бы не сказал. Наши ребята, которые ремонтировали технику, специалисты по бронетехнике или автотехнике, говорили, что по звуку (а в той местности можно было услышать звук мотора на расстоянии 5–6 км, т.к. не было других источников звука) **унитовцы** ездят на своей технике, звук мотора не наш. Наши автомобили так не урчат.

Если происходил обстрел реактивными снарядами, то мы предполагали, что это были либо сами юаровцы, либо **УНИТА**, т.к. техника у них была тоже юаровская.

Сначала они делали пристрелку из минометов. Минометами они стреляли по 3–4 мины, не больше. А потом уже начинала реактивная установка **Валькири**. Они выпускали полностью весь заряд, мы считали разрывы. Иногда выпускали по 3–4 пакета, то есть полную зарядку и по 3–4 раза.

– **Минометами 60 мм, 81 мм или 82 мм?**

– В основном 82-миллиметровыми. Они не подходили к бригаде ближе, чем на 5–6 км, поэтому 60-миллиметровый просто бы не добил. Они ближе боялись подходить и били издалека.

– **А в ответ чем били? Танками?**

– Мы могли, но берегли боеприпасы, и лишний раз старались не фигурировать (тем более бить в ответ по площадям). Это раз.

А во-вторых, честно говоря, мы много в ответ не стреляли. Не считали это такой большой необходимостью лишь потому, что по нам бьет не подразделение, а просто какая-то группа. То есть приехала группа на машине, которой известны наши координаты, и у которой задача: обстрелять и уйти.

У нас не стояло задачи вступать с ними в бой. Единственное, что мы делали – часто высылали на предупреждение разведдозоры. Разведгруппы по 10–15 человек.

– **Чем вооружены были разведгруппы ФАПЛА?**

– Автоматы, пулемет, были и минометы, гранатометы с собой обязательно. Один гранатометчик в составе группы всегда был. Но минометчик в составе группы был не всегда. Переносной, облегченный вариант трофейного миномета 60 мм, захваченный ранее у **унитовцев**. У нас были боеприпасы к нему, поэтому им и пользовались.

– **Унитовцы были вооружены нашим же оружием?**

– В основном, да. **АК-47**, **АКМ**, ручные пулеметы, в том числе, и китайского производства. Но существовали и образцы американского вооружения. **G-3** – швейцарская винтовка (под патрон НАТО 7,62 × 51 мм). По-моему, у них были эти винтовки швейцарского производства⁶.

– **То есть старое ненужное оружие европейские страны сбрасывали УНИТА?**

– Да.

– **А FN FAL, она же R1 того же калибра, тоже попадалась среди захваченного у УНИТА оружия?**

– Это тоже было.

– **А ручные пулеметы зарубежного производства попадались или только штурмовые винтовки и автоматы?**

– Нет, только автоматы и штурмовые винтовки.

– **Маузеровские винтовки калибра 7,92 мм попадались?**

– Нет, но пистолетами типа **Маузер** мы сами пользовались. У меня был такой автоматический пистолет. Впрочем, затрудняюсь сказать о винтовках. После боев приносили различные наборы трофейного вооружения, а какие, сейчас уже, честно говоря, не помню. Но один раз попался и автомат **ППШ-41**. Было дело.

⁶ Швейцария не выпускала штурмовые винтовки **G-3** (прим. В.А. Сагачко).

Со стороны УНИТА оружие попадалось и китайского, и югославского производства типа АК-47 и АКМ.

– **Что-нибудь смешное помните?**

– Был такой случай как-то на реке Унгебунге. Пошли, зная, что там есть крокодилы, подстрелить крокодила.

– **Его трудно подстрелить?**

– Не знаю. Но сами ангольцы говорят, что можно – в бок, в брюхо или в глаз. В общем, что-то в этом роде. А так его вроде бы пробить из АКМ нельзя.

А я надеялся, что именно из нашего автомата и пробью его (крокодила) панцирь.

Подошли к реке, а ширина в том месте была метров 15–20, т.е. не очень большая. И я вижу, что с другой стороны в тени деревьев что-то похожее на крокодила. Снимаю с плеча автомат, даю очередь. Он падает в воду. Всплывает. Мне даже понравилось, что я по нему попал, что убил. Его по течению начало сносить. Естественно, на речку я пришел не один, с ангольцами. Их я послал, чтобы они выловили тушу этого крокодила.

– **Ангольцы не боялись крокодила?**

– Боялись, но они видели, что он перевернулся кверху лапами. Поэтому особого испуга не было. Принесли его мне. Оказалось, что это не крокодил, а варан.

– **Он несъедобный?**

– Слушайте дальше, это интересно. Я думаю, что с ним делать? Выкидывать? Варан мне не нужен. Спрашиваю: «Что с ним можно делать?» «Его можно есть», – говорят ангольцы. Я говорю: «Вы будет есть». Они (ангольцы): «Не-а». Я: «Ну, несите тогда комбригу. Ему понравится такой подарок».

На следующий день встречаю комбрига и спрашиваю: «Ну как, вкусно было?» – «Что вкусно было?» Я говорю: «Как что? Мясо!» Он: «Какое мясо?» – «Я же тебе вчера варана послал». – «С кем посылал? Когда?»

А они, оказывается, не донесли ему, сами съели! Не знаю, как они его приготовили – зажарили или так просто съели, но забавен сам факт. Потом комбриг мне говорит: «В

следующий раз, когда подстрелишь все, что движется, неси мне сам!»

Комбриг мне показывал, как можно есть кузнечиков, больших как саранча, гусениц с ладонь величиной. Все это жарится с маслом на сковороде. Чистый белок.

Я не говорю, что у меня при этом были симптомы рвоты и еще что-нибудь, но было немного не по себе. Скажем так, неприятно. Попробовать я отказался. Вот такой казус был.

Еще был случай интересный: поехали мы как-то под Луэну на реку за водой, т.к. в городе водопроводы не работали. Воду мы набирали в бочки и потом привозили. А реки там достаточно чистые, потому что нет ни заводов, ни химических предприятий, ни отбросов.

Бочки использовали обычные топливные, 200-литровые. В них возили не только воду, но и дизельное, и авиационное топливо.

Поехали мы за водой. И, конечно, использовали этот случай, чтобы постираться, помыться. Выехали мы туда около 17 часов вечера. Обратное собрались ехать уже в 19–20 часов. В тот период ночь наступала довольно-таки рано, в 18–19 часов уже темнело. Я поехал на **БТР-60ПБ**, и на одном **Урале-4320**, полностью загруженном бочками для воды, с нами была охрана и 12 ангольцев, которые тоже выразили желание постираться.

На **БТРе** со мной были еще четыре человека из нашей миссии, а за рулем **БТРа** – анголец, но уже проверенный мною, хороший водитель. И вот когда он сливал воду из радиатора (а у **БТРа** два движка стоит: на одну часть колес и на другую), то забыл залить в один из двигателей воду.

От реки был большой подъем, около 3 км в длину. Машина должна была вверх подниматься, по достаточно большому наклону. Где-то посредине этого подъема у **БТРа** начинает закипать движок, и второй двигатель тоже быстро нагревается. Я вижу, что **БТР** сейчас заглохнет. Одна часть отключилась – движок сгорел, и мы шли только на одном движке еле-еле и

чувствовали, что сейчас и второй движок накроется. Я кричу водителю: «Стоп! Стой машина». Что делать? Уже и ночь надвигается. Мы только вчетвером, а до города еще около 12 км, можно нарваться на разведгруппу **УНИТА**, на что хочешь! Мы вышли за район, контролируемый охраной города. Но я знаю, что сзади еще машина – **Урал**. Ну, думаю, нужно брать ситуацию в свои руки. И только этот **Урал** нам поможет – на сцепку тросом сможет нас вытянуть, то есть одним двигателем будет толкаться наш **БТР**, а **Урал** с **Камазовским** движком включит пониженную передачу. С первой на вторую тронется и потихонечку вытянет нас, хотя и сам загруженный. Но, в принципе, **Урал** – машина сильная.

Начало смеркаться. Вижу, они едут вслед за нами. Я сел на башню **БТРа**, взял автомат на всякий случай, положил на колени. Мой шофер кричит **Уралу**: «Стой!» А **Урал** нам практически не подчинялся, на нем были люди из разных бригад. И в кузове около 20 бочек стояло.

И вот **Урал** поднимается в гору, мы им машем: «Остановитесь!», а они не останавливаются. Я вижу, что **Урал** приближается к **БТРу**, но скорость не снижает. Я передергиваю затвор автомата, и пускаю очередь в воздух. Другого выхода не было, иначе он бы меня обошел по дороге и уехал.

– **Весь рожок расстрелял?**

– Нет, выпустил, наверное, патронов десять – тремя короткими очередями. Очередь в воздух, а потом направляю автомат на их водителя. Естественно, они остановились! Но он так резко затормозил, что люди вместе с бочками из машины вылетели! Как они летели с бочками – осталось у меня на всю жизнь.

– **Никто не побился?**

– Один анголец получил серьезный перелом руки – на него одна полная 200-литровая бочка упала. Но у меня тоже не было выбора. Радиостанции в тот момент у меня на **БТРе** не было, дать сообщение в округ я не мог.

Они остановились. Мой шофер влетает в кабину **Урала**, вытягивает водителя, выкидывает его на дорогу. Я тоже подбегаю туда, кричу: «Все с машины!» Все, кто не упал при торможении, слезли, соскочили. Я спрашиваю: «Трос есть на **БТРе?**» Есть. Мой водитель заезжает вперед, цепляем **БТР**. Я веду **БТР**, мой шофер – **Урал**. Но сначала погрузили обратно бочки с водой. Вода в городе нужна, деваться было некуда. А ангольцы уже пошли пешком. Я решил, что надо облегчить работу и **Уралу**, и **БТРу**, хотя все равно был риск. Нагрузка для **Урала** нормальная, но тянуть еще **БТР**! Хорошо, что **Урал** все-таки на колесах, был шанс, что мы поднимемся, поскольку дорога была асфальтовая.

Выехали мы на гору, подождали, когда остальные подойдут, сели и поехали, все в той же самой сцепке. Я подумал, что не буду отцеплять на всякий случай **Урал**, потому что наш оставшийся движок (без сцепки) мог перегореть.

Подъезжаем к Луэне, уже стемнело. А нам навстречу какая-то колонна идет. До города еще 5 км, а я не могу понять: наши – не наши? Они идут без огней. И мы тоже, естественно, идем без огней. Я приказал огни не зажигать, чтобы не привлекать внимание. И вот когда мы совсем приблизились, из переклички узнали, что свои. Оказалось, что в этой колонне ехал старший советник округа и мой старший – они ехали на выручку. Они уже поняли, что что-то произошло. Их колонна состояла из трех **БТРов** и одного **Урала**.

Я обрадовался, что они на выручку пришли. Правда, первым делом, что сделал главный военный советник, так это подошел – и врезал мне по морде. В плане: «Зачем поехал? Зачем взял **БТР**? Хватило бы **Урала!**» Тем не менее, для опыта это было полезно.

Было еще много интересных моментов. Вот, например, когда я должен был лететь из Казумбо в Луэну. Опять же мы там долго задержались, и нас с советником ПВО вызвали для сдачи конспектов по марксистко-ленинской философии. Но конспекты не были готовы, и, соответственно, отчитаться нашему

замполиту округа мы не могли. И мы нашли тысячу причин, по которым мы не смогли вылететь из Казумбо. А на самом деле причина была тривиальная. У нас стояли две канистры по 40 л с брагой. И эту брагу нужно было перегнать в самогон. Это, как потом оказалось, был совсем не смешной случай.

– **Каким образом?**

– У нас был самогонный аппарат. Наш русский народ везде может сделать самогонный аппарат из подручных средств. Нужно только подождать соответствующее время, и самогон готов.

Буквально через час после вылета самолета (Ан-26), на котором мы должны были лететь, нам поступает радиограмма, что его сбили. Можно сказать, что желание приготовить самогонку и нежелание сдавать конспекты спасли нам жизнь!

Экипаж самолета был ангольский. Единственное, жалко, что на его борту был кубинский советник, который прилетел с нами в Казумбо. Все разбились.

Мы выслали разведгруппу из Казумбо. Они нашли останки самолета и с места падения принесли оторванную руку с погоном этого кубинского советника.

– **Кубинец был белый?**

– Он был мулат.

После этого был сделан запрос по нашей линии из округа: «Были ли русские на борту?» А мы радируем: «Были. Они полетели конспекты сдавать (по марксистко-ленинской философии)». Прямым текстом: «Из-за вас могли бы и не быть уже, могли уже не существовать на этой земле».

Когда мы, в конце концов, прилетели в Луэну, приехало полмиссии нас встречать. Меня так растрогали наши женщины из миссии: «**Толик**, ты живой!» У меня самого чуть слезы не навернулись. По какой-то ведь глупости остались в живых!

– **И сколько времени пили эту самогонку?**

– Мы пили ее в Казумбо на протяжении двух недель, а после того как привезли ее в миссию – в округе ее пили где-то месяц.

– **А градус?**

– Ну, первач, он как всегда, градусов 70 получился. Мы дедали его на сгущенном молоке.

– **Разбавляли?**

– Нет. Там было все, как полагается: нормальная дегустация. Народ соскучился по нормальной самогонке, тем более, что в Анголе водка, привезенная из России, была большим дефицитом. Самогонка считалась шикарным подарком.

Другие делали самогонку на рисе, а у нас было много сгущенки от **ФАПЛА**. Сгущенка была в трехлитровых банках – португальского и французского производства. Очень жидкая сгущенка и слабая по сравнению с нашей.

– **Награды?**

– Один раз я был представлен к ордену «Красной Звезды» и три раза к медали «За боевые заслуги». Но представления так и не прошли через Луанду, через генерала **Гусева**. Младший лейтенант **Алексеевский** оказался не достоин наград.

В дополнение могу сказать, что родом я из Белоруссии из маленького городка Молодечно, под Минском. Там, где учился певец и музыкант **Юрий Антонов**. Он из нашего города. Кстати, он был сплошным двоечником.

– **Я не уверен, что через 100 лет кто-нибудь вспомнит, кто такой был Юрий Антонов.**

– Ну, тем не менее, сейчас народ его пока знает. Слушают, считают метром отечественной эстрады. Мы выросли на его песнях. Поэтому кое-что все-таки роднит нас с **Юрием Антоновым**.

– **Что делали после возвращения из Анголы?**

– Закончил ВИИЯ в 1992 г., а потом сразу уволился из Вооруженных сил. Сейчас работаю в частной фирме.

– **Где живете?**

– Постоянно проживаю в Белоруссии.

– **Воинское звание?**

– Старший лейтенант запаса.

ВОСПОМИНАНИЯ

Стрельцова Дмитрия Анатольевича, капитана запаса¹

Я поступал в Военный Краснознаменный Институт² четыре раза, из них два раза успешно.

После окончания школы в 1981 г. попытка поступить в Военный институт успехом не увенчалась. В 1982 г. я поступил и начал учить китайский язык, но с китайским не справился и через полгода, после нескольких попыток пересдать экзамен, как курсант уже принявший присягу, ушел служить в армию. Через год, продолжая проходить срочную службу, я еще раз пытался поступить в Институт и опять не получилось. После армии я, наконец, вновь поступил...

Когда мне предложили учиться на одногодичных курсах португальского языка, у меня никаких сомнений не было, и я согласился. Там было много интересного. После окончания курсов присваивалось звание младший лейтенант, и в Африку курсант ехал уже офицером. По окончании командировки через два года обычно возвращался лейтенантом и продолжал учебу слушателем, а не курсантом.

И, если говорить откровенно, то при всех «страшностях и чудесах», которые были в Анголе, люди приезжали оттуда с хорошими деньгами. Наша страна никогда не платила деньги за красивые глаза. Хватало не только на машину. По возвращении в 1988 г., помимо видеомэгагнитофона, телевизора, я практически все деньги вложил в кооперативную квартиру в Москве. Тем более, что условия вступления в кооператив на валюту были мягче – не было жестких ограничений по количеству квадратных метров.

¹ Запись сделана 26 февраля 2008 г. **Г.В. Шубиним**.

² Военный институт иностранных языков (*прим. ред.*).

Я побывал в Анголе дважды: в 1986–1988 гг. по окончании одногодичных курсов и в 1992 г. по окончании института.

– **Сколько человек было на курсе?**

– Порядка 90 человек, из которых две трети учили язык дари (Афганистан) и треть – португальский.

В Анголу я прибыл в конце июля – начале августа 1986 года в звании младшего лейтенанта. Летели на **Ил-62М** с посадкой и дозаправкой в Крыму, в Симферополе. (Иногда обратно борт шел через Венгрию). Те, кто направлялся в Анголу по линии советнического аппарата, пользовались «Аэрофлотом». Специалисты летели на ангольском **Боинге** компании «ТААГ» через Париж.

– **Какое впечатление на вас произвела столица Анголы город Луанда?**

– Сначала это был не то чтобы шок, но ощущение чего-то непонятного и неизвестного. Сразу поразило здание международного аэропорта – местами в нем не было стекол со стороны взлетно-посадочной полосы.

Нашу достаточно большую группу советников и переводчиков посадили в зеленый автобус «**Автосан**» польского производства (хотя могу и ошибаться) и отвезли в миссию. Потом этот же автобус работал на базе ВВС Анголы.

Из окон автобуса Луанда производила двоякое впечатление. Мы прилетели рано утром, когда уже рассвело, но солнца еще не было. На улицах было серо, летали какие-то бумаги, вокруг разрушенные и недостроенные дома, хижины и тут же красивая архитектура старого города. Какое-то смешанное впечатление.

Поразила красная земля, краснозем. И запах от нее ни с чем не спутаешь, он остается навсегда.

Год я работал в Луанде на базе ВВС и ПВО, с ПВОшниками – с советником командующего ПВО полковником **Садыковым (Садыговым)** и с советником командира бригады полковником **Ворониным**. Кроме работы непосредственно с ПВОшниками, я ездил на встречи с коман-

дующим ПВО. Но в основном я работал в качестве переводчика в бригаде – это и обеспечение учебного процесса, занятия, работа непосредственно с «подсоветным», то есть обеспечение работы группы советников и специалистов ПВО. Луанду прикрывала **Печора (С-125)**. За все два года работы в Анголе я две трети времени работал в **Печоре**.

– **Какие грузовики использовались в Луанде?**

– Если не считать боевую технику – использовали, помимо польского автобуса **«Автосан»**, автобус на базе **ИФА (IFAW50)** производства Германской Демократической Республики, не говоря уже о самих грузовиках **ИФА**. А грузовики в Луанде были всех мастей, смесь просто бешеная – **Энжеза, Вольво, МАН, Скания, Пежо** и много различных легковых, пикапов в самом разном состоянии. Было удивительно смотреть как «это» может ездить.

Что касается бразильского грузовика **Энжеза-15, Энжеза-25 и Энжеза-55** (двухосные и трехосные) – ими ангольцы были довольны, только когда они были новенькими. Я их увидел впервые в Луанде в 1986 г. Может они где-то были в Анголе и раньше.

Насколько я помню, ангольцы **Энжезы** не любили, потому что они были очень ненадежны. По внешнему виду и по тому, как они были скомпонованы, они выигрывали по сравнению с нашими грузовиками, но по надежности им сильно уступали и летели (ломались) очень быстро. Кроме того, двигатели у них были очень слабенькими. Но это выяснилось позже... Поначалу, как они пришли, ангольцы были ими очень довольны, внешний вид **Энжезы** значительно интереснее, и колеса с такими огромными протекторами.

– **Что интересного было в Луанде?**

– Наверное, первый выезд на пляж. Первый раз видишь океан, загораешь и тут же лезешь искупаться в океане. Температура воды +18°C – нормальная температура для воды, но «ветераны» Анголы говорят: «Купаться нельзя, холодно!» Ведь в августе в Анголе – зима!

Через год, когда перед отпуском решил, что надо съездить на пляж, я уже сам говорил только что приехавшим из СССР: «Куда вы? Вода холодная!»

Интересные впечатления от 23 февраля 1987 г. Температура воздуха и воды в океане одинаковая и совершенно не помогает прийти в себя (после отмечания праздника)!

У меня не осталось каких-то особых впечатлений от Луанды. Спокойный город. Для меня было непонятно, почему наши консульские и посольские могли спокойно гулять по городу, а нас держали за забором. Были отдельные попытки побродить по городу, когда все уезжали на пляж. Далеко не уйдешь, чтобы не нарваться на своего «любимого» друга советника, который сразу может задать тебе вопрос: «А чего ты тут шляешься?»

Так как я служил в ВВС и ПВО, водитель утром собирал нас по нескольким точкам и привозил на базу. Поэтому у нас было интереснее по сравнению с теми, кто работал только в миссии. Помню, один раз нас возили на экскурсию в крепость, в музей.

В Луанде не было особых развлечений – вывозили в миссию и показывали кино. Это была хоть какая-то отдушина. Ожидание самолета с письмами в среду и субботу. Слушали музыку на магнитофоне, пытались читать что-то. В этом отношении все было достаточно скучно и не интересно.

– **Чем спасались от тропических болезней?**

– В Луанде ничем не спасались. А так – больше джином. Даже не столько джином, сколько спиртными напитками. Любими спиртными напитками – всеми, какие могли достать.

В Луанде с этим вопросом было сложнее, потому что на рынок никак не выйти, все время находишься под строгим надзором. Поэтому мы договаривались с нашим водителем **Сёмой** (его звали **Симао**, мы его звали **Семёном**), чтобы он продавал привезенное из Союза на рынках и покупал там выпивку.

Военным в этом отношении было тяжело. Боялись больше не тех, кто снаружи (**УНИТА**), а своих (стукачей). Если что – обвинят в спекуляции.

В провинциях со спиртным было проще. Там и народу было меньше и обстановка была немножко другая – более реальная, более жесткая. Там была нормальная купля–продажа – продавали что-то на местные кванзы, на которые тут же покупали еду на рынках.

В Бенгеле, где я служил в 1988 г., овощи и фрукты можно было купить только на рынке. Так было в большинстве районов Анголы.

– **Какие самолеты советского производства летали в Анголе?**

– **Ан-2**, по-моему, хотя сам я их не видел. Были **Ан-12**, **Ил-76**, **Ан-24**, **Ан-26**, **Ан-30/Ан-32** (в топографическом исполнении, его прислали на несколько месяцев для карто съемки), **Ту-95** (дальние разведчики), **Ту-134**, по-моему, был президентский самолет, **Як-40** был один, были и **Ту-154**, но они были не ангольские, а одной из сопредельных стран. Вертолеты были **Ми-8**, **Ми-17** и **Ми-24** (зеленого цвета) и **Ми-35** (пятнистые коричнево-желтого, песочного цвета) (экспортный вариант **Ми-24**). Боевые самолеты – истребители **МиГ-21** и **МиГ-23**, истребитель-бомбардировщик **Су-22**.

Через год службы в Луанде я съездил в отпуск и по возвращении, в середине августа 1987 г., был направлен в Куито-Куанавале. В Анголе постоянно шла плановая ротация всех переводчиков и специалистов. Обычно никто не сидел долго на одном месте.

Я сменил там **Диму Герасимова**. Он сначала служил в 24-й бригаде ПВО в Менонге, комплекс **Печора**, а потом их перевели в Куито-Куанавале. Бригада прикрывала аэропорт и Куито-Куанавале.

В августе 1987 г. вместе с советником командующего ПВО полковником **Садыковым** мы полетели в Куито-Куанавале на самолете главного военного советника генерал-лейтенанта **Гусева**, на его самолете **Ан-26**. Там очень удобная пассажирская кабина и отдельно грузовой отсек для автомашины. В Куито-Куанавале меня он «сдал с рук на руки в обмен» на **Диму Герасимова**.

– **Операция «Приветствуем Октябрь?»**

– Я как раз попал в заварушку, когда началось наступление ангольцев на УНИТА. Сама операция («Приветствуем Октябрь») началась в конце августа – начале сентября. Но для меня лично она началась, когда начались артобстрелы, потому что я служил в ПВО, а не в пехотной ангольской бригаде, которая ходила непосредственно в саванну и вела бои с УНИТА и юаровцами. Мы сидели на месте, и наша задача была немного другая.

– **Когда начались артобстрелы из дальнбойных южноафриканских гаубиц калибра 155 мм типа G-5 и самоходных гаубиц типа G-6?**

– Где-то в конце сентября – начале октября. Мы не могли использовать ракеты **Печоры** против наземных целей, потому что данный тип ракет позволяет стрелять только по воздушным целям.

Когда начались все эти «чудеса» с **G-5** и **G-6**, мы были непосредственно в Куито-Куанавале. Практически все советники и специалисты находились тогда в Куито-Куанавале. Наши советники из каждой ангольской бригады имели там свой дом, куда возвращались после нескольких месяцев в саванне. Их было от 6 до 12 человек в каждой бригаде, включая одного переводчика. Они возвращались и отдыхали несколько дней после боев.

Нашими соседями была поначалу 8-я пехотная бригада. Ее задачей было сопровождение колонн из Менонге в Куито-Куанавале по «дороге жизни». Потом она ушла вперед воевать, и в дальнейшем была переброшена в другой округ (хотя могу и путать сейчас).

Наш дом был частично разрушен при артобстреле, утром 14 ноября 1987 г. Этот артобстрел начался необычно. Вообще, юаровцы в отношении обстрелов были очень педантичны. Они начинали где-то в 8 утра и до часу дня методично лупили снарядами. Потом, наверное, как и у нас у них был «африканский час» (сиеста) часов до трех-четырёх. А затем продолжали об-

стрел до шести часов. В темное время суток артобстрелы прекращались. Ночью они бывали редко.

14 ноября юаровцы начали артобстрел необычно рано. Мы на службу не поехали, потому что опасно было.

– **Как вы живы остались?**

– Наверное, чудом. Снаряд ударил почти в угол дома, у меня есть фотография.

В доме нас было трое. Мы находились там, откровенно говоря, по дурасти... Основная часть наших сидела в убежищах. Мы просто уже успели привыкнуть к регулярным артобстрелам. Мне было 22 года, в голове – ветер, беззаботность.

Этот день был необычен прямо с утра. Обычно распорядок дня строился так: в 6 часов подъем, с 6 до 7 работал движок (дизель-генератор), вырабатывающий электричество. Кипятили чай, мылись, брились, завтракали и после этого уезжали на работу.

Но в этот день обстрел начался рано, а движок ангольцы почему-то не выключили (заводили и выключали только они).

– **Может юаровцы ударили по звуку не выключенного движка?**

– Вряд ли. Движки включали в Куито-Куанавале с утра многие.

Свет был, мы играли втроем в шеш-беш. Старшее поколение пряталось в землянке. И мы решили вдруг попить чайку. Но... не успели. Получилась классическая артиллерийская вилка. Сначала был перелет. Снаряд перелетел через нас метров на 300–400, повредил один дом. Мы сунулись на улицу посмотреть. Потом нас почему-то понесло назад в наш дом. Второй выстрел был – четкий недолет, снаряд шарахнул уже достаточно близко. И тут уж нас, как ветром сдуло из дома. Видимо, инстинкт самосохранения сработал, мы просто влетели в нашу землянку. Сразу же раздался взрыв, повредивший угол нашего дома. Снаряд попортил нам холодильник...

Если бы мы там остались, то были бы, если не ранены, то сильно контужены. По ушам бы дало так, что мало не показалось. Осколки хорошо посекали крышу дома...

После этого обстрела мы стали готовиться к переезду на 13-й километр.

– **Какой транспорт использовали?**

– У нас был **ГАЗ-66** и **УАЗ-452** бортовой. Но перевозить было особо нечего – кровати, личные вещи. А комплексы **Печора** как стояли, так и остались вокруг Куито-Куанавале. Их никуда не перевозили поначалу. Потом, когда начались активные обстрелы, дивизионы передислоцировали. Их перевозили, если не ошибаюсь, грузовики **ЗиЛ-131** и **КрАЗ-255**. Комплексы были укомплектованы той же техникой, что и в Советском Союзе – радиостанции, станции слежения и все прочее.

– **Обстрелы были не только из G-5 и G-6, но и из РСЗО Валькирия?**

– Да. Полковник **Горб** погиб именно от обстрела **Валькирией**. Он был в военной миссии, а мы находились через несколько домов от него. У каждого дома была вырыта щель, или бомбоубежище, или просто яма.

– **Опишите артобстрелы в Куито-Куанавале.**

– Скажем так, в мирное время (еще до артобстрелов) все было достаточно хорошо. Обстрелы начались в конце сентября – начале октября 1987 г. Начинались они очень интересно, и я сначала толком не понимал, что это были артобстрелы. Первые полеты снарядов были достаточно высоко в небе и поэтому были похожи ночью на красивые светящиеся звездочки (светлячки), которые лишь немножко хлопали, когда взрывались.

Все это гроыхало за пределами Куито-Куанавале. Или это были перелеты сначала, или обкатка и пристрелка, или они били по ангольским бригадам, которые находились в тылу и стояли по кругу, защищая от **УНИТА**.

А потом снаряды начали падать на нас и падать очень неприятно. Они очень интересно хлопали, проходя звуковой барьер. Если хлопок над тобой, значит это не твой снаряд...

– **Бомбардировки юаровцев?**

– Южноафриканские самолеты пытались долететь, бомбами кидались. Но результатов не было как с их, так и с нашей стороны, хотя, и мы их обстреливали ракетами, и они на нас кидали бомбы.

Нам было тяжело захватывать воздушные цели и вылавливать их, потому что в Куито-Куанавале вроде бы как равнинная местность. А на самом деле местность гористая и холмистая. И юаровские самолеты ходили по ложбинам. То есть они фактически проходили над нашим расположением. Но пока мы приводили комплекс ПВО **Печора** в боевое состояние, они успевали сбросить бомбы или обстрелять из пулеметов и уйти.

– **Именно поэтому там и стали использовать мобильные колесные комплексы ПВО ОСА-АК и гусеничные Стрела-10 и переносные зенитные комплексы Стрела-2М и Игла, от которых они и терпели большой урон?**

– Это средства ПВО сухопутных войск. Могу сказать, что юаровских самолетов мы видели достаточно много, и я, в том числе, когда вместе с нашими специалистами находился на комплексе **Печора**. Комплекс почти все время находился в боевом состоянии. Когда наши советники сидели в кабинах, тогда юаровские самолеты не подходили к нам ближе, чем на 30 км – на предельный радиус запуска ракет. Они четко знали границу пуска ракет и барражировали на этом расстоянии. Как только в какие-то моменты излучение радара **Печоры** пропадало, то тут они могли, конечно, шалить.

На ПВО служили полковник **Зиновьев, Валера Черемухин, Юрий Осадчук, Юра Морозов, Вася Таранов, Сергей Рымарь.**

– **Бомбили ли южноафриканцы наземное ПВО?**

– Нам южноафриканские самолеты **Миражи** не очень докучали, но бывало, конечно. Они нас боялись. Они знали, что такое **Печора**, и непосредственно в район Куито-Куанавале старались не залетать. Один раз в километре от нас отбомбились, ближе к «дороге жизни». У меня есть фотографии воронок от бомб (250 кг и 500 кг.)

Охраняли подступы к **Печоре** от низколетящих самолетов **Зу-23-2 (Зеушки)** калибра 23 мм. Они стояли штатно на защите подступов и прикрытия пусковых установок и площадок возле Куито-Куанавале и Луанды. **Шилок** у Куито-Куанавале не были, но они использовались в бригадах. **Шилок** боялись все – и **РЕНАМО** в Мозамбике, и афганские душманы и **УНИТА**, и армия ЮАР. Все, кто сталкивался с **Шилкой** – мобильной, на гусеничном ходу, четыре ствола калибра 23 мм знают – это сила! И сила хорошая: и по самолетам, и по легкобронированным целям, и по живой силе.

Кстати, именно **Зеушки** и **ЗПУ-4** (калибра 14,5 мм) играли главную роль в Куито-Куанавале в отпугивании южноафриканских самолетов, шедших на низкой высоте.

– **Почему южноафриканцы использовали под Куито-Куанавале для бомбардировки помимо французских истребителей-бомбардировщиков Мираж и английские бомбардировщики Канберра?**

– Возможно потому, что **Канберра** – это скоростной, хотя и дозвуковой бомбардировщик английского производства.

– **А штурмовики Импала?**

– Я слышал об этих южноафриканских штурмовиках, но не видел и не слышал, чтобы кто-либо из офицеров ПВО говорил об их применении. Вероятно, их использовали не в районе Куито-Куанавале, а в других районах Анголы.

В конце сентября – начале октябре 1987 г. южноафриканцы начали артиллерийский обстрел аэропорта Куито-Куанавале и уничтожили взлетно-посадочную полосу. Хотя там уничтожать было нечего, стояли несколько ангаров, капониры для **МиГ-23**, водокачка и все.

Капониры были пустыми, потому что несколько раз пытались использовать аэродром в Куито-Куанавале в октябре–декабре, но без толку. Последний борт – грузовой **Ан-12** взлетел из Луанды в конце сентября и больше там из-за артобстрелов не селились.

– **Сколько боевых самолетов базировалось в Куито-Куанавале?**

– Капониров для самолетов там было штук восемь–десять. Они стояли вдоль полосы «елочкой». Но, реально, там самолетов было всегда меньше – где-то четыре, может больше. **МиГ-23** ангольские посекали осколками снаряды от южноафриканской гаубицы **G-5** и самоходного артиллерийского орудия **G-6**. Я не знаю, как их потом залатали от осколков, но самолеты, базировавшиеся в Куито-Куанавале, ангольцы потом вывели в Менонге.

– **А южноафриканские историки и журналисты рассказывают сказки в Интернете, в своих научных статьях и книгах, о том, что они уничтожили огнем дальнобойных гаубиц G-5 восемь МиГ-23 на взлетно-посадочной полосе в Куито-Куанавале. Вы только что разоблачили еще одну легенду, которую создали южноафриканские ветераны войны в Анголе.**

– Я точно знаю, что на полосе были посеченные осколками **МиГи**, но они ушли³. Потому что, когда я только прилетел работать в Куито-Куанавале, **МиГи-23** базировались на аэродроме. Какое-то их количество там было постоянно. Они взлетали и садились. Но постоянного летного гарнизона там не было. Они прилетали на время из Менонге в Куито-Куанавале, который был аэродромом подскока, чтобы бомбить **УНИТА** и, в частности, столицу **УНИТА** – Жамбу.

А когда южноафриканцы стали бить из дальнобойных орудий, то они все перелетели в Менонге, за 200 с лишним километров. И когда появлялись южноафриканские **Миражи**, то **МиГи-23**, пока взлетали из Менонге, набирали высоту, подлетали, не успевали их достать. Радиус ракет на **МиГах** был недостаточен, чтобы сбить цель на очень большом расстоянии,

³ В фильме «Нас там быть не могло...» есть кадры облета ВПП (взлетно-посадочной полосы) Куито-Куанавале на вертолете. Там достаточно хорошо виден разбитый самолет, напоминающий **МиГ-19** или **Су-17**. Появился ли он во время обороны Куито-Куанавале в 1987–1988 г., или позже я точно сказать не могу (*прим. Д.А. Стрельцова.*).

поскольку ракеты «воздух-воздух» дальнего радиуса действия тогда в Африку не поставлялись. Хотя для Африки **МиГ-23** все равно был тогда очень современным самолетом с хорошим вооружением.

– **Когда проходили активные воздушные бои?**

– Где-то в октябре 1987 г. В основном кубинцы и реже ангольцы вели воздушные бои с южноафриканцами. Слухи ходили, что с обеих сторон были сбиты и **Миражи**, и **МиГ-23**.

– **Кто вас охранял?**

– Ангольцы. Офицерами ПВО до конца февраля 1988 г. в Куито-Куанавале помимо наших специалистов, были в основном ангольцы, а не кубинцы. В кабинах сидели и наши специалисты, и ангольцы. Ангольские офицеры окончили военные училища в Советском Союзе, почти все прекрасно говорили по-русски. Я не работал как переводчик с ангольским офицерским составом, потому что они общались с нашими советниками на русском.

Что касается обучения сержантского состава, то тут было много работы. Рядовые ангольцы говорили по-португальски по-разному. Некоторые достаточно хорошо говорили по-португальски, а были и те, которые португальского практически не знали.

Кубинцы подтянули дополнительные силы к Куито-Куанавале к февралю – началу марта. В начале марта 1988 г. меня на **Печоре** заменил **Игорь Ждаркин**. А меня перевели в Бенгелу, на побережье в центральной Анголе. Бенгела – начало знаменитой железной дороги в Замбию. Там в июле 1988 г. я получил звание лейтенанта.

По сравнению с Куито-Куанавале, там был просто рай. 7-й военный округ. Тихо и спокойно. Наших там были всего человека четыре, в том числе советник командующего округом, замполит. Фамилий, к сожалению, уже не помню. Служил там до конца августа.

– **Какое вооружение было в Анголе у наших переводчиков?**

– В Луанде вооружения практически не было, хотя за мной в миссии числился некий мифический **АКМ**. Так как я жил в гостинице Кванза-Сул для офицеров – холостяков, служивших в ВВС/ПВО, то на дежурства по гостинице и давался **АКМ**.

Что касается Куито-Куанавале, то там оружия было много и всякого, можно было найти все, что угодно.

– **Стечкины не попадались среди прочего?**

– **Стечкины**, по-моему, были у наших и у кубинских вертолетчиков...

Ребята, с выходов в саванну с ангольскими бригадами, приносили в основном трофейную **G-3** – западногерманскую штурмовую винтовку.

У нас в **Печоре**, практически, у каждого был **Макаров (ПМ)** и почти у каждого имелся **АКМ**.

У охраны были не только **АКМ**, но и **РПК**. А у моего автомата вместо рожка на 30 патронов был диск на 75 патронов. «Детское баловство» – по-другому сейчас и не скажешь.

– **Самые запоминающиеся моменты?**

– Наверное, когда в октябре 1987 г. я в первый раз попал под обстрел. Мы возвращались с позиции нашей бригады на грузовике **ГАЗ-66**. Начался обстрел, и все было как в замедленной съемке: видишь как летит снаряд, как он втыкается в землю, как взрывается... Сознание на какие-то доли секунды переключается настолько, что все это реально видно.

Сначала снаряд шархнул где-то позади, потом где-то сбоку. Надо отдать должное нашему водителю. Не знаю, как он успел остановить **ГАЗ-66** и выключить двигатель.

Мое ощущение: хотел в асфальт закопаться лопатками. Это было на уровне инстинкта, неосознанное. Каким-то образом мы нашли вырытую вдоль дороги траншею и умудрились туда заскочить. Обстрел переждали там. Грузовик, если не ошибаюсь, осколками поврежден не был. По крайней мере, видимых повреждений не было.

– **Это звуковая разведка юаровцев сработала?**

– Нет, просто начался очередной обстрел – они педантично и динамично обстреливали Куито-Куанавале...

Южноафриканцы никогда не бомбили и не обстреливали из дальнобойных артиллерийских орудий **G-5** и самоходок **G-6** наш лагерь в 13 км (точнее в 12,5 км) от Куито-Куанавале. Хотя их разведка, в том числе и воздушная, работала, и они не могли не заметить пятно в саванне. Как ни затягивай маскировочными сетями, сверху поляна была видна. Мое личное впечатление, что конкретно по нам они «не работали». Не считая, конечно, шальных снарядов. Я считаю, крайне маловероятно, что юаровцы не знали наше расположение – такой большой кусок саванны без деревьев трудно не заметить.

Поляна была большая, поскольку там были сосредоточены практически все советские военные советники, управление тактической группы, советник командующего округом и другие. Всего было около сотни человек.

– **Сколько землянок было?**

– Наверное, больше 30. У нас было три землянки, если не ошибаюсь. В них жили человек 12. В других – где-то меньше, где-то больше. Наша кухня-столовая была полуврыта в землю. Это был котлован, в нем стоял стол. Сверху был натянут брезент. У других кухни и столовые помещались в отдельных землянках.

Мы перебазировались туда, после того как начались артобстрелы из **G-5** и **G-6** и обстрелы **Валькирией** Куито-Куанавале. После обстрела **Валькирией** погиб полковник **Горб**. Если до этого случая решение перебазироваться в саванну выполнялось медленно – кто-то что-то копал на 13-м километре, кто-то что-то делал, то после гибели полковника **Горба**, было принято жесткое решение, что все советники немедленно уезжают из Куито-Куанавале. Это было в конце ноября – начале декабря 1987 г.

Все землянки были открыты ангольцами вручную. Возможно, в какие-то моменты инженерная техника применялась. Но все эти землянки располагались достаточно хаотично. Похоже,

что их строили руками. Это не было похоже на стройный военный лагерь с четкими улицами. Была некая круглая поляна с выкопанными ямами, которые потом покрыли бревнами и сделали землянками.

– Стволы в три наката ставили сверху?

– Очень трудно сказать, насколько это было в три наката. В районе Куито-Куанавале прямых деревьев, растущих в саванне и годных на бревна, я не видел. Все они были кривоватокрючковатые. Из них делали рогатины, которые вбивали в землю по углам землянки, а крышу мастерили из подручных материалов. У нас в землянке, например, был металлический лист на этих деревянных сваях. Я уже не помню, откуда мы его взяли. А поверх его была попытка сделать какие-то накаты. Что касается термитов, то с конца ноября 1987 г. по начало марта 1988 г. все эти сваи стояли, и их термиты особо не ели.

У нас другие проблемы возникали – когда пошли дожди – все эти неровности в накатах, сделанных из кривых бревен, начали протекать. Это же не наши ровные бревна в три наката, между которыми вода в принципе не проходит. Однажды утром я обнаружил себя, свернувшимся как младенец на подушке, потому что вся остальная часть кровати была мокрая. Но мы вышли из положения. У нас была парашютная ткань, из нее сделали полог под потолком, который не пропускал воду. Внутри землянка была как палатка, и если вода была, она стекала по ткани к стенкам землянки и потом очень хорошо впитывалась в землю по краям.

Как сделать вентиляцию мы не сразу додумались. Это только в учебниках все хорошо нарисовано. Сначала сделали просто дырку, но в землянке было душно и жарко. Потом соорудили вытяжную вентиляцию из трубы большого диаметра, которая выходила на поверхность с другой стороны от входа. Тогда стало прохладно, можно уже было в землянке находиться.

В землянке было по две кровати с каждой стороны от входа, между ними – промежуток шириной примерно в метр, а на

другой стороне от двери находилась вентиляция. Высота землянки была чуть выше 180 см. Получался хороший сквозняк, и было прохладно. На 13-м километре от Куито-Куанавале мы встречали Новый 1988 год.

– **Холодная погода?**

– Ну, холода в Куито-Куанавале я пережил, живя еще в доме. Город расположен на высоте 1200 метров над уровнем моря. Ночью было даже около нуля. Рассказывали, что вода покрывалась корочкой льда. А днем +30°C. Очень интересно, когда утром просыпаешься, то напяливаешь на себя все, что только можешь. В 8 часов идешь на политинформацию в бушлате. Потом солнце встает, и начинаешь отогреваться. Сначала снимаешь бушлат, потом свитер, потом ходишь в летнем.

По сравнению с Луандой, где температура ровная, поскольку она расположена ближе к экватору, довольно холодно. Там, конечно, есть разница между ночной и дневной температурой, но она не настолько ощутимая, как в Куито-Куанавале. В порту Бенгела разница менее ощутимая, т.к. Бенгела дальше от экватора. В августе днем – до +25°C, а ночью – около +15°C. Когда привыкаешь к этой погоде, уже через год работы вечером просто надеваешь теплый свитер.

Я вернулся в Москву в августе 1988 г. лейтенантом. Учился в ВИИЯ четыре года. Переводчик с английского и португальского. Английский стал первым, а португальский – вторым изучаемым языком. Так часто бывало. Те, кто заканчивал ускор (ускоренные курсы), например, португальского, по возвращении изучали другой язык. После того как отработал два года, ставить его первым языком было неразумно.

В 1992 г. я окончил институт. И у меня случилась вторая командировка в Анголу. В Анголе тогда проходили выборы под эгидой ООН (вторая миссия УНАВЕМ), а наша вертолетная группа обеспечивала выборы. Вертолеты **Ми-17МТВ**. Всего по стране штук 25 было, если не ошибаюсь. Я имею в виду только военные вертолеты. Были еще гражданские вертолеты **Ми-8** оранжевого цвета из Тюмени. Интересно, что

часть военных и гражданских вертолетов были белыми, а часть – военными камуфляжными, с закрасненными звездами.

Я работал бортовым переводчиком на **Ми-17МТВ** три месяца с августа по начало ноября 1992 г. На **Ми-8** не было переводчиков. Наверное, гражданские вертолетчики знали (в каких-то пределах) английский. Может быть, их натаскали на английский, может, отобрали с каким-то знанием языка.

Но Министерству обороны было проще посадить на каждый борт переводчика, чем обучить экипажи.

Контракт у нас был интересный, слишком много было посредников, и мы работали не под эгидой ООН, хотя и обеспечивали выборы под их контролем.

Я умудрился «выйти» с падающего вертолета. У нас было потеряно три вертолета. Один экипаж погиб полностью, и выжил только один пассажир – анголец.

Наш борт разбился из-за ошибки пилотирования, хотя официальная версия была – отказ техники... Нам потом аргентинский майор-вертолетчик, очень опытный пилот объяснил на пальцах – в чем была ошибка.

Это произошло 12 сентября 1992 г. в провинции Уиже, недалеко от границы с Заиром (ныне – Демократической Республикой Конго). Тогда в Анголе работали несколько миссий, кроме ООН, в частности, «Врачи без границ» и миссия по делам беженцев.

Мы начали взлетать с очень пыльной площадки, практически ничего не было видно, потянуло назад. За вертолетом стояла пальма, и мы чуть-чуть прошли над ней... Хватанули винтами пальму и стали вращаться вокруг своей оси. Нас ударило об эту пальму, меня вынесло, когда еще вращало... Я стоял возле двери в салоне и успокаивал пассажиров. Меня метров с девяти выбросило. Я только «покарябал» руку... Очки потом нашел, одно стекло треснуло. Вертолет упал на бок...

Одного из летчиков, сильно пострадавшего, с переломами, потом списали с летной работы.

Еще один вертолет из нашей миссии при посадке выкинуло на минное поле. Сама деревушка, куда они садились, располагалась на холме. Их начало при посадке крутить, и они упали на минное поле. Потом загорелись. Местные их оттуда вытащили, но вертолет сгорел полностью.

Причины падения третьего вертолета я не знаю. По одной из версий, раскрылись люки в корме (створки) при посадке и нарушилась центровка, и вертолет пошел вниз со всей скоростью и ударился о землю. Погиб весь экипаж и пассажиры, выжил только один анголец.

После Анголы мне было предложение полететь в Камбоджу. Я его отклонил, потому что после того, как я «вышел» из вертолета – опять продолжать летать на вертолетах не хотелось. Наверное, сработал инстинкт самосохранения. Тем более, только что сын родился.

В 1995 г. я, дослужившись до капитана, уволился по сокращению штатов из армии после 13 лет службы (включая боевые). Работаю сейчас в частной фирме.

Боевые награды:

Медаль «За боевые заслуги», медаль Республики Куба «За оборону Куито-Куанавале».

ВОСПОМИНАНИЯ

Шульги Александра Владиславовича, старшего лейтенанта запаса¹

Я находился в служебной командировке в Анголе в 1986–1988 гг. в звании младшего лейтенанта.

Работал около десяти месяцев в структуре ангольских ВВС в Луанде в 1986–1988 гг. На 80 советских советников и специалистов нас было 4 переводчика. Мы работали по службам. А во время проведения операций выдвигались на ПКП. В частности, я работал в 3-м военном округе, в городе Луэна во время так называемых сезонных операций.

Итак, я служил в штабе ВВС в Луанде, где часто приходилось участвовать в брифингах. Кроме того, представители от авиации принимали участие в совещаниях в Генеральном штабе, где заслушивались ежедневные сводки по всем родам войск и по всем операциям.

Расскажу про случай, хотя конкретную дату забыл (сентябрь–октябрь 1987 г.), когда все просто за голову схватились, в том числе и наш старший – генерал-советник ВВС. Хорошо запомнил выражение его лица, потому что в этот момент как раз переводил ему, что юаровская артиллерийская установка **G-5** накрыла 8 ангольских **МиГов-23** в Куито-Куанавале.

Эти ежедневные сводки, как правило, составляли ангольские младшие офицеры, мы переводили дословно, фактически, осуществляя синхронный перевод. Ангольцы иногда употребляли фразу «практически уничтожен» вместо «поврежден». В тот день было сказано, что из двух звеньев (двух четверок) **МиГ-23** в Куито-Куанавале, 7 повреждены. И наш генерал буквально схватился за голову.

Уже потом, по дороге из Генштаба, когда мы стали уточнять по своим каналам, выяснилось, что серьезно были повре-

¹ Запись произведена 25 апреля 2008 г. **Г.В. Шубиным.**

ждены артогнем только два **МиГа-23** (т. е. требовали для ремонта выезда наших специалистов), а у четырех были изрядно посечены плоскости и фюзеляж. Все это было поправимо, учитывая универсальность наших авиационных специалистов-технарей на местах.

Еще помню случай, который без юмора вспоминать нельзя, тоже из сводки. Сначала доложили сколько за сутки было совершено вылетов вертолетов, бомбардировок, учебных и транспортных вылетов. В конце было сообщение о происшествиях. Прозвучала фраза, которую я на автомате дословно перевел: «В 3-м округе авария: вертолет наших ВВС столкнулся с танком».

Наступила пауза. Все буквально опешили! Оказалось, что в это время шла где-то операция с участием трех танков **T-55**. У них были раненые, и они попросили их эвакуировать. Прилетел легкий вертолет **Алуэт III** французского производства (на 4 человека). А **УНИТА**, увидев, что вертолет заходит на посадку, открыла огонь из минометов. Летчик-анголец, видно, испугался взрывов, и как он потом сам объяснял, инстинктивно дернул ручку. Вертолет пошел вбок, чиркнул одним из полозьев по танку и сломал его. Но, тем не менее, все равно забрал раненых и потом благополучно приземлился.

Ситуация вполне объяснимая, в боевых условиях нормальная, но прозвучало странно: «Вертолет столкнулся с танком».

Что касается участия ВВС в 3-м округе, в Луэне, в операциях на востоке Анголы. Это один из двух (наряду с 6-м Южным округом) воевавших военных округов. 6-й округ – Куито-Куанавале и Менонге.

Основные базы **УНИТА** были на юго-востоке 3-го округа, и база **Савимби** там была постоянная. Но в той операции в октябре 1986 г., насколько я помню, был сделан упор на 3-й округ. Поскольку сил не хватало на всю территорию Анголы, где **УНИТА** позволяла себе воевать с **ФАПЛА**, то обычно делался упор на один округ – на 3-й или на 6-й.

По этой причине в Луэну перебросили 5 истребителей-бомбардировщиков **Су-17** в версии штурмовик. И моя задача

заклучалась в обеспечении координации их работы. Был наш специалист-диспетчер. Он был гражданским штурманом на грузовом самолете **Ан-26**, но поскольку он был очень грамотным специалистом, ему предложили поехать на работу в Анголу. Здесь прослеживалось взаимодействие специалистов трех сторон – ангольской, советской и кубинской, поскольку мы работали на взлет и посадку. Взлет – это просто их загрузили, и они ушли на точку. А основная наша задача состояла в том, чтобы мы втроем сидели в импровизированном диспетчерском пункте на автомобиле **Урал-375** (и рядом **РЛС**) и работали на посадку, потому что ангольские летчики, говоря откровенно, были подготовлены не лучшим образом. Частенько мы сталкивались с тем, что их подготовка была недостаточна. Я могу об этом судить, потому что сам из военной авиационной семьи и служил срочную службу в ВВС.

Одним словом, мы сидели втроем, шел испано-португальско-русский перевод, когда мы их заводили на посадку и они возвращались с задания.

И был момент интересный с точки зрения взаимодействия с кубинцами: локатор видел и цели, т.к. они были не очень далеко, поэтому мы их отслеживали до самой точки бомбометания.

Известно, что модель **Су-17** – не бомбардировщик, а штурмовик и наиболее эффективно работает по целям, сбрасывая бомбы с пикирования. И что там греха таить – некоторые ребята ангольцы были трусоваты и частенько бомбы кидали с горизонтального полета с 4–4,5 тысяч метров, чтобы избежать встречи с наземными средствами ПВО **УНИТА**.

А мы оценить – насколько это было эффективно – не могли, потому что аэрофотосъемки тогда не было. Вернее был один **Ан-32**.

– Не Ан-30? Якобы его только на три месяца пригнали разок в Анголу?

– Разница между **Ан-30** и **Ан-32** только в типах движков. Он приходил, уходил обратно в Союз на технический экзамен,

его часто не было, потом его экипаж говорил, что у них другие задачи.

– Он появлялся якобы для картографии?

– Да, он снимал, в том числе и результаты бомбежек, потому что, насколько я помню, он не подчинялся напрямую ГВС (главному военному советнику). Он относился к разведке КГБ, а не к ГРУ.

Кроме **Су-17** была и пара истребителей **МиГ-21**, но они не прикрывали **Су-17**, а работали по своему плану, поскольку авиация ЮАР в 3-й округ не совалась, а у **УНИТА** авиации не было, потом только пошли поставки.

Из-за слабой подготовки ангольские военные летчики летали только в светлое время суток, потому что оборудования в аэропорту никакого не было. Я помню один случай сейчас, кажется, забавный, а тогда – не очень.

Как-то раз ангольцы позже обычного вылетели, поэтому заходили на посадку четверкой **Су-17** в начинающихся сумерках. Из четверки сели одна пара и ведомый из второй пары. А ведущий не сел...

Наступали уже классические африканские сумерки, когда темнеет очень быстро. Парень из ведущего зашел один раз на посадку и... промахнулся мимо полосы! Хотя ангольские летчики учились в СССР в городе Фрунзе, учебной подготовки было явно недостаточно, налет часов и опыт были небольшими.

И началась карусель – промахнулся опять, и когда он ушел на второй круг, то вдруг сказал: «Темно, ничего не вижу. Я катапультируюсь». Он не стал говорить, что, мол, сложно, трудно, что делать, а просто сказал: «Я катапультируюсь. Я не сяду».

Всё освещение взлетной полосы состояло из двух прожекторов, установленных на машинах. Уговаривали его сесть всем миром: и диспетчер, и наш советник начальника штаба ВВС полковник **Басов**, который возглавлял нашу группу, и я, как переводчик.

Полковник **Басов**, выхватывая микрофон, кричал (я переводил): «**Жозе**, сынок, не трогай кнопку катапульты! Слушай меня внимательно. Давай!!! Я тебя вижу! Немножко убавь обороты... Садись!» В общем, уговорили, что мы его посадим – выведем на торец полосы.

В итоге, ангалец сел, но с большим перелетом, однако за полосу не выкатился, успел затормозить. А когда зарулил, вылез из самолета весь мокрый, и мне даже показалось, что на глазах у него были слезы. Ангольцы такие ребята, что могли запросто катапультироваться, не думая о том, сколько стоит самолет (**Су-17**), и что их в стране всего 8 штук.

Кубинцы, по сравнению с ангольцами, летали здорово! Кубинцы летали не только на **МиГах-21**, но больше на истребителях **МиГ-23**, причем их основная база была в Лубанго. **МиГов-23** у ангольцев было 12–14 единиц.

В Куито-Куанавале – на тот момент (в 1987 г.) **МиГов-23** было 8.

– **Сколько в 1987 г. МиГов-23 перебросили кубинцы?**

– Не помню точно.

Не могу сказать, что кубинцы участвовали в боевых вылетах активно. Вообще, за время моей командировки сложилось впечатление, что к тому времени кубинцы старались уже беречь людей и технику. Южноафриканские пилоты по технике пилотирования быстро понимали, что против них не ангольцы, а кубинцы, и тоже старались с кубинцами воздушный бой не вести.

В связи с этим я расскажу один случай, который теперь уже не секретный. Произошел он во время операции в 3-м военном округе. Был там лихой летчик, подполковник с фамилией несколько неуместной для авиации – **Могильный**. Очень хороший летчик, приехал в 1987 г., служил в должности инструктора. Ему запретили летать одному, а только в паре и в районе аэродрома. Но ему было скучно – уж очень живой и веселый был парень. И частенько он на **МиГе-21** один летал. На самолет вешали все, что положено – бомбы, ракеты, сколько

он мог взять в условиях африканской погоды, и он уходил и возвращался очень довольный.

– Цель была? – спрашивали его.

– Да, была, сбросил.

Но впоследствии, когда он уже вернулся в Союз, выяснилось, что он, как свободный охотник, летал в Анголе в нарушение всяческих международных конвенций – на низкой высоте (100–200 м) и на сверхзвуке! Мало этого! После того, как он уже отработал бомбами и ракетами по противнику, если у него хватало топлива, он еще пролетал на **УНИТА!**

Слава богу, **МиГ-21** хотя и старый самолет, но очень хороший. Кое-где используется активно до сих пор. И **Могильный**, заведя **УНИТА**, не раз проходил над ними в сверхзвуковом режиме.

А после пролета на сверхзвуке на малой высоте, в полосе следования самолета у живой силы через секунду после пролета самолета лопаются барабанные перепонки! Кровь из ушей и носа, возникает состояние похоже на контузию.

Но по слухам, он вел себя так, только когда видел, что это **УНИТА** – точно нехорошие ребята... Например, когда они собирались напасть на миниколонну, следовавшую между бригадами **ФАПЛА** с ранеными, под красным крестом. От одной бригады **ФАПЛА** до другой шла колонна с ранеными, а оттуда уже их должны были забрать вертушки. А **унитовцы**, хотя видели, что идет санитарный обоз, все равно собирались их обстрелять. Тогда он и посчитал себя морально правым поступить с ними точно также. Вот такой был веселый персонаж.

– **Кладбище МиГов-21 и МиГов-23 у Куито-Куанавале образовалось еще до вашей службы в Анголе в 1986 г. Когда они были набиты?**

– Да, до нас. Их туда оттаскивали, свозили.

– **Сколько было разбитых боевых самолетов на самолетном кладбище в Луанде?**

– Было такое место за полосой, но мы туда не ходили.

У меня есть фотографии разбитых и поврежденных вертушек и самолетов с разных концов Анголы. В частности, есть фотография посеченных «**Валькирией**» **МиГов-21**. В соплах порядка 25 пробоин. У меня в коллекции есть пара шариков от «**Валькирии**». Ее все не любили, потому что ракеты были со шрапнелью. Штука очень неприятная, дает очень кучное и массовое поражение живой силы и небронированной техники. Но **МиГ-21** восстановили, и он впоследствии летал. Есть и другие фотки.

Но, в общем, работа в Луанде была рутинная и однообразная.

Наших самолетов транспортных на то время базировались четыре **Ил-76** и 13 (они не боялись этого числа) **Ан-12**. **Ан-12** ежедневно делали по два вылета из Луанды, и в смысле пилотирования летчики были там очень грамотные.

Я вспомнил случай: как-то меня попросили отвезти в 6-й округ полковницу – жену полковника-советника, служившего в Менонге, куда меня на время послали в командировку. И вот, на **Ан-12** с продовольствием мы вылетели из Луанды. Погрузили ее чемоданы, взлетели нормально.

А в Анголе, как и в Афганистане, снижались по спирали, очень быстро с отстрелом тепловых ловушек. Долетели до точки. Летчики убрали мощность двигателя на малый газ, штурвал – вниз, и самолет по крутой спирали почти вертикально пошел вниз, т. е. внутри получилось состояние почти невесомости.

Тетенька, конечно, до этого летала на самолетах, она была уже в годах, знала, как самолет снижается. Но здесь было полное ощущение, что самолет падает. И она закричала, сидя в гермокабине: «Что такое?! Падаем! А-а-а-а!» Я только через несколько секунд сообразил, в чем дело и стал ее успокаивать: «Все нормально, минуты через три вы встретите мужа». Но она, вцепившись в лавку, сидела и нервничала. Ребята летчики летали здорово. Возможно, у них был афганский опыт, поскольку они все делали очень уверенно и четко.

Еще помню эпизод с **Ил-76**. Он тяжелее и тащит больше груза, чем **Ан-12**. В 1987 г., когда проводилась операция («**Навстречу Октябрю**»), кто-то высказал мнение: «А не попробовать ли нам посадить **Ил-76** в Куито-Куанавале, а не в Менонге? Тогда не нужно будет тратить горючее на бригаду, учитываемая нехватку техники и горючего».

В Менонге, где садились **Ил-76**, была хорошая полоса, и оттуда уже 8-я ангольская бригада охранения по «дороге жизни» сопровождала колонну до Куито-Куанавале.

Я участвовал в этом совещании, и там был специалист-аэродромщик из наших ВВС, который засомневался, выдержит ли асфальтовая полоса в Куито-Куанавале? Решили все-таки попробовать...

Это был первый и последний полет **Ил-76** туда. Я был в одном из четырех бортов. Когда все четыре **Ил-76** приземлились в Куито-Куанавале, их стали быстро разгружать, а мы побежали посмотреть на место приземления. Специалисты сделали вывод, что садиться нельзя, потому что через 7–8 таких посадок весь асфальт буквально свернется в рулон.

ВОСПОМИНАНИЯ
Ивановского Петра Сергеевича,
капитана запаса¹

– **Расскажите, пожалуйста, о Ваших первых впечатлениях в Анголе.**

– Все началось, конечно, с самого прилета в Анголу 1 августа 1986 г. Мы увидели ужасную картину: красную африканскую землю и на подлете к аэропорту весь город Луанда, облепленный по периметру самодельными хибарами, которые по-португальски назывались «*мусекеш*» – трущобами.

Еще запомнилось, что как только двигатели самолета остановились, вся одежда тут же прилипла к телу... – у нас были служебные гражданские рубашки с коротким рукавом, не самого лучшего качества, выданные в «десятке²» и серые пиджаки, у всех одинаковые.

Вышли на трап, и прямо беда, не просто жарко, а так душно, что аж дышать нечем! Это ощущение не проходило два года!

В иллюминаторы мы увидели жуткий срач – бумажки, груды мусора, машины, покореженные и сожженные...

За границу, называется, прилетели: сначала подали чудовищный, шатающийся под нами трап, затем не менее жуткий грязный автобус. **Слава Барабуля** и **Игорь Ждаркин** поставили свои сумки на ноги и схватились за меня, вроде как за самого сильного... Я их держал, т.к. они не решились схватиться за поручни в автобусе. Потом на грязном транспортере поехали наши вещи.

Когда мы вошли в аэропорт, то первые слова Петра Сергеевича Ивановского были: «Боже, где это мы?» На полу с

¹ Запись сделана 4 апреля 2008 г. **Г.В. Шубиным** и **И.А. Ждаркиным**.

² 10-е Главное управление Генерального Штаба Министерства обороны СССР (*прим. ред.*).

*мешками сидели какие-то грязные бабы, дети. Везде мусор, неухоженность*³.

Грязь – это еще полбеды, а главное ощущение было от людей. Абсолютный хаос! Кто, куда, зачем? Все куда-то спешат, чего-то тащат.

Мы сфотографировались через дорогу от аэропорта, возле круглой клумбы.

В аэропорту пришлось ждать, наши встречавшие опоздали, потому что решили встретить всех сразу – и нас, и прилетающих специалистов ВВС.

Нас отвезли в Главную советскую военную миссию на **ПАЗе** (автобусе), который был у авиаторов. Доехали до миссии, там встретил дежурный переводчик-двухгодичник («шпак», «пиджак» – так именовали переводчиков-двухгодичников из гражданских вузов) **Денис Козлов** (кличка – **Дэн**) из Ленинградского университета. Он нас троих провел в помещения для переводчиков и сказал, чтобы отдохали.

Побросав чемоданы, пошли миссию осматривать. А я, как наиболее уставший, прилег отдохнуть. Минут через десять стук в дверь. Я лежу в одежде, приподнимаю голову и спрашиваю: «Да, кто?» Входит **Дэн**.

– Ты же переводчик? – спрашивает.

– Да.

– Чего ковыряешься – ваши на экскурсию все едут.

Я вскакиваю, бегу на выход, путаюсь, куда бежать. А **Дэн** показывает, куда надо, где у ворот стоит **ПАЗик**. Подбегаю, двери открываются, я в него влетаю, двери закрываются. И открываются ворота миссии.

Начинаем движение, я, весь запыхавшийся, поворачиваюсь... и не узнаю старшего машины! Поворачиваюсь в салон – а там какие-то рожи, абсолютно незнакомые все.

³ Вставки курсивом **И.А. Ждаркина** (прим. ред.-сост.).

– Так, ребята, я ошибся, извините. Остановите, пожалуйста»», – говорю водителю.

Тот по тормозам, поворачивается ко мне:

– Не понял.

– Я ошибся автобусом.

– В каком смысле?

Старший меня спрашивает:

– Стой, скажи, ты переводчик?

– Да.

– Ну, все поехали.

Я говорю:

– Стой, куда поехали? Мне сказали, наши едут. А где наши-то? Я никого не вижу?

– Ты чего, блин, не видишь, это – наши!

– В каком смысле наши? Где наши из группы, с которой мы прилетели? Нас было шесть человек.

– Так ты – переводчик?

– Да, только что прилетел!

– Да какая мне на хрен разница, прилетел ты или вылетел?!

Ты – переводчик, значит, поехали!

– Куда? В чем дело?

– Мы едем в Музей революции, договоренность есть. Сейчас выезжаем, а ты нам попереводишь.

Я говорю:

– Ребят, ну пожалейте, я первый день после прилета.

– Да ладно, хорош! Мы тебя заморачивать не будем. Все нормально.

У меня – холодный пот, я начал нервничать, судорожно искать свои записные книжки – все оставил в миссии. Это напряжение и языковой барьер угнетали сильно.

Я никогда не был отличником по португальскому языку, в отличие от **Игоря Ждаркина**, например. У меня всегда было посредственно, хотя на последнем экзамене я сдал военный перевод на «хорошо». Речевая практика давалась сложнее.

А военный перевод сдал хорошо за счет того, что знал сам предмет военный, это и помогало воспринимать правильно и переводить.

Тем не менее, мы доехали до этого Музея революции – бывшей крепости Сан Мигель.

Остановились. Вокруг никого. Выходим все из автобуса. Я сначала вздохнул облегченно, думаю – пролетел, повезло.

Старший говорит: «Вон часовой ходит. Пока мы выгружаемся, подойди – узнай, где вход».

Я подхожу к часовому, останавливаюсь, не доходя до него метров десять, поскольку он автомат (АКМ) на изготовку:

– *Алту* (Стой – по-португальски).

Я начинаю соображать, что спросить, поворачиваюсь к старшему и говорю: «Что узнать-то?»

Он в ответ: «Блин, ты переводчик?!».

– Ну, конечно.

Спроси: «Где директор?».

Я спрашиваю: «*Онде эшта у диретор?* (Где директор?)».

Тот отвечает: «*Мурреу* (Умер)».

Я напрягаюсь... понимаю, что ситуация какая-то непонятная и спрашиваю еще разок: «*Онде?* (Где?)»

Тот опять: «*Мурреу*».

– *Убригаду* (Спасибо).

Поворачиваюсь и с пониманием, что все, что надо выполнил, подхожу к старшему группы и говорю: «Я, конечно, сильно извиняюсь, но экскурсия не удастся. Директор умер».

– Как не удастся? На хрен мы сюда перлись?! Через всю Луанду ехали! Хорош, что значит умер?

– Ну умер. Наверное, пожилой человек был, вот и умер.

– Ты чего, гонишь что ли? Я вчера с ним встречался! Молодой мужик – такая репа отъевшаяся, весь цветет и пахнет. Чего ты придумываешь?

Я говорю: «Сейчас, ребята, я все выясню». И опять направляюсь к охраннику. Тот снова напрягается, затвором лязгает и говорит: «Давайте, садитесь в автобус и убирайтесь!».

Я, естественно, не перевожу, потому что у меня задача другая: мой на этот период начальник говорит, мол, иди и выясни.

Подхожу к охраннику и спрашиваю: «Извините, правильно ли я понял?»

А глагол умереть (*мурер*) и жить (*мурар*) звучат почти одинаково.

Я просто в шоке, начинаю соображать, подхожу и более демонстративно показываю ему жестами: мол, всё? Конец? Умер?

Он на меня смотрит, думает, наверное, что парень не в себе. Опускает автомат и говорит: «Слушай, я же сказал – директор умер, музей закрыт».

– Ага, теперь понятно. А умер-то как?

– А просто на рынке (на Кандонге) его застрелили вчера поздно вечером.

Я как бы въезжаю, прихожу и говорю нашим: «Так, ребята, музей отменяется, директора застрелили».

Старший, немного растерянно: «Да, а чего же его застрелили?».

– На рынке был, и его бахнули. Пошел за семечками или еще за чем-нибудь, и его убили.

Он говорит: «Что же мы зря ехали, скажи ему – пусть откроет ворота – мы просто пройдем по красивой территории – там пушки стоят, а в само здание заходить не будем».

Я опять к часовому. Он уже автомат не поднимает, а стоит молча, в каске и бронежилете нашем тяжелом, 12-килограммовом.

Он смешно выглядел во всем этом снаряжении, да еще в такую-то жару. Я подозреваю, что сам боец был родом с юга Анголы, потому что был очень черный, что характерно для тех мест.

Я подхожу ближе и говорю: «Послушай, такая беда, мы приехали из Советского Союза. Можно погулять по музею?»

Он ходил, ходил, а потом говорит: «Вообще-то, это запрещено, но ты – на меня показываешь – заходи».

Мне открывает ворота. Наши пока снимаются на фотки, бродят вокруг, увидели, что мне двери открывают, и все бросились. А часовой автомат наизготовку и кричит: «Назад!»

А мне: «Заходи».

Я в дверях показываю на старшего, говорю часовому: «А можно и этого еще со мной?»

– *Нау* (Нет). Вот ты, пожалуйста.

– Понял.

Я говорю: «Ребята, я выйду – расскажу, как там внутри».

Я и прошелся там, раз предложили, вернулся и говорю: «Эх, ребята, зря вы не пошли!»

Наши в шоке. Они все в чине подполковника, полковника – не ниже. А я – младший лейтенант. Напряжение в автобусе, когда назад поехали, было такое, что электролампочка запросто бы горела в салоне – так все были набычены.

– Ну, тогда мы поедem в Музей истории.

Я напрягся: «Какой такой истории?»

Старший: «Водной и морской истории. У них где-то есть в центре».

– Понял.

Мне показалось, что этот день не закончится никогда, когда они остановились возле детей на улице.

– Иди, спроси, где музей.

Когда дети заняты игрой, а их отвлекают, понять что они быстро говорят, вообще невозможно. Я дважды пытался что-нибудь выяснить, и, в конце концов, они показали нам пальцем за угол. Мы выехали и увидели музей. Это был Музей ангольской природы.

Подходим к открытым дверям – два ангольца сидят на пластиковом столе и едят бананы.

Я говорю в шутку: «Вот, пожалуйста, первые типичные представители ангольской природы за завтраком».

Старший напрягся: «Ты это шутишь или серьезно?»

– Серьезно! Они же едят бананы.

А старший все время напрягался, наверное, был из особистов.

Спускаемся в предподвал, потом дальше в подвал. А там лежит какая-то громадная штукавина, сантиметров 60–70 в сечении, немного овальной формы, с утолщением к концу. Как мне показалось – перекрытие от крыши.

Подошел, прочитал... и не понял, что там было написано. Моя заинтересованность привлекла еще одного, и он спросил: «**Петр**, а что здесь написано?»

– Да это от ремонта осталось, перекрытие, – говорю и иду дальше рассматривать рыбок больших и красивых.

Еще один подходит:

– **Петр**, а что это за перекладина?

– Да бассейн хотели делать, вон «*бассия*» написано.

– Может кит? (Там и на английском было написано про кита, а наш офицер что-то понимал по-английски).

Это потом я узнал, что *бассия* – кит.

В общем, *достали* меня вопросами своими, что здесь написано, что это значит? Такие, прямо любознательные попались, сил нет!

... Наконец, вернулись в миссию. Вот так прошел у меня первый день в Анголе.

То, что Петра пропустили в музей одного, лишний раз говорит, как хорошо относились к переводчикам ангольцы – гораздо лучше, чем к военным советникам и специалистам. Хотя, если советник говорил по-португальски, то и к нему было совершенно другое отношение.

Сначала ангольцы здоровались с переводчиками, а потом с советниками и специалистами. Это не предвзятость, скорее психология. Как приятно за рубежом, например, в магазине, когда спрашиваешь на иностранном языке, а тебе отвечают по-русски! Стоишь, придумываешь, как обратиться, а тебе вдруг говорят: «Не волнуйтесь, говорите по-русски», и ты понимаешь, что это или русский, или русскоговорящий, на

душе сразу теплеет. Мне кажется, то же самое происходило в Анголе. Хотя, конечно, личные контакты и отношения переводчиков и специалистов с местным населением имели очень сильное различие – все зависело от характера и харизмы конкретного человека. Были, к сожалению, и переводчики, которых ангольцы не воспринимали вообще, даже при хорошем знании португальского языка.

– **Где Вы служили первый год в Анголе?**

– В Луанде на тот момент старшим референтом-переводчиком был **Мигович Василий Александрович**. Он нас и распределял. Вхожу к нему в помещение в штабе, он смотрит на меня, мое дело: «**Ивановский Петр**, младший лейтенант. Откуда я вас знаю? Мы вроде знакомы».

– Да и давно, с 1979 года.

Мы начинаем вспоминать, находим общих знакомых. И лично мы с ним встречались, когда я служил в Военном институте иностранных языков, в роте обеспечения, будучи старшиной срочной службы, а потом уже прапорщиком – командиром взвода. Ведь это и послужило потом причиной для окончания этого Института и отправке в командировку в Анголу.

Мигович говорит:

– Слушай, у тебя как с языком?

– Да вроде ничего.

– Я тебя пристрою нормально.

И вот мы с **Игорем Анатольевичем Ждаркиным**, как земляки из Белоруссии и «по блату», были распределены, что называется, «в жопу». Поехали на самый юг Анголы, в провинцию Уила, в бригаду, вокруг которой на сотню километров в окружности были сплошные джунгли (саванна)...

Барабуля Слава через три дня уехал в Уиже, на север. Но ни один из нас не остался в Луанде..., видимо, по блату.

Но пока ждали из Лубанго борт **Ан-12** (с продуктами), который и нас должны были забрать, мы две недели работали в

Центре подготовки командос, под Луандой. Там были организованы курсы по обучению **БМП-1**, и как раз не хватало переводчиков.

Именно тогда легендарным генералом **Курочкиным** было принято решение о создании не легкопехотных, как до того были ангольские бригады, а бронированных бригад.

Мы жили в главной советской военной миссии в Луанде, и на работу каждый день ездили на **УАЗе-469**. До учебного центра добирались за 40–45 минут. Он находился на севере от Луанды, по направлению к нынешнему дому президента **Душ Сантуша**.

По дороге находился в Музей рабства, в котором нам показали кандалы, цепи, балки, рассказали, как негров вывозили из Африки... Тогда впечатление было одно: «Безобразие! Как можно было так издеваться над людьми! Рабовладельческий строй – это ужасно». Однако потом, в процессе общения с подсоветной стороной, эти мифы несколько развеялись.

Но, возвращаясь к обучению подсоветных на курсах **БМП-1**, скажу сразу, что состояние техники, которую Советский Союз иногда поставлял в Анголу, просто шокировало. Сильно подержанная техника была. Мы потом сталкивались с этой техникой уже непосредственно во время боевых действий.

На курсах мы запускали, например, **ПТУРСы «Малютка»**, которые уже тогда были старенькой системой, ее еще с 1963 г. поставляли за рубеж. Надо отдать должное нашим советским специалистам, которые представляли и обслуживали эту технику – уникальные люди, настоящие знатоки своей специальности. Они умудрялись, что называется, «из любого дерьма сделать конфетку».

Хороший пример, когда в центр приехал министр обороны Анголы господин **Педале**. Квадратный (страшно толстый), безразличный, видно было, что ему «все по барабану», пожимал нам руки с видом: «Ну что тут еще, как вы мне все надоели!» Барство в каждом жесте, и это было неприятно. У некоторых негров есть такое.

Меня всегда возмущало раболепство некоторых наших советников, которые заискивающе сгибались перед подсоветными ангольцами. Я полагаю, что мы, будучи всего лишь младшими лейтенантами, вели себя куда более достойно, чем некоторые наши полковники, которые лебезили перед ангольскими лейтенантами. В основном, конечно, они боялись, чтобы их не отослали раньше положенного срока в Союз. А ангольцы этим частенько пользовались: либо докладывали, что плохо, мол, учит нас советник, либо шантажировали наших, что обязательно доложат, а потом попросту «на шею садились», а наши терпели все это...

Когда началась стрельба ПТУРСами «Малютка», один ПТУРС упал, не долетел, потом второй улетел в другую сторону. Они управляются по проводной связи. Характерное отличие современных ПТУРСов от «Малютки» – ими можно управлять по двум точкам можно, а «Малюткой» – по трем, т.е. сложнее. Три точки надо совместить и постоянно держать в перекрестье, и, если одну потеряешь, теряется управляемость, ПТУРС падает.

Вот ангольский боец сидит, что-то из себя изображает, хотя сам – ноль полнейший. Подбегает наш прапорщик, кроет матом, садится вместо него и ... попадает в цель!

Педале нас за работу «наградил» какими-то революционными книжками, что-то вроде «Ангола на пути преобразования». Они у нас долго еще потом валялись.

– **Насколько трудно было поначалу общаться с ангольцами, Вы ведь в Военном институте учили классический португальский язык?**

– Сначала мы могли понять процентов 50 из того, что лопотали ангольцы. Например, случай на курсах **БМП-1**, когда ангольский солдат пришел попросить вату – у него рана была на ноге. Но мы-то не знали, что у него там что-то с ногой.

И вот он приходит и говорит: «Мне нужен хлопок (*Eu preciso algodao*)». А мы забыли, что хлопок и вата – одно и то же по-португальски. Ни я, ни **Игорь Ждаркин**, ни наш советник минут десять не могли понять, что бойцу надо. Я первый

вспомнил слово «хлопок». Спрашиваю у советника: «**Иваныч**, у нас есть на складе хлопок?» Советник стоит ошарашенный: «Какой-такой хлопок?» Он же специалист по применению бронетанковой техники, зачем ему хлопок.

– Спроси еще раз, – говорит, – какой хлопок ему нужен?

Потом подошел один ангольский офицер и переспросил солдата, оказалось, что у него рана на ноге. Они привыкли, что у советских специалистов есть аптечки с медикаментами, что мы помогаем нашим ангольским братьям. И до нас, переводчиков, вдруг дошло, вспомнили, что хлопок и вата – одно и то же слово.

И вот, через две недели, мы прибыли на место нашей службы в Мулондо, в 19-ю бригаду. Там, как оказалось, для обеспечения жизнедеятельности у каждого переводчика были свои дополнительные обязанности.

Я стал «врачом», поскольку привез с собой целый набор лекарств и всяких медицинских средств и знал, как и куда их применять. У **Игоря Ждаркина** был «зооуголок», он был старшим по всей живности в нашей миссии. Кто-то отвечал за технику, кто-то за баню (мы баню везде строили, обязательно с эвкалиптовым веником).

***Ивановский Петр Сергеевич** с майором **Овчаровым Николаем Николаевичем** (дивизион «**Квадрат**») очень скоро стали ответственными практически за все в 19-й бригаде – построить баню, заколоть свинью, принять роды у свиньи, сложить печку, починить электричество и пр.*

Подполковника **Землякова Александра Николаевича** – нашего артиллериста – и охрана, и подсоветные ангольские офицеры считали шаманом. На своей фуражке, на жестком козырьке внизу, он сделал белой краской насечки – деления, и без бинокля, из любого вида оружия мог стрелять на любую дальность и угол, делал поправки, мог рассчитать дальность и угол, глядя на козырек. Это якобы в питерском артиллерийском училище учили таким тонкостям как «козырек».

У нас был артиллерийский дивизион – орудия Д-30 «Лягушка» (калибра 122-мм). Но мы для кодировки называли их почему-то А-19 вместо Д-30, а систему ПВО «Куб» мы называли «Квадратом».

Стрелял Александр Николаевич исключительно! Попадал из автомата в цель, держа его на вытянутой руке, хотя сам был небольшого роста, худощавый.

Один раз в зоне ответственности 1-го батальона проводились боевые стрельбы штатным снарядами, а мы (советские) выдвинулись в блиндаж передового охранения. Оттуда Земляков и руководил стрельбами.

А стрельба была по факту – корректировка стрельбы по разрыву снаряда. Земляков смотрит, где разрыв снаряда и делает поправки, корректирует огонь с места, т.е. действует как корректировщик.

Команда: «Беглым, огонь!» И шелест воздуха от летящего снаряда... Я смотрю, Земляков напрягается, снимает фуражку, вытирает пот со лба, матерится и через телефониста: «Куда вы стреляете, мать вашу!» Телефонист-анголец сидит вместе с нами, у него связь непосредственно с артиллерийской батареей, Александр Николаевич ругается: «...твою мать! Кто так стреляет!»

Я пытаюсь не расплескать эмоции, перевожу, стоп, мол, а боец смотрит на меня круглыми глазами, сжимает все сильнее трубку и начинает говорить что-то быстро-быстро!

Второй выстрел проходит чуть подальше, но мы сидим под траекторией пролета снаряда и слышим шелест снаряда. Земляков одевает фуражку. Бросаем телефониста, выскакиваем из блиндажа, садимся в УАЗик и мчимся назад в тыл.

А едем через минное поле, где стоит посреди поля у дерева остов ГАЗ-66, а мы, помню, все возмущались – спрашивали у командира ангольской минной роты, где формуляры минных полей?

– Да их нет в природе, – отвечал он.

– Но ты же их устанавливал?

– Да.

– Так надо было их нарисовать. Вы же их не вручную, а машиной устанавливали. Она ж рядами шла – вы бы их хоть палочками обозначили.

– А зачем – я и так на 100% знаю, где и что стоит.

– Откуда ты знаешь, ведь время прошло?

– А вон **ГАЗ-66** – это я с командиром взвода выезжал на рекогносцировку и взорвался.

– Хорошо, но я вижу, ты – жив, а командир взвода что?

– Погиб (а сам смеется, наверное, радуется, что жив остался).

...И вот мы по этому минному полю возвращаемся с **Земляковым** с передового охранения, приезжаем в артбатарею, а там картина: все ликуют – впервые реальная боевая стрельба.

Тут видят **Александра Николаевича**, он подходит, хватает командира орудия за шкуру и орет:

– Ты стрелял, сука?

– А что?

– Едем, блин! Поедешь со мной!

Возвращаемся в блиндаж передового охранения и **Земляков** говорит ему: «Теперь командуй!»

И когда командир орудия услышал шелест этого снаряда над головой – он **сразу** все понял...

Мы сказали водителю **УАЗа**: «Отвези его назад».

И ангольцы после этого стали стрелять нормально...

Запомнился наш первый переезд из Лубанго в Мулондо в расположение бригады, порядка 300 километров пути.

На **ГАЗ-66** ехали в сопровождении **БРДМ-2**. Причем мы ехали в кузове с автоматами наперевес. Нам еще «милостиво» дали ручные гранаты типа **РГД-5**, чтоб было чем обороняться.

Сначала ехали 120 километров до Маталы, там гидроэлектростанция на реке Кунене, где работали советские энергетики, а потом 180 км до Мулондо...

Вышли из машины в миссии энергетиков – такое ощущение, что мирная жизнь – все у них красиво, начальники энергетиков живут с семьями в приличных домиках.

Там, в Матале стоял кубинский танковый батальон **Т-55** в количестве 100 танков, потом его преобразовали в танковую бригаду.

Мы в последующем туда за водой ездили, на колонку, где была артезианская скважина.

Я как-то раз поехал на **ГАЗ-66** с «пипой» (водовозкой) – прицеп на двух колесах с двухтонной цистерной. А колонку охраняли кубинцы, и надо было проехать через их пост охраны. И вот я заезжаю, они: «Советский? Хорошо, проезжай!»

Я проезжаю, включаю насос. Заливаю, разворачиваюсь, а выезд **УАЗик** перегородил. Я напрягся, поскольку никто никогда ничего не спрашивал.

Сидит в этом **УАЗике** такой плотный мужчина, смотрит на меня и спрашивает охранника: «Какого батальона эта машина?»

Тот что-то быстро ответил, я даже не понял. «А..», – говорит и уже начинает трогаться, как вдруг опять на меня смотрит. А я был коротко стриженный и с бородой.

Кубинец вылезает (а он в звании полковника), подходит и спрашивает: «Я не понял, вы кто?»

– *Руссо, советико.*

У него глаза округляются.

– Вылезай, – говорит.

Я вылезаю, он на меня смотрит и на ломаном русском спрашивает: «Русский?».

– Да.

– Откуда? Что?

– Да вот мы здесь недалеко живем.

– А здесь чего?

– За водой.

– За водой?! Ну-ка, поехали.

Своего водителя **УАЗика** он сажает за **ГАЗ-66**, сам садится за руль **УАЗа**.

Приехали, у него отдельная вилла. Солдаты – кубинские негры – помогают по хозяйству, подают кофе на стол.

Он предлагает ром и сигары. Я говорю: «Спасибо, попозже». Он разворачивает карту и спрашивает: «Где вы находитесь?» Я показываю: «Вот, в Мулондо».

Он смотрит круглыми глазами: «Да вы чего, там разве русские есть?»

– Да восемь человек в 19-й ангольской бригаде.

Он в ответ:

– Там же никого нет, там дальше только юаровцы. (Кубинцы по Лусакскому соглашению стояли на 13-й параллели в Анголе. Потому в районе Маталы на этой широте и базировалась достаточно большая кубинская группировка).

– Как вы питаетесь, какое у вас сообщение?

– Да питаемся консервами в основном. И один раз в месяц продукты привозят.

– А связь как у вас?

– Да все вроде как бы есть, но иногда как бы и нет.

И дальше продолжаем общаться.

– Как часто вы сюда приезжаете?

– Когда как. Когда раз месяц за питьевой водой, а когда два раза в месяц.

– А какие нужды?

– Сигарет и рома, если можно.

– Я все понял, – дальше не рассказывай.

И они мне грузят. Два ящика солдатского рома «Гавана Клуб» и сигар несколько штук. У кубинцев было четкое разделение – солдаты получали ром «Гавана Клуб» белого цвета в длинных бутылках, для офицеров – темный ром «Гавана Клуб» трехлетней выдержки. А старшим офицерам полагался – синий, высококачественный, выдержанный ром восьмилетней выдержки. Все бутылки были объемом 0,7 литра.

Каждая бутылка выдавалась на праздники, как на кубинские, так и на советские. Кубинцы, к нашему удивлению, читали наши праздники! И сигары тоже были разные: толстые для офицеров и короткие – для солдат. Причем для офицеров были сигары средней толщины и средней длины, а для старшего офицерского состава сигары трех сортов – толстые длинные, средние и тонкие длинные, которые мы считали легкими. На самом деле это были те же сигары, но качество скрутки были совершенно другое.

Я уезжаю, а он мне опять говорит: «Слушай, а вы как общаетесь с внешним миром?»

– Да у нас есть радиостанция **Р-123**.

– Давайте мне свои позывные, я вам дам свои, и в случае экстренной необходимости я вам гарантирую помощь – мало ли что произойдет. По земле вас оттуда вытащить, если что, мы не сможем, до вас 120 километров, но вертолет послать можем.

Так, кубинский полковник дал мне свой позывной, и это потом фактически спасло **Игоря Ждаркина**, когда он заболел малярией...

С этими подарками я приезжаю в нашу миссию. После этого удачного контакта мы приняли решение, что надо чаще бывать у кубинцев. Общались мы с ними на «портуньоле» – смеси испанского и португальского.

Иногда продукты у них получали. Они не только не отказывали, а даже сами предлагали. Получали форму кубинскую пятнистую (для Кубы) – она была лучшего качества, чем кубинская же, но сделанная для Анголы, которая после стирки становилась колом. Еще у них «разгрузка» была хорошая – кубинский грудной патронташ, более качественный, чем выпускавшийся для Анголы...

По мере углубления наших дружеских отношений с кубинцами мы изучали «портуньоле».

– **Малярия сильно косила людей?**

– Дело в том, что сама по себе малярия появлялась эпизодически, мы об этом узнавали либо в бригаде, находясь на ра-

боте, либо у наших охранников. Если кто-то заболел, нужно было срочно принимать жесточайшие меры – начинать пить спиртное, или **делагил** – отвратительное лекарство, которое помогало очень слабо, либо изолировать себя от контактов с неграми и москитами.

Борьба с комарами доходила до смешного, особенно когда мы ложились спать. Целый день накомарник стоит с полами, подоткнутыми под матрас. Когда ложишься в кровать, комары могут заскочить, пока ты туда залезаешь. Порой это выглядело очень смешно: в темпе раздеваешься, приготавливаешься, быстро вытягиваешь накомарник из-под матраса, берешь фонарик, прыгаешь туда одним движением и тут же пытаешься всё закрыть.

Потом наступает обязательная пауза – нужно высидеть и выждать, послушать – не гудит ли где комар. Они могут гудеть снаружи или по углам, где пришивались веревочки, а ты их должен найти. Начинаешь всё «колбасить». Зато потом, когда все в порядке, лежишь и балдеешь. Особенно, когда они тучами за накомарником летают, гудят как **«Мессершмитты»**, злятся, что не могут к тебе залететь и укусить. Ей богу, так иногда и хотелось им язык показать: «Что, мол, взяли?!»

Я первым узнал, что заболел охранник, и мы тут же стали принимать всевозможнейшие меры: одни пытались достать спиртное у комиссара провинциального, другие стали принимать таблетки для профилактики.

И вот на утреннем подъеме наш старший, подполковник **Константинович** говорит: «В чем дело? Где солдат в очках?» (прозвище **Игоря Ждаркина**).

– Чего он валяется, все до сих пор не встанет?

Я напыжился, настроение было плохое. С меня еще как со старшего все время спрашивали за нас двоих.

Захожу в землянку, говорю: «**Игорь**, ты где?» Тишина. А он обычно реагировал сразу. Думаю, значит что-то не так. Подхожу ближе и фонариком через накомарник начинаю светить ему в лицо.

– **Игорь**, я тебя последний раз спрашиваю, когда ты встанешь?

– Да не могу, что-то плохо мне.

– Что? Подъем быстро, на работу! Сейчас завтрак, построение, давай.

А он: «Мне плохо».

– Да ладно придуриваться.

Я руку под накомарник, ему на лоб. А там жар – хоть прикуривай! Температура 40, не меньше!

Схватил за руку – рука горит. «О, – говорю – батенька, да ты попал!». А самому аж страшно стало: малярией болели у нас и не раз, но не с температурой под сорок...

Я бегом к **Константиновичу**: «Беда у нас, малярия, да еще какая!»

– Да ты что!

– Зацепило **Игоря**. Его лучше пока не трогать, пусть отлежится, нужно принять решение, что делать.

Вызываю медбрата из ангольской медсанчасти. Приезжает «**Жора**», как мы его звали. Он должен был укол сделать, а у него руки трясутся. Забрал у него шприц и сам сделал два укола в одно место. Очень болезненные. Это было канадское лекарство «**Кенемал**», которое останавливало процесс размножения плазмодиев в крови, хотя и не уничтожало их. Однако без него при температуре за 40 человек просто сгорал, буквально таял на глазах.

После укола я повел **Игоря** в туалет, ноги у него заплетались, он буквально висел на мне. Отлил он прямо в оборонную траншею нашей охраны, рядом с крыльцом, потому как идти дальше сил просто не было. Потом отвел его назад и в кровать уложил.

Уезжаю на работу, возвращаюсь в обед, захожу к нему, щупаю лоб, руки и чувствую, что он прямо горит весь.

Я к старшему: «Надо принимать решение и срочно эвакуировать, иначе помрет».

– А как ты себе это представляешь? Из Лубанго вертолет вызывать? Зачем нам этот геморрой? Надо лечить.

Я говорю **Константиновичу**: «Вы лично берете на себя такую ответственность? Надо эвакуировать и точка! Речь идет о жизни человека – это не шутки!»

– Тогда чего... Как эвакуировать?

– Кубинцы помогут.

– Точно.

– **Если без ложной скромности, то фактически именно Ваша настойчивость спасла Игорю жизнь?**

– Да уж, получается, я ему жизнь спас. Хотя, по чести говоря, нормальные человеческие отношения и ответственность должны быть всегда и во всем! А я чувствовал, можно сказать, двойную, а то и тройную ответственность за **Игоря**: как-никак свой брат-переводчик, да и земляки мы – оба из Белоруссии (из Гомеля), даже родились в один день (15 августа), только я раньше лет на пять.

...В общем, связались с кубинцами, а они, как я потом понял, связались с нашими в Лубанго. И прилетело два вертолета со стороны реки Кунене.

Мы приехали на наших **УАЗиках**, выгрузились. **Игоря** одели в форму и кроссовки. Все непроизвольно построились, когда вертолет сел. **Игорю** кто-то передал рюкзак с вещами, и он стоит с рюкзаком, шатается.

Выходит наш советский врач и сразу к делу: «У нас времени в обрез, пока время полета более-менее безопасное, поскорее проскочим назад, где больной-то?», и смотрит на машины – может, лежит где-то.

Наш старший в ответ: «Да вот он – в строю, стоит последний, лицо пунцовое». Врач подходит, берет **Игоря** за руку, меняется в лице. И сразу кричит: «Носилки сюда!» Положили его тут же на носилки – в вертолет и увезли в Лубанго.

Интересно, что наши лечили от малярии иногда до двух месяцев! Месяц под капельницей, мучили при этом **делагилом**, **ризохином** (препротивнейшие таблетки!), а потом еще месяц реабилитации с полупостельным режимом и диетой – только свежие фрукты и овощи.

А кубинцы лечили три дня! На четвертый день человек чувствовал себя вполне хорошо и стабильно. У них были очень мощные лекарства.

Я не уверен, что наше лечение было лучше, потому что когда **Игорь** прилетел после трехнедельного лечения, худой весь, изможденный, его шатало чуть ли не от ветра. Все с жалостью и болью в глазах говорили: «Ну, **Ждаркина** не трогайте пока». Мы стали его откармливать.

– **Сколько вас было человек в бригаде?**

– Нас, советских советников и специалистов, было восемь человек в 19-й бригаде. **Игорь Ждаркин** работал в дивизионе ПВО «Квадрат» при бригаде, где советником был майор **Овчаров**; я – в бригаде, где были: советник командира бригады, советник начальника штаба бригады, советник начальника тыла бригады, советник командира 1-го батальона, советник командира 2-го батальона.

И еще у нас был солдат срочной службы, который только на втором году службы узнал, что он служит в Анголе...

Я честно скажу, письма мы досматривали. Тот боец был с Украины, родом из города Жданова (Мариуполь), специалист по связи и водитель **БТР-60ПБ** (смышсленный хлопчик и в технике нормально разбирался). И вот этот боец пишет письмо маме: «Призвали, обучали полгода, потом ночью подняли, привезли на грузовиках в аэропорт, посадили в **Ил-76**. Взлетели, летели долго, сели. Выгрузили – ночь. Приехали на место: жарко, и люди какие-то все черные. То ли Казахстан, то ли Таджикистан, но уж больно люди черные».

– **Он решил, что попал в Среднюю Азию?**

– Видимо. Я ему говорю: «Ты, блин, что пишешь-то?»

Он только через год понял, что попал в Анголу. Сначала всё возмущался, что ему не разрешали выходить на связь, а выходили только переводчики – я или **Игорь**, потому что все кодировки шли в цифровом исполнении на португальском языке.

Потом мы научили его цифры и нужные кодовые слова на воспроизводить португальском языке. Какого же было его изумление, когда он впервые услышал в эфире русский мат! Все бригады округа переговаривались на одной или на соседней частоте... и вдруг... после цифр по-португальски он слышит: «... твою мать!»

– Наши! – восклицает он так радостно...

ВОСПОМИНАНИЯ

Мозолева Валентина Федоровича, военного инженера, майора запаса¹

– **Когда я прилетел в Анголу?**

– Из Союза я прилетел в Луанду 31 августа 1986 года. Два дня на переодевание и лекции в военной миссии в Луанде. На третий день – **Ил-76** и перелет в Менонге. Три дня на знакомство и на четвертый вертолетом **Ми-8** в Куито-Куанавале вместе с моим начальником – полковником **Росляковым Александром Петровичем**, советником заместителя командующего 6-го военного округа (ВО) по вооружению². Сразу со взлетно-посадочной полосы пешком пришли в рембат³ с переводчиком. Там стояло 7 неисправных танков **Т-54** и **Т-55** – танковая рота пбр (пехотной бригады). Через неделю эта бригада должна была идти на операцию.

Меня представили заместителю командира рембата. Он (через переводчика) рассказал обо всех неисправностях. **Александр Петрович** спросил, все ли мне понятно и сказал, что через неделю на операцию должно уйти минимум 3 танка. Зам.комбата «выразил» сомнение о реальности выполнения этой задачи.

После знакомства с рембатом **Александр Петрович** на этом же вертолете улетел обратно в Менонге, а я пошел в нашу миссию. Дали простыни, полотенца, показали кровать с матрасом. Тут встретил прапорщика **Ильина Владимира**,

¹ Из переписки по электронной почте с **Г.В. Шубиным** от 03.04.2008; 04.04.2008; 07.04.2008; 11.04.2008; 21.04.2008; 12.06.2008; 26.06.2008 и из комментариев автора на гостевой странице «Союза ветеранов Анголы» от 30.04.2008 и 26.06.2008.

² По-советски, а по-ангольски – советник начальника Автоброне-танковой службы 6-го ВО.

³ Ремонтный батальон.

техника 25-й пехотной бригады, старшего лейтенанта **Грибкова Михаила** и капитана **Калмыкова Николая**, специалистов збр (зенитно-ракетной бригады) «ОСА-АК». Вместе мы прилетели из Союза, а в Куито-Куанавале они попали на 2 дня раньше меня. Им не пришлось заезжать (т.е. летать) в Менонге. Встреча была приятной еще и потому, что мы все 10 дней в Москве перед отлетом в Анголу жили в одной гостинице, в соседних номерах. В Москве мы друг другу говорили, что никому не платили за эту командировку. Но относились к этим словам с недоверием. В Куито-Куанавале стало понятно почему.

На следующий день, после завтрака я пришел в рембат. **Володя Ильин** (а это его 25-я пбр должна уходить на операцию) не мог мне помочь. На нем был **БТР** советников и автомобили бригады. Переводчика мне не дали. В моем распоряжении были 2 ремонтника и по 1–2 члена экипажа. Около часа ушло на установление контакта, в результате которого их ехидное хихиканье сменилось страхом...

Вечером заместитель командира рембата пришел в нашу военную миссию к старшему. А старшим в то время был советник командира 13-й десантно-штурмовой бригады **Юрий Ильич** – добрейший преподаватель Рязанского десантного училища, к сожалению, не помню фамилии. Заместитель комбата жаловался, что я жестко общаюсь с ангольскими солдатами. Но когда к вечеру первый танк (с меньшим объемом работ) был готов, то в глазах ангольских солдат страх начал меняться на уважение.

На следующий день я пришел в рембат с карамельками – по-португальски *ребусаду*. Это первое португальское слово, которое я выучил, и работа пошла еще слаженнее. Через 10 дней 25-я пбр с **Володей Ильиным** (первым из нашего прилета) и 5 восстановленными танками ушла в леса на операцию.

Обычно в бригаде были (из советских специалистов):

- советник командира бригады;
- советник начальника политотдела бригады;

- советник начальника штаба бригады;
- советник начальника артиллерии бригады;
- 1 или 2 советника командиров батальонов бригады;
- переводчик;
- специалист-техник бригады.

Так, мне в рембат начали стаскивать проблемную технику. Мне поверили. Авторитет стал работать на меня. Уже никто не хихикал над моим португальским. Примерно через месяц, я на португальском языке разговаривал лучше других наших советников и специалистов (кроме, конечно, переводчиков).

Весь световой день я проводил с ремонтниками и танкистами, приходилось много общаться. А немецкий язык, который я учил в школе и училище, так и не выучил.

Где-то через месяц к 25-й пбр ушла, кажется, 8-я пбр с боеприпасами, продовольствием, горюче-смазочными материалами. И я поехал с ними. Три дня шли туда, три дня там, три дня обратно. Мне хватило трех дней для проверки технического состояния танков и устранения всех неисправностей. Экипажи танков могли «симулировать» (заявлять о неисправности) до операции, но во время операции они берегли свои танки. А по мере роста моего авторитета случаи «симуляции» прекратились.

На обратном пути бригада попала под **унитовский** минометный обстрел. Ответ был из всех видов оружия. С чьей стороны больше огня – тот и победитель. Через час все стихло, нескольким раненым была оказана помощь, и бригада продолжила движение. Это оказалось самым типичным примером ведения боевых действий. Постепенно я многое начал понимать.

На территории Анголы живут разные племена и народности. Во время получения независимости не все в равной степени попали «к кормушке власти». Кто-то оказался у власти, а кто-то ушел в подполье. Мы, советские военные, были на сто-

роне МПЛА – Партии труда, а УНИТА вела партизанскую борьбу.

В правительственных войсках – ФАПЛА солдаты срочной службы должны были служить 2 или 3 года. А большинство, с кем мне приходилось работать, уже служили и 5, и 7 лет. Многолетние боевые действия исчерпывали призывные ресурсы. Мне попадались и 15-летние солдаты. Конечно же, у них не было фанатизма и ненависти, как и у **унитовских** солдат. Хотя боевой азарт периодически просыпался.

Я вспомнил один случай. Это было в 25-й пбр примерно в августе–сентябре 1987 г., километрах в 60 от Куито-Куанавале, в начале операции «**Встречаем Октябрь**» («**Навстречу Октябрю**») до боя на реке Ломба, до столкновения с регулярными войсками ЮАР.

Ночью перед рассветом командир 25-й пбр капитан «**Валериян**» (он еще молодой был, лет 25) взял с собой 3 **БМП-1** и ушел на «охоту». Он рассчитывал очистить ближайший лес от **унитовской** разведки, но нарвался на взводный опорный пункт. Там люди только просыпались, дымилась полевая кухня... и в эту утреннюю тишину врываются 3 **БМП-1** и давят всё подряд. Я помню горящие глаза одного механика-водителя, рассказывающего про то, какой гусеницей он больше задавил врагов. Когда на рассвете они вернулись в расположение бригады и начали разбирать трофейные документы, то оказалось, что они раздавили взводный опорный пункт «славного» батальона «**Буффало**». «**Валериян**» собрал всех офицеров бригады, раздал им эти трофейные документы, чтобы они их показали солдатам... Страх перед сильным противником искореняется победами.

О гибели Олега Снитко.

Понимая ответственность, постараюсь быть максимально точным (а от этого и кратким). Сначала об обстановке вокруг Куито-Куанавале. С апреля по октябрь в Анголе «сухой» сезон. Это сезон войны. Я – технарь, и мне за отцов-командиров

рассказывать о планах войсковых операций на 1987 год сложно. Но расскажу о том, что знаю. Операция **«Встречаем Октябрь»** (мы ее потом называли **«Красный Октябрь»**, в других источниках встречал другое название) имела целью разбить батальоны **УНИТА**, выйти к Мавинге (столице и крупному центру снабжения **УНИТА**) и захватить ее.

Возле Мавинги была приличная грунтовая взлетно-посадочная полоса. На нее садились военно-транспортные самолеты **«Геркулес»**. Для выполнения задач этой операции в район Куито-Куанавале начали создавать мощную (по ангольским меркам) группировку войск. Прибывали новые бригады с нашими советниками. Создавались тактические группы. Какие-то бригады уходили на операции, какие-то садились в оборону, на переформирование. Круговерть и мешанина были сильными.

В апреле 1987 г. диверсанты взорвали (с берега) мост. Его восстановили, и это уже не могло сорвать операцию. Основным серьезным вооружением батальонов **УНИТА** были минометы, безоткатные 106-мм орудия, «трубы» от **БМ-14** (реактивной установки калибра 140 мм). Против такого противника **ФАПЛА** воевала успешно.

А когда летом 1987 г. 1-я тактическая группа перешла реку Ломба, и до Мавинги уже не было водных преград, в боевые действия вступили регулярные войска ЮАР со своей авиацией, дальнобойной артиллерией, бронетехникой. Наши советские военные советники и специалисты (СВСиС) не имели опыта ведения боевых действий с регулярными войсками, а некоторые не имели вообще никакого боевого опыта.

Одним из таких и был младший лейтенант **Олег Снитко**. Он закончил первый курс филологического факультета Киевского государственного университета и годичные курсы Института военных переводчиков. Я тоже учился пять лет в Киеве. Земляк. Он прибыл в Куито-Куанавале или вместе с советниками 21-й пбр, или из Луанды. И не позже, чем через неделю (так как мы с ним смогли поговорить только несколько раз) он уже ушел на операцию вместе с советниками 21-й пбр...

В сентябре 1987 г. я, как специалист по ремонту бронетанковой техники, работал в Куито-Куанавале в ремонтно-восстановительном батальоне, а жил в центральной миссии. Рядом с моей комнатой были узел связи, на котором работали два солдата-срочника, и комната общих собраний, в которую стекалась вся информация для старшего. Все, что я дальше расскажу мне известно из этих источников и из разговоров с советниками, которые были вместе с **Олегом**.

23 (или 24 сентября) 1987 г. на рассвете, примерно часов в шесть, советники, сидя на снарядных ящиках рядом со своим **БТРом**, завтракали. Бригада после ночевки должна была двигаться дальше. Осколок первого же снаряда перебил руку **Олегу** выше локтя. Другие советники получили более легкие ранения. Они втащили **Олега** в **БТР**, наложили жгут, вкололи обезболивающие препараты. У нас у всех были индивидуальные (оранжевые) аптечки. Советники бригад снабжались медикаментами в бригадах. Все медикаменты, которые были в бригаде, были доступны нашим советникам.

Обычно в Куито-Куанавале мы завтракали в семь часов утра. В то утро, до завтрака, мы уже знали о ранении **Олега Снитко**. Старший, советник командующего 6-го ВО, полковник **Черников** сообщил об этом в Луанду. Плана эвакуации раненых из леса (*маты*) не было. Я о таком плане не слышал. Для командиров ситуация оказалась неожиданной. Бригада находилась в двух–трех днях пути до Куито-Куанавале (если без боев). Если бросить бригаду, то советники могли бы часов за двенадцать вернуться. Но: во-первых, о ранении советского офицера уже знал противник, и **унитовцы**, и юаровцы; во-вторых, сплошной линии фронта не было, а противник и минные поля были везде. Одним словом, советники на одном **БТРе** вне расположения бригады – это самоубийство.

Во второй половине дня пара ангольских вертолетов пытались долететь до бригады, но обстрел не дал возможности приземлиться. Бригада, как раненый медведь, маневрировала, отбивалась, а **унитовцы** наседали. Юаровские «**Миражи**»

бомбили бригаду по несколько раз в день. Весь следующий день решали вопросы с кубинцами, с Луандой. В тот момент кубинцы не имели права находиться в районе Куито-Куанавале. Из Луанды в Менонге прибыл экипаж вертолета Главного военного советника. Среди советников в Куито-Куанавале царил угнетенная обстановка. В тонкости организации операции по эвакуации были посвящены единицы.

В те дни в Куито-Куанавале был мой начальник по службе – полковник **Походун Евгений Николаевич**, советник начальника Автобронетанкового управления **ФАПЛА**. После очередного совещания он вышел на улицу и в сердцах сказал мне: «Давай возьмем **БТР** и вдвоем смогаемся за **Олегом...**» Но это были только эмоции... Все понимали, что такая афера закончится новыми бесполезными трупами.

Ночью 26 сентября 1987 г. **Олег Снитко** умер. Все, кто участвовал в спасательной операции, знали это. На рассвете два вертолета (на одном был советский экипаж ГВС, на втором – ангольский) под прикрытием пары **МиГов (МиГ-23)** с кубинскими пилотами вышли в точку, которую им указали наши советники бригады.

Пока советники с телом **Олега Снитко** грузились в вертолет **Ми-8** под **унитовским** минометным обстрелом, два **МиГа** с кубинскими летчиками вели воздушный бой с четверкой «**Миражей**». Один «**Мираж**» был сбит⁴, остальные улетели. Вертолеты вернулись в Куито-Куанавале. В аэропорту их ждал **Ан-12**. Мой рембат размещался возле взлетно-посадочной полосы. Я пришел к приземлившимся вертолетам. Приехал старший – полковник **Черников**. Носилки с телом **Олега Снитко** и армейский термос с его рукой перенесли в военно-транспортный самолет **Ан-12**.

Вертолет должен был привезти тело **Олега Снитко** и еще одного советника, раненного в голову. А прилетели все (или

⁴ Южноафриканский **Мираж** сбил кубинский летчик капитан **Альберто Лей**.

почти все). Были разговоры о необходимости партсобрания с «осуждением трусости». Такого собрания не было. Вряд ли кто-то из боевых офицеров голосовал бы на таком собрании. Но практически все советники этой бригады были отправлены кто в Союз, кто дослуживать в мирные округа Анголы. В смерти **Олега Снитко** они не виноваты.

Я разговаривал с разными врачами. Наши офицеры сделали все, что было в их силах, для спасения товарища. А то, что они сели в вертолет во время погрузки тела под обстрелом... Лично я им не судья...

Мой комментарий к статье генерал-лейтенанта Гусева Петра Ивановича (<http://angola.ucoz.ru/publ/6-1-0-39>).

Рад, что **Петр Иванович Гусев** жив и здоров! Я служил в Куито-Куанавале с 09.1986 по 12.1988. Более точного изложения событий мне читать не приходилось. Но с оценками я не согласен. Не «генетический страх перед белыми» стал причиной окружения (а не поражения) под Куито-Куанавале. **ФАПЛА** не готова была противостоять регулярным войскам ЮАР. Это этапы становления любой армии. Ведь начальный этап операции был верным и удачным, а на юаровские войска сил не хватило.

Попытка сравнить ангольских солдат с советскими – **ЭТО И ЕСТЬ ГЛАВНАЯ ВАША ОШИБКА**. Мы до последнего надеялись, что ВЫ отдадите нам приказ уйти из Куито-Куанавале. Но... потом у нас пошел слух, что ГВС (Главный военный советник) на просьбу Министра обороны Анголы отозвать советских военных советников и специалистов из Куито-Куанавале ответил: «Я такого приказа не отдам, и Вы увидите как советские офицеры погибают, но не отступают». Я не был свидетелем этих слов, но жив переводчик, их переводивший, и прочитав последний абзац – верю, что они могли быть произнесены. Оборона Куито-Куанавале – это **ПОБЕДА** молодой ангольской армии, а не поражение...

– **По поводу вооружения танковых экипажей.**

– Я не помню, чтобы ангольские танкисты имели какое-то особое вооружение. В танках я видел автоматы **АКМ**, но не у всех членов экипажа, а офицеры имели пистолеты **ПМ**.

Вооружение танков **Т-54** и **Т-55** было штатным (обычным).

– **Использовали ли ангольцы трофейное оружие?**

– Простые ангольские солдаты не щеголяли никаким трофейным оружием. Я хорошо помню один момент. С одной из бригад (как и **Игорь Ждаркин**) я отступал к Куито-Куанавале. Колонна движется со скоростью пешего солдата. Я сижу на броне советнического **БТРа**, курю. Мимо проходит пехотинец, парень 15–17 лет. Раздетый по пояс. Весь цвета пыли. На шее, на проволоке висит **АКМ**. (Штатный ремень от **АКМ** вдет в штаны). На голове, замотанные в форменную футболку, цинк патронов насыпом. И просит у меня докурить бычок... Возможно у офицеров и было трофейное оружие, а солдаты могли его выменять на продукты, на сигареты.

Ответ Валентина Федоровича Мозолева на упоминание его фамилии в мемуарах подполковника запаса Игоря Ждаркина:

«Ну как, например, оценить подвиг старшего лейтенанта **Валентина Мозолева** (капитана он получил уже в Куито-Куанавале). Он был специалистом по ремонту. Ремонтировал танки, **БТРы**, **БМП**, **БРДМы**. Тихий такой, неприметный человек.

Ангольцы от него просто балдели – война, не война, обстрел, не обстрел, надо ремонтировать танки – он идет ремонтировать танки! Залез внутрь танка, что-то там делает – обстрел, снаряды рвутся, осколки шелкают, а он сидит и ремонтирует. Ангольцы, на него глядя, тоже стали ремонтировать.

Практически больше половины техники, которая бегала в Куито-Куанавале – были делом его рук».

– ...Благодарю за интерес к моей персоне. Оценка, которую дает моему труду **Игорь Ждаркин**, несколько преувеличена.

Автомобильную технику бригад восстанавливали в основном наши (советские) техники бригад вместе с ангольскими солдатами и сержантами ремонтных взводов и отделений. Я в рембате занимался восстановлением всей бронетанковой техники и особо значимой автомобильной (например, **БМ-21**). Все танки, **БМП**, **БТРы** ангольской армии, воевавшие под Куито-Куанавале с сентября 1986 г. по ноябрь 1988 г. прошли через мои руки. А с декабря 1988 г. по сентябрь 1989 г. я восстанавливал бронетанковую технику в центральном рембате в Луанде...

О ремонтно-эвакуационных машинах.

Первые танковые тягачи **БТС-4** (на базе **Т-62**) в Куито-Куанавале прибыли вместе с танковыми батальонами летом 1987 г. Хорошие машины. Ангольские ремонтники их любили и умело использовали. С помощью лебедки такого тягача с минного поля был эвакуирован один из юаровских танков в расположении 25-й пбр. Это было при мне.

Вечером, по просьбе командира 25-й пбр капитана **«Валериана»**, я пришел в первый окоп. Он попросил организовать эвакуацию юаровского танка. Когда стемнело, два сапера поползли проделывать проход к юаровскому танку. Для обеспечения звукомаскировки все танки бригады запустили двигатели. «Под шумок» на место ближайшего танка (в его окоп) поставили рембатовский тягач **БТС-4**, и два ремонтника по проделанному проходу потащили трос лебедки, зацепили за коуш юаровский танк и притащили его к передним окопам.

– **Был ли южноафриканский танк Олифант поврежден при подрыве на минном поле?**

– Танк, захваченный 25-й пехотной бригадой, действительно был на том берегу. Куито-Куанавале было в окружении. Часть наших войск была на том берегу реки, а остальные на

нашем берегу. И бои были с разных направлений. Я не знаю, где именно были захвачены другие два танка (которые я видел), и переправляли ли их через реку.

Я видел три юаровских танка, поврежденных во время последней попытки захватить Куито-Куанавале в конце марта 1988 г. Командир рембата попросил меня помочь им выбрать один из танков для эвакуации в Луанду. Или в музей, или для памятника.

Первый танк, захваченный 25-й пехотной бригадой, действительно был на том (южном) берегу реки. О его эвакуации с минного поля я уже писал выше. Командир бригады его использовал как мишень для тренировок гранатометчиков.

А остальные два юаровских танка на нашем, северном берегу. Я не знаю, где именно были захвачены эти два танка. Один из них (второй) я осматривал в расположении кубинских танкистов. У меня сохранились записи с шильдика этого танка. Текст следующий: «**Centurion MK-9**», **SERIAL – R76T41**, **HULL – 134**, **DATA – 10.1.1983**.

Третий танк «**Центурион МК-13**», который мы отправляли в Менонге, на территорию рембата пришел своим ходом. Мои ангольские ремонтники (они же принимали участие в эвакуации юаровского танка на позиции 25-й пбр) рассказали мне, что этот танк подорвался на mine. На броне у него были запасные траки, они их поставили вместо поврежденных и с помощью лебедки **БТС-4** (танкового тягача на базе **T-62**) по проходу в минном поле подтащили к своим позициям. Как и в 25-й пбр. И потом уже осмотрели, завели и перегнали в рембат. [В марте 1988 г. из (трех) поврежденных юаровских танков я выбрал один «более-менее цельный»]. Его, вместе с кубинской колонной, отправили из Куито-Куанавале в Менонге на трейлере. В Менонге, я с него снял башню, чтобы самолеты **Ил-76** смогли перевезти его по частям в Луанду. И когда я уже был в Луанде (примерно в начале 1989 г.) соединил башню с корпусом. Ангольцы хотели его сделать или памятником, или экспонатом музея...

В сентябре 1986 г. (на момент моего прибытия) в Куито-Куанавале одна из бригад постоянно находилась в обороне (13-я дшбр). Ее советники и специалисты жили на территории центральной военной миссии в Куито-Куанавале. Один дом – их, второй дом – наш, «окружников». В расположении этой бригады было «закопано» несколько танков **Т-34**. Мне за два с лишним года только на одном из них пришлось что-то ремонтировать. Еще одна, 8 пбр, «специализировалась» на сопровождении колонн. У них была танковая рота (7 танков). Но они не всегда брали с собой танки. Еще две бригады: 25-я пбр и, кажется, 16-я пбр «ходили» на операции. Чаще всего – по очереди. У них тоже были танковые роты (по 7 танков **Т-54** и **Т-55**). При подготовке операции «**Встречаем Октябрь**» стали прибывать другие части и подразделения. С ними прибыли и **БМП-1**, и еще танки.

Хочу добавить информацию о количестве танков в Куито-Куанавале. В 1986–1987 гг. возле Куито-Куанавале были, в основном, пбр имевшие в своем составе танковую роту (7 танков **Т-54**, **Т-55**) и несколько **БТРов**, **БРДМов**. В 1987 г., при подготовке операции «**Встречаем Октябрь**» («**Приветствуем Октябрь**»), к нам пришли мпбр. Вот у них еще были **БМП**.

Так же, в мае 1987 г., к нам прибыл ПЕРВЫЙ (в истории Анголы) танковый батальон. Он состоял из трех рот по семь танков, плюс танк командира батальона. Итого 22 танка. Танки были все новые, только что прибывшие из Союза, а может быть и переданные кубинцами. Новые танки были и **Т-55**, и **Т-54**. Я лично «пролез» по всем танкам, проверяя их техническое состояние. Этот танковый батальон вошел в состав тактической группы, которая первая приняла бой с войсками ЮАР на реке Ломба. По словам очевидцев, (к которым я не отношусь), большинство техники осталось на том берегу. А личный состав через несколько дней собрался на этом берегу почти в полном составе. Этот «тактический маневр» мы назвали «рассасывание», который хорошо работал при попадании пехотной бригады в засаду из 3–5 унитовских батальонов. Только тан-

кистов в живых осталось несколько человек. Благодаря бою, который вели ангольские танкисты, личный состав (в том числе и наши советские военные советники и специалисты) тактической группы смог по поврежденному мосту перебраться на наш берег. Я считаю, что танкисты ПЕРВОГО ангольского танкового батальона погибли героически, совершив подвиг достойный памяти потомков.

Первые серьезные потери юаровские войска понесли именно в бою с первым танковым батальоном на реке Ломба. Просто никто, кроме самих юаровцев, точно не знает числа этих потерь. Участником того боя был **Олег Козак**, переводчик одной из бригад. Сейчас он живет в Москве, но связи с ним сейчас у меня, к сожалению, нет. Именно он мне рассказывал, как они, не имея возможности переправить на наш берег советнический **БТР**, жгли документы и группами перебежали через мост, а потом ползли по болоту. По информации юаровской пропаганды, пленные танкисты (вместе с командиром батальона) были переданы **унитовцам** и через несколько дней **Савимби** лично принял участие в казни командира батальона. Значит сильно он им «насоллил». Светлая память героям. После этого боя юаровцы больше не шли на прямое боестолкновение. Они своей артиллерией оттесняли ангольские бригады к Куито-Куанавале. Их тоже устраивало наличие минного поля между ними и защитниками Куито-Куанавале.

Второй танковый батальон, прибывший в Куито-Куанавале примерно в июле – августе 1987 г., был посажен в оборону и сыграл свою роль в истории боев в окруженном Куито-Куанавале. Второй танковый батальон был таким же, как и первый, 22 танка **Т-55** и **Т-54**. Три роты по 7 танков плюс 1 танк командира батальона.

Кубинские подразделения прибыли в Куито-Куанавале, примерно, в октябре – ноябре 1987 г. Тогда, когда было уже понятно, что окружения не избежать.

Во время окружения (ноябрь 1987 – апрель 1988) эллипс обороны был примерно 25 на 50 км.

К кубинской технике я не имел отношения (своей работы хватало, да и «пахло» уже окружением), поэтому точно сказать не могу. Я в их расположении был единственный раз, когда осматривал юаровский танк. Но по каким-то ощущениям (не могу вспомнить источник информации) кубинских танков было не больше батальона. Если ангольский второй танковый батальон был «размазан» по периметру обороны, то кубинцы стояли компактно.

На сайте Союза ветеранов Анголы читал воспоминания **Игоря Ждаркина**. Там он пишет, что у танков их бригады выходили из строя **ПМП**. Могу сказать, как «доктор»: эта «болезнь» была не только в их бригаде, и была она не технического характера, а тактико-психологического.

Объясню «диагноз». В каждой пехотной бригаде в Куито-Куанавале была одна танковая рота из семи танков. (Если они не были на ремонте в рембате.) На операциях бригады ходили не по дорогам (дороги чаще минировались), а по редколесью, как правило, тремя колоннами. В голове каждой колонны шел танк. Он прокладывал дорогу для автомобилей, да и солдаты-пехотинцы себя чувствовали увереннее рядом с танками. Поэтому остаться на операции без танков – это очень серьезная головная боль для командира бригады. Проще сообщить о неисправности **ПМП** (танк вроде бы неисправен, но впереди колонны ехать может).

– **По поводу КраЗ-255.**

– В Анголе **КраЗы** были. В основном они были у «инженеров», как тягачи под понтонами, парами и другим оборудованием. Реже как грузовые автомобили. Ангольцам они нравились своей мощностью и проходимостью. Дорогу бригадам на операциях, в лесу, прокладывали танки. Иногда эту функцию выполняли **КраЗы**. Так же **КраЗы** использовали для вытаскивания застрявших и буксировки поврежденных автомобилей. Но это были старые модификации. Ангольцы их называли «король леса», или «деревянная машина» Помню, как один мой ремонтник, с улыбкой показывал дверь кабины

КраЗа. Внутренняя поверхность двери была фанерная, а штапики окон – деревянные. Я ему объяснил, что Советский Союз уже давно не делает «деревянных» машин.

– Кроме **БТР-60ПБ, БМП-1, Т-34-85, Т-54Б, Т-55, Т-62** (один кубинский батальон), **БРДМ-2, БТР-152, ИФА, Зил-130, Зил-131, Зил-157, КраЗ-255, Урал-375, Урал-4320, Энжеза-15, Энжеза-25, Энжеза-50, РАФ, УАЗ-469, УАЗ-452** (цельнометаллический и бортовой), **Лендровер-109** и **Лендровер-110** – какая еще техника использовалась?

– Два или три **БТР-152** действительно были. Я их (как и **Т-34**) «живьем» только там и увидел. К Вашему списку могу добавить: **ГАЗ-66** и танковый тягач (**БРЭМ**) на базе **Т-34**. Я его тоже впервые в жизни увидел в аэропорту Луанды и именно на нем (тоже впервые) пришлось въезжать в самолет **Ил-76**...

– **Заводили ли ангольцы и кубинцы на магнитофонах записи аргентинского «короля танго» Карлоса Гарделя?**

– Кубинцы (офицеры) возможно и могли крутить **Карлоса Гарделя**. А у ангольцев и кубинских солдат не было магнитофонов. Ангольцы слушали приемники. Это, как правило, были маленькие, с примотанными изолентой большими батареекми, приемнички.левой рукой эту конструкцию держат возле уха, а правой рукой, имитируя охват талии партнерши, танцуют... Картинка, как сейчас, стоит перед глазами!

– **О бытовых условиях.**

– Советские военные советники и специалисты в Куито-Куанавале жили в одноэтажных домах вдоль единственной асфальтированной улицы. Эта улица была параллельна взлетно-посадочной полосе. Дома были построены еще португальцами. Электроснабжение – автономное, т.е. у каждого коллектива советников свой дом, свой бензогенератор. Водоснабжение, душ и канализация тоже индивидуальные, на каждый дом. Баню строили на территории центральной военной миссии. Центральная военная миссия – это два дома в одном дворе. Один дом для коллектива советников 13-й дшбр, а второй для советников управления 6-го ВО. В этом доме я жил с сен-

тября 1986 г. и кто-то из старших офицеров – окружников. Постоянно в этом доме еще жили связисты: техник, прапорщик **Матвейчук Валентин**, два матроса связиста (все связисты были в штате Северного флота), один матрос водитель связного **БРДМ-2**.

Охрану каждого коллектива советников обеспечивали их бригады. В состав отделения охраны входили и повара. Нашим поваром был тридцатилетний ангольский солдат **Жоао**. Он уже семь лет готовил еду в центральной миссии Куито-Куанавале.

Продукты каждый коллектив советников тоже получали в своих бригадах. Из бригад можно было получить муку, рис, фасоль, рыбные консервы (либо трехлитровые банки тунца, либо порционные 75 г – «нечищенные» сардины). По большим праздникам могли получить сахар, сгущенку, тушенку, жидкий шоколад. Все остальные продукты мы покупали за личные деньги из «Совиспано». Например, баночное пиво я впервые в жизни выпил в Куито-Куанавале, а сигареты «Краснопресненские»⁵ – это память на всю жизнь.

Наши советники, уходя на операцию, брали продукты на все время. Если же время операции затягивалось дольше, чем автономные возможности, то к бригаде отправляли колонну. С этой колонной мы передавали продукты и для наших советников. За два с лишним года моего пребывания в Куито-Куанавале этот размеренный порядок однажды нарушился. Это было осенью 1987 г. Появление войск ЮАР внесли изменения в планы **ФАПЛА**. Снабжение войск нарушилось. Снабженческие ко-

⁵ Сигареты с фильтром «Краснопресненские» (короткого стандарта), по 18 коп. за пачку (в пачке – 20 сигарет), отличались лучшим качеством, чем выпускавшиеся в Москве в то же время достаточно качественные сигареты с фильтром «Ява» в мягкой упаковке по 40 коп. за пачку или сигареты «Ява» в твердой упаковке по 60 коп. за пачку (так называемая «Ява дубовая») или сигареты «Столичные» в твердой упаковке по 60 коп. за пачку.

лонны не успевали во все бригады. Была предпринята попытка доставки продуктов (хотя бы еды) вертолетами. Когда вертолеты подлетали к бригаде, ее начинали обстреливать. Вертолеты сесть не могли и пытались сбрасывать продукты. Для этого двухсотлитровые бочки разрезали вдоль. В получившиеся половинки закладывали мешки с продуктами. Я был свидетелем того, как одна такая бочка попала в кабину ГАЗ-66. Кабина ушла в песок, метров пятьдесят вокруг было покрыто слоем муки. А через минут пятнадцать от муки не осталось и следа. Голодные ангольские солдаты все собрали и сразу съели. Воды тоже не хватало. Но если ангольцы могли пить из любой лужи, то нам, советникам, приходилось возить воду с собой и кипятить. Нам тогда сбросили ящик «Боржоми»⁶. При приземлении в ящике остались одни горлышки с пробками.

Водоснабжение в Куито-Куанавале было серьезной проблемой. Предыдущие советники многое сделали для нормализации нашей жизни. Мы считали, что должны сберечь все, что сделано, и по возможности улучшить. У каждого дома была своя накопительная емкость. Вода из этой емкости использовалась для санитарных нужд. Питьевую воду кипятили, разливали по бутылкам (у каждого была своя бутылка) и хранили в холодильниках. Брать чужую бутылку без разрешения – это плохо. После десятилетней жизни в землянках, перед возвращением в дома, мы в первую очередь восстановили водоснабжение и баню. Мне с помощью автомастерской пришлось заваривать все дырки от осколков в цистерне и трубопроводах.

В одном советском военном наставлении по стрельбе было написано: «...ночью, как правило, видно хуже, чем днем...». В Анголе рассвет в 6.00, а закат в 18.00. Плюс – минус на сезон. Электричество получали от бензогенераторов или дизельных электростанций. У каждого коллектива были свой бензогенератор и своя электросеть. Бензогенераторы (дизеля) запускали

⁶ В то время в СССР минеральная вода не выпускалась в небьющихся пластиковых бутылках, только в стеклянных.

несколько раз в сутки: для заряда батарей радиостанций и батарей дежурного освещения; для работы холодильников, а в вечернее время еще и для досуга.

Самолетами из Луанды вместе с продуктами нам привозили киноленты в коробках. В субботу и воскресенье через кинопроектор мы их смотрели. Киномехаником был один из наших советских солдат-связистов. Фильмы были старые, просмотренные не по одному разу. Но они были нужны. В основном же, по вечерам каждый был предоставлен сам себе. По способу убивания вечернего времени советские военные советники и специалисты делились на: доминошников, нардистов, преферансистов и писемописателей. Некоторые, особо активные, отмечались во всех партиях.

Среди доминошников лидерами были окружники. Мы шутили, что они тренируются в Менонге, а потом приезжают в Куито-Куанавале выигрывать. Особенно выделялись две пары. Первая – полковник **Чаленко Виктор Иванович** (советник начальника артиллерии 6-го ВО) и полковник **Горб Андрей Иванович** (советник начальника орг.-моб. управления 6-го ВО, погибший 27 ноября 1987 г.). Оба в Анголе были без жен, поэтому в Куито-Куанавале за старших от округа оставались чаще. Вторая пара – полковник **Росляков Александр Петрович** (советник начальника автобронетанкового управления 6-го ВО) и полковник **Прудников** (советник начальника тыла 6-го ВО).

Среди преферансистов лучшими были: я (скромно) и **Рымарь Сергей** (специалист збр «Печора»). Нарды игра для двоих. А общего чемпионата не проводили. Поэтому многие без скромности могут назвать себя мастерами. Эти вечерние турниры помогали нам не сойти с ума.

Вы просили вспомнить что-нибудь веселое. Вспомнился один не веселый, а трагикомический случай. Это было в конце мая или начале июня 1988 г. Окружение Куито-Куанавале уже было снято. Наступал «сухой» сезон. Начались замены советников и специалистов. Из Менонге в Куито-Куанавале пошли первые после окружения колонны. В пехотную бригаду (не

помню номер) прибыл новый советник. И через неделю или две после его приезда бригада уходит на сопровождение колонны в Менонге.

На следующий день после выхода, вечером после ужина сидим, играем в домино. Прибегает солдат-связист к нашему старшему (а тогда старшим в Куито-Куанавале был советник командующего 6-го ВО полковник **Черников**, если не ошибаюсь) и с перепуганным видом просит пройти в переговорную землянку. Когда старший ушел, солдат нам рассказал, что на связь вне графика вышли советники бригады из колонны. У них какое-то «ЧП». Потом старший к себе в переговорную вызывает нашего врача. Игра в домино расстроилась. Все мы ждем информации от старшего. Все очень было похоже на случай, в результате которого погиб **Олег Снитко** (26.09.1987). Старожилы это помнили.

Через час–полтора мы узнаем от старшего о происшествии. Колонна шла с хорошей скоростью. Они успели уйти уже далеко. Нашему вновь прибывшему советнику стало плохо с животом, и он решил выпить таблетку активированного угля. Но в темноте **БТРа** по ошибке выпил такую же черненькую таблетку концентрированной марганцовки. Такую таблетку обычно разводят на ведро воды. Можно представить, что у него в животе начало твориться! Командир бригады остановил колонну и доложил в штаб округа в Менонге. Наш доктор по радиостанции давал советы. Наш старший доложил в Луанду и связался с кубинцами. Уже стемнело, и ни кубинские, ни ангольские вертолетчики лететь не могли. Советские вертолетчики были в Луанде и в Менонге, могли прилететь только утром.

Всю ночь мы провели в напряжении. Старший с доктором не выходили из переговорной. Постоянно велись переговоры и с бригадой, и с вертолетчиками, и с Луандой...

Рано утром вертолетом больного доставили в Менонге, а там на аэродроме его уже ждал самолет в Луанду. Через несколько недель старший сообщил, что в Москве нашему со-

ветнику сделали операцию, часть желудка удалось спасти, но в Москве готовят документы на комиссацию и хотят знать, какое отношение данное заболевание имеет к боевым действиям. Старший по команде отправил свои бумаги. И мы провели партийное собрание, на котором единогласно проголосовали за характеристику-ходатайство. Мы подтвердили, что человек действительно принимал участие в боевых действиях. А как там, в Москве решили я не знаю.

Своим спасением он, как ни парадоксально, обязан **Олегу Снитко**. СВЕТЛАЯ ЕМУ ПАМЯТЬ!

– **Получил ли я награды кроме кубинской медали за оборону Куито-Куанавале?**

– В феврале 1988 г. (к 23 февраля) был подписан указ о моем награждении медалью «За боевые заслуги», а получил ее после возвращения в Союз в сентябре 1989 г. Для технаря и это хлеб.

– **Получаю ли военную пенсию?**

– Я до Анголы служил в Заполярье (за Мурманском). Там «год за полтора». Ангола дала «день за три». Поэтому к 1994 г. у меня набралось 20 лет выслуги. В 1990 г. хотел поступить в Академию. Несколько экзаменов сдал удачно (училище я закончил с «красным дипломом»), но... один из «писарей» приемной комиссии объяснил, что напротив моей фамилии стоят две красные галочки. Первая – разведен, вторая – воевал. Молодой, разведенный, ничего не боящийся – и медкомиссия признала меня не годным к учебе в Академии! В части, в которой я служил после Анголы, мои боевые знания были не нужны. Развал советской армии уже произошел, а новая еще только создавалась. В 1994 г. дивизию расформировали. Я был начальником Бронетанковой службы дивизии (подполковничья должность), а после расформирования мне предложили ехать в Забайкалье зампотехом батальона (майорская должность). Я отказался.

Постоянно проживаю в Ленинградской области в городе Сертолово, недалеко от Санкт-Петербурга, пенсионер.

ВОСПОМИНАНИЯ
Калинина Николая Ивановича,
полковника инженерных войск запаса⁷

Я, полковник запаса **Калинин Николай Иванович**, уволился с военной службы в марте 2002 г., из Центрального аппарата сухопутных войск с должности начальника боевой подготовки инженерных войск.

По специальности я военный инженер. Начал службу в 1969 г., поступив в Высшее военно-инженерное командное училище, которое в 1973 г. окончил. Ну и, как у военного человека, потом пошла стезя офицера.

– **Тогда учили 4 года?**

– По программе тогда было 4 года. Потом мы настояли и перевели свое училище на 5 лет.

– **И сейчас 5-летние?**

– Сейчас только 5-летние. По крайней мере, по нашей инженерной специальности. Одно дело общевоинское образование, а мы все-таки специалисты, изучаем и гражданские, и военные дисциплины. У нас было так: 4 года военное училище, где получаешь высшее гражданское образование и среднее военное. А чтобы получить высшее военное, надо окончить академию. В общей сложности обучение не должно превышать 7 лет. У нас своя академия – имени В.В. Куйбышева⁸. Знаменитая! И которую сейчас хотят уничтожить. С 1 сентября 2006 г. она называется Военно-инженерным институтом.

– **Где вы служили?**

– После окончания училища в 1973 г., попал в Северную группу войск, 5 лет в Польше. Затем Закавказский военный округ – 4 года, академия, после академии – Одесский военный округ. Знаменитая 14-я гвардейская общевойсковая армия, 59-

⁷ Запись сделана 7 февраля 2006 г. **Г.В. Шубинным.**

⁸ Военно-инженерная академия имени В.В. Куйбышева (*прим. ред.*).

я мотострелковая дивизия гвардейская, где почти 4 года служил на должности начальника инженерной службы дивизии в звании подполковника. В 1988 г. через 10-е главное управление Генерального штаба был направлен в Анголу.

– **И сколько времени Вы провели в Анголе?**

– 31 мая 1988 г. я улетел из Советского Союза, вернулся 25 мая 1990 г. Ровно два года.

– **Как Вас готовили? Лекции читали?**

– Был определенный курс подготовки. В общем плане. Нас ознакомили с военно-политической обстановкой. Понятно, что беседа в Центральном Комитете (Компартии) была несколько другого направления, что мы представители великого советского государства, должны там вести себя достойно и так далее. Но никто не предупредил, что там ведутся боевые действия, и нам придется в них участвовать. Так сложилось, что из 19 человек моей группы, с которой я туда убыл, я единственный сразу попал в район боевых действий. Это бывший 6-й военный округ, штаб которого находился в городе Менонге, провинция Кванго-Кубанго. У них тогда была окружная система.

– **Это где было?**

– Это юго-запад Анголы. Штаб Южного фронта находился в Лубанго. Там был 5-й военный округ, а в Менонге – 6-й военный округ. Знаменитый поселок Куито-Куинавале находился в 6-м военном округе.

– **Какая была обстановка, когда Вы туда попали?**

– Там еще стояли юаровские войска. Где-то только в декабре 1988 г. произошел полный вывод юаровских войск, а я прибыл 1 июня. То есть застал 3–4 месяца обстрелов. Почувствовал на себе, что такое стрельба из **G-5**, так называемой «Жесинку»⁹. **G-6**¹⁰ там не было¹¹, но это и понятно: **G-6** – самоходка.

⁹ Португальское название **G-5** – дальнобойного южноафриканского артиллерийского орудия калибра 155 мм.

– **Дальность стрельбы у нее 39–47 км?**

– Да, это так.

– **А наши тяжелые орудия могли достать хотя бы на 30 км?**

– Дело в том, что на этом участке их не было, да и насколько я знаю, мы их не поставляли. У нас были **Д-30**, но это 14–15 км¹². То есть они поставили свои батареи на расстоянии практической недосягаемости для нашей артиллерии и безнаказанно колотили.

– **Значит, их можно было уничтожить только с воздуха?**

– Только с воздуха и диверсионными группами – не более того.

– **А если бы были более современные типы реактивных систем залпового огня (РСЗО) – типа Ураган или Смерч?**

– Ну, их вообще туда не поставляли. **Ураган** – это вторая очередь реактивных систем залпового огня (после **БМ-21**), а **Смерч** – это самая последняя.

¹⁰ **G-6** – самоходное дальнобойное южноафриканское артиллерийское орудие калибра 155 мм.

¹¹ Возможно, **G-5** и **G-6** применялись не одновременно, и именно поэтому многие советские ветераны войны в Анголе ошибочно полагают, что во время боевых действий Анголе самоходка (самоходное артиллерийское орудие) **G-6** не применялась. Но, по данным южноафриканских военных историков, в частности профессора **Андре Весселса** (из университета г. Блумфонтейна), в 1987–1988 гг. сухопутные войска ЮАР имели на вооружении 10 самоходных дальнобойных артиллерийских колесных установок типа **G-6** и 40 прицепных дальнобойных гаубиц **G-5** (обе – калибра 155 мм), и их применяли в Анголе. (University of The Free State. Journal for Contemporary History. Vol. 29. November–December 2005. *Wessels A.* Die Suid-Afrikaanse Nasionale Weermag, 1994–2004: Slagorde en Tramsformasie. P. 168–174. *Wessels A.* Национальные вооруженные силы, 1994–2004. Боевой состав и преобразования.)

¹² И тяжелые орудия **M-46** калибра 130 мм и дальнобойностью свыше 27 км (*прим. ред.-сост.*).

– Ну, насколько я понимаю, если бы был Ураган, он бы достал. Он ведь на 35–36 км бьет?

– Достал бы, конечно.

– Ураган в Анголу потом поставляла Украина, насколько я знаю, где-то с 1992 г., для УНИТА.

– Я это не застал. Но, в принципе у меня, как у специалиста инженерных войск, задача была другая. Задачу поставили по прибытии туда, на инструктаже.

А в это время там обязанности главного советника исполнял всем известный **Валерий Николаевич Беляев**¹³, он был советником начальника Генерального штаба. Тогда он был генерал-лейтенант. Он поставил мне конкретную задачу в 6-м военном округе в районе Куито-Куанавале.

– **Вы не помните, когда он сменил приснопамятного генерала Гусева?**

– Он не **Гусева** сменил, после **Гусева** был генерал-майор **Суродеев**, я как раз убывал тогда в 1990 г. Но он, в общем-то, долго не продержался, не знаю по каким причинам. И, учитывая опыт работы **Беляева**, руководство посчитало нужным поставить именно его. Под его руководством прошло очень много операций, в том числе, знаменитая операция «Зебра», начиная от планирования до проведения. Это было 2 года спустя. Вот он мне на инструктаже поставил задачу: провести детальную разведку всех инженерных заграждений – минных полей, по-новому сделать съемку, т.е. оформить это все документально, составить формуляры минных полей.

Так сложилось, что боевые действия велись с разным успехом. С нашей стороны ставили мины все кому не лень, и самое главное – это нигде не было зафиксировано и, зачас-

¹³ Бывший начальник штаба ВДВ России, генерал-полковник в запасе **В.Н. Беляев** застрелился в июле 2003 г. в Москве. Это произошло на 40-й день после кончины его друга и сослуживца, бывшего командующего ВДВ России генерал-полковника **Е.Н. Подколзина** (*прим. ред.-сост.*).

тую наши же солдаты и боевая техника рвались на собственных минах.

По прибытии туда я познакомился со своим подсоветным. Подсоветный – старший лейтенант **Жозе Жоао Антонио** заканчивал нашу академию, 5 лет учился в СССР. То есть мы с ним почти одновременно окончили академию. Когда общались, он прекрасно разговаривал по-русски, поэтому в этом плане мне легко было работать. Он быстро понял задачу, мы провели сборы с начальниками инженерных служб бригад. Собрали хорошую команду саперов из числа рядового состава.

– **Наиболее опытных, да?**

– Ну, там опыт такой, что... Я честно скажу, для меня это была первая война за мою службу. Все учился, учения, а тут настоящая война. Я учился у своих солдат. Тем более, мины не только нашего производства, там были мины всех стран мира, где когда-то воевали.

– **Я где-то читал, что когда убили Савимби в 2002 г., наступил долгожданный мир и прибыли саперы разных стран по линии ООН для разминирования, они подсчитали, что в Анголе были мины и фугасы как минимум из 23-х стран, а всего их 72 или 73 разновидности! А если учесть, что некоторые мины объединяли одну с другой, то там были сотни вариантов различных минных заграждений.**

Вы не помните, южноафриканцы какие мины ставили, свои?

– Сейчас, конечно, затрудняюсь в маркировках, но это были, в основном, противопехотные мины, причем такие, что наши средства разведки их не обнаруживали – чистый пластик. Основным средством поиска и обнаружения были – обыкновенный щуп, опыт и интуиция сапера. Я с этим сразу столкнулся и, исходя из этого, мы стали разрабатывать новые способы обнаружения. Потом мы ведь не занимались сплошным разминированием, еще шли боевые операции. Поэтому для проведения частных операций, для проделывания прохо-

дов мы использовали именно новые способы. А на вооружении у сапера был только шуп.

– Скажите, южноафриканцы тогда не использовали систему, которая проделывает проходы в минных полях?

– При мне нет, мой предшественник тоже докладывал, что не было. Мы поставляли туда такое средство для проделывания проходов – удлиненный заряд разминирования УЗ–ЗР. Учитывая характер местности – я провел разведку – его применение было бы просто самоубийством. Кстати, это «Верхний» штаб настаивал, чтобы мы применяли это средство, может для устрашения, не знаю, но мы бы просто его не запустили – там очень много кустарника, местность неровная, поэтому запустить его было нереально.

– Так, что его (удлиненный заряд разминирования) можно использовать только на открытой местности?

– Да это так конечно. А минные поля – как-то не ставят там.

– Я почему спросил про южноафриканцев. Есть несколько разработок по переносной системе разминирования типа Plofadder (38 AP), и южноафриканцы утверждают, что якобы с 1987–1988 гг. они испытывались там, в Анголе. Но, может быть, их испытывали не в боевых действиях?

– Может быть. Мы эти заряды [от УЗ–ЗР] использовали для проделывания проходов. Разбирали на отдельные части, ставили на треногу зарядик, который при взрыве давал надежную ширину прохода для любой боевой техники. Вот, например, проводили мы операцию. 59-я пехотная бригада выдвинулась на другой берег реки Куито на господствующую высоту. Тогда, в конце 1988 г. встал вопрос ввода в эксплуатацию аэродрома Куито-Куанавале. Сначала мы отремонтировали полосу. Но готовность аэродрома складывается из обеспечения безопасности посадки самолетов. Несмотря на то, что самолет опускается винтом (по спирали) с применением ложно-тепловых целей, нужно было обеспечить 20-километровую

зону безопасности. С этой целью бригаду направили на господствующую высоту, и она не давала возможности проникнуть даже разведгруппам противника. Тогда и применили заряды для проделывания проходов в минных полях.

– **А южноафриканские войска уже уходили?**

– Да, в принципе они нас уже не трогали, выводили технику. Но и была еще команда сверху: – активизировать свои действия, вот для чего я и проделывал проход. Командующий Южным фронтом тогда был полковник «**Вьетнам**». Очень интересная личность, грамотный офицер. Почему «**Вьетнам**»? Он сам говорил, что взял этот псевдоним в дань уважения мужественному вьетнамскому народу.

– **Неужели на всю жизнь?**

– По крайней мере, требовали, чтобы обращались по псевдониму.

– **А как у Вас было с языком, Вы потом как-то могли общаться?**

– Знаете, специально не ставил своей целью, но путем общения, начиная с охраны (солдаты охраняли нас все-таки ангольские) до капитанов, руководителей службы, волеяневолей разговор пришлось освоить. К тому же многие ангольцы учились в наших вузах. В результате могу разговаривать по-португальски на любую тему по своей специальности.

– **И сейчас?**

– Прошло шестнадцать лет, но объясниться смогу.

– **А сколько бригад тогда было? Я имею ввиду ангольских, у Куито-Куанавале?**

– Значит, на нашем участке стояли 25-я, 59-я, 21-я (потом ее забрали на Восточный фронт) и 13-я десантно-штурмовая бригада. Это общевойсковые, не считая артиллерийской бригады, еще бригады **ОСА** и **Печора**.

– **А инженеры?**

– По штату у них в округе была окружная инженерно-саперная рота, но расширенная по численности, примерно как наш батальон.

– **А их артиллерийская бригада состояла из Д-30?**

– Да. Буксируемые гаубицы **Д-30** и реактивные системы залпового огня **БМ-21**.

– **А танки Т-54Б, Т-55, Т-62?**

– Только **Т-55. Т-62** на нашем участке не было. Там была бригада кубинская, мы с ними буквально 4 месяца до вывода соседствовали. А когда войска стали отводить, то их – кубинцев – за 14-ю параллель вывели, и мы с ними распрощались.

– **А у них какие были танки – тоже Т-55? И орудия Д-30?**

– Да. Дело в том, что **Т-55** очень удобен для той местности. Это самый надежный танк. Жарко, песок. Я, например, не уверен, что наши современные танки там проявили бы себя лучше, чем **Т-55**.

– **Его строили, чтобы воевать после атомной войны.**

– Но не это самое главное, а умение использовать средства. Там себя кубинцы проявили (еще до моего приезда). Недаром же Куито-Куанавале прозвали «второй Курской дугой»! Такие танковые сражения с юаровцами были! Против тяжелых танков **Центурионов** – наш **Т-55**¹⁴.

– **А рассказывали что-нибудь кубинцы об этом? Я нигде не могу найти данных о потерях с обеих сторон. Наши говорят, что когда на ангольцев шли южноафриканские**

¹⁴ О своих потерях в боях с кубинцами, кроме трех подорванных на минах и захваченных кубинцами **Элефантов (Центурионов)**, южноафриканцы предпочитают помалкивать до сих пор. Вместо этого, они превозносят до небес свои победы над ангольцами, которые разбегались в 1987–1988 гг. при одном виде южноафриканских войск, как зайцы при виде лисиц. Но под Куито-Куанавале южноафриканские лисицы столкнулись с голодными кубинскими волками, превосходившими южноафриканцев численностью, боевой выучкой и вооружением и сильно «искусавшими» южноафриканских бульдогов у границы с Намибией после завершения боев за Куито-Куанавале (*прим. ред.-сост.*).

танки, негры, как правило, разбегались¹⁵. Не имеет значения, какие танки шли.

– Я и сказал, что самое главное – умение использовать средства. То есть это воинский дух школы кубинцев, проверенной школы. Недаром кубинцы все-таки интернационалисты, и в бою самые смелые ребята.

– Тем более, что у Центуриона пушка калибра 105 мм, а у Т-55 – 100-мм калибр. И больше дальность у 105-мм пушки, насколько я знаю.

Перейду лучше к своей специальности. Что касается **Центуриона**¹⁶. Перед 25-й бригадой был установлен ряд минных полей, какие-то из них с инженерными заграждениями. Причем, если противник ставил смешанные минные поля, т.е. противотанковые мины и вокруг противопехотные, то мы по нашему боевому опыту смешанные поля применяли редко. Как правило, чисто по назначению – или противотанковые, или противопехотные. Тут получился маленький парадокс: **Центурион** подорвался на нашей мине – и никакого эффекта! Противотанковая мина **ТМ-57**¹⁷ не рассчитана на тяжелый танк, она перебила ему только гусеницу.

– Мы им поставляли **ТМ-57**, но тут важно, где устанавливать: именно на той дороге, где пойдет тяжелая техника про-

¹⁵ В свою очередь кубинские военнослужащие – негры и мулаты великолепно сражались в Анголе (*прим. ред.-сост.*).

¹⁶ Имеется в виду южноафриканский танк **Элефант (Олифант)**, разработанный на основе английского танка **Центурион** (*прим. ред.-сост.*).

¹⁷ Ангольцы явно что-то путают, поскольку противотанковые мины **ТМ-46**, **ТМ-57** и **ТМ-62** (масса взрывчатого вещества в мине **ТМ-46** – 5,7 кг; масса взрывчатого вещества в мине **ТМ-57** – 6,5 кг; а последняя мина (**ТМ-62**) имеет заряд взрывчатого вещества весом от 6,5 до 8,2 кг) являются противогусеничными и предназначены для вывода из строя ходовой части танка. Мины можно легко переоснастить в противоднищевые. Их зарядов взрывчатого вещества достаточно, чтобы проломить днище любого танка, поскольку сталь там достаточно тонкая (*прим. В.А. Сагачко.*).

тивника... И самое главное не это. Ведь цель минного поля, естественно, нанести поражение противнику, расстроить его боевой порядок, чтобы обеспечить эффективное действие наших противотанковых средств. Вот самое главное.

– Т. е. чтобы можно было применить все: и ПТУРСы, и артиллерию, все, что можно было бы использовать, если танк «подставился»?

– Да, да. Тем не менее, у ангольцев было роптание: «Вот, не эффективные мины» и т.д. Тогда я, посоветовавшись со старшими, поставил в два ряда со стороны противника фугасы: ящик тротила (25 кг), а сверху мину **ТМ-57**. Тогда как раз подвезли очень много взрывчатых веществ (тротила), и я не знал, куда его девать.

– Я слышал, что УНИТА тоже практиковала такие вещи?

– Конечно, это не ново. Это началось еще в Афганистане.

– То есть, чтобы танк наехал, и ему был сразу конец?

– По крайней мере, еще до моей службы в Куито-Куанавале, один юаровский танк **Центурион** взорвался на подобном фугасе, ну и наш (ангольский **Т-55**).

– То есть наехал, и все детонировало?

– Да, там боекомплект детонирует, башня срывается.

– А что случилось с южноафриканским танком, который наехал на мину без фугаса? Его оттащили в тыл, да?

– Собирались отдать его в музей. Помню, демонтировали его башню... По-моему, его все-таки перетащили в Луанду¹⁸.

– А на Жамбу вы не ходили?

¹⁸ Два подорванных на фугасах юаровских танка «Олифант МКІ» остались в лесу в районе 25-й бригады. Один исправный танк, брошенный экипажем, был переправлен через реку Куито и своим ходом прибыл в город Менонге. С танка была снята башня и самолетом **Ил-76** перевезена в Луанду. В каком военном музее она находится в настоящее время – неизвестно (Куба, Ангола, Россия). Шасси от танка летчики перевезли позднее, так как не был известен точный вес, и они боялись перегруза (*прим. В.А. Сагачко*).

– Жамба – это отвлекающий маневр¹⁹. Мы шли на Мавингу. Операция «Зебра». Город Мавинга – это штаб-квартира Савимби. После ухода юаровцев произошла реорганизация вооруженных сил **ФАПЛА**. Из военных округов были организованы четыре фронта: Северный, Южный, Центральный и Восточный. У 5-го штаб был в городе Лубанго, а у 6-го в городе Менонге. Путем слияния двух округов 5-го и нашего 6-го и образовали Южный фронт. Я был назначен советником начальника инженерных войск Южного фронта. Уехал из Куито-Куанавале на новое место службы и там пробыл месяц.

В целях служебной необходимости меня перебросили на Северный фронт в городе Уиже, который находится на севере Анголы, ближе к экватору. Дело в том, что когда рухнула последняя колония юаровцев, и Намибия освободилась, все поставки продуктов, продовольствия, вещевых припасов для **УНИТА** пошли не с южной границы, а через север, через Заир. Руководство Заира закрывало глаза и шло навстречу. Я не вникал в подробности. Мы военные люди – исполнители. Смысл в том, что тяжесть перешла с одного фронта на другой. До этого там было курортное место.

На Северный фронт я попал в начале мая 1989 г. В Уиже крупных операций и боевых действий не проходило.

Это уже настоящая Африка, не саванна как на юге, а заросли, субтропические деревья, все передвижения только по дорогам.

Боевые действия носили характер партизанской войны: нападут на наши колонны, часть продуктов уничтожат, часть украдут. Нападали на наши малочисленные гарнизоны. Но, тем не менее, приходилось все равно выезжать, принимать какие-то меры, ставить минные поля.

– А ставили где, на тропках?

¹⁹ Наоборот. Жамба – штаб-квартира у границы с Намибией. Мавинга – крупная база и бывшая штаб-квартира (*прим. В.А. Сагачко*).

– Дело в том, что на тропках и свои (**фалловцы**) могут поставить. Если минное поле ставилось, то обязательно с документацией, оповещением до определенного уровня. По статистике, только военных мы ежегодно теряли на минных полях до бригады. А бригада – это наш полк, 1,5–2 тыс. человек.

Я обратил внимание: мужики в военной форме и без ноги. Что такое? Почти 80% – потери на минах. И самому приходилось помощь оказывать. На одной операции, уже установлены были знаки прохода, а один из моих подчиненных, солдат из запаса ушел за линию – и подрыв. Пришлось оказывать ему помощь.

По статистике, кстати, это проблемный вопрос. У меня очень много знакомых даже в отставке продолжают заниматься гуманитарным разминированием. Одна из самых проблемных стран – Ангола. По не уточненным данным, там порядка 3–3,5 млн. боеприпасов.

– **Это и фугасы, и мины, и снаряды?**

– Ну, естественно, мы говорим о **ВОП** – взрывоопасных предметах. С теми темпами, с которыми там сейчас идет разминирование – это на века. Надо принимать решительные действия – посылать туда какие-то объединенные силы. Понятно, что это деньги. И финансирование должно быть по линии ООН, целенаправленное.

– **Набрать ветеранов?**

– Ветеранов надо набрать не для того, чтобы они лезли на поле, а для подготовки национальных кадров. У них ведь просто нет опыта. Обучить организации разминирования, помочь средствами. Тем более, что Ангола не настолько богата.

– **Вы там служили два года с одним отпуском?**

– Один отпуск был. Я ездил уже с нового места, с Северного фронта. Приехал и через неделю – в отпуск.

– **Расскажите что-нибудь интересное из операций.**

– Почему назвали Куито-Куанавале. Сливаются две речки Куито и Куанавале. Вроде бы саванна: лесок, рошица, песок, трава в человеческий рост, а вот водонасыщенность (инженер-

ный термин) местности очень большая. Там очень много рек, но реки, хотя и горного происхождения с быстрым течением, но и с большой заболоченной поймой. Сама река не шире 100 м на некоторых участках, а пойма 3–4 км. И при проведении боевых действий эти шаны (поймы) очень трудны для пропуска войск. В Куито-Куанавале была насыпана дамба до самого уреза воды и построен мост, с другой стороны тоже дамба. И вот в марте 1988 г. диверсионная группа юаровцев-аквалангистов подорвала один пролет²⁰, причем на самом фарватере, где течение 1,5 м/сек.

– **А это было до наступления или после – не помните?**

– Это было весной 1988 г.²¹, как раз стабилизировалась обстановка, сели в глухую оборону, вели артиллерийскую дуэль. Так вот, через мост сделали переход только для пехоты – веревочные канаты по бокам. Там два пролета рухнуло, а мост остался. Но на самом фарватере течение самое сильное. Когда мы проводили операцию в 59-й бригаде, то просто-напросто сделали комбинированный мост, используя наши средства: ГСП (гусенично-самоходный паром), тяжелый механизированный мост (ТММ), у танкистов я взял тягачи (БТС) для от-

²⁰ Первоначально юаровцы пытались подорвать пролет моста летающей авиабомбой, но она была сбита ангольцами. Поэтому для подрыва моста южноафриканцы использовали подводных пловцов-аквалангистов. Скрытно ночью они заминировали один пролет, а подрыв произошел утром, когда вся группа диверсантов ушла (*прим. Н.И. Калинина*).

²¹ Точнее операция, известная историкам под кодовым названием «Кулидж», была осуществлена группой боевых пловцов спецназа вооруженных сил ЮАР в конце августа 1987 года. В дальнейшем южноафриканцы и унитовцы пытались подорвать этот стратегический мост еще несколько раз с помощью заминированных плотов и беспилотных летательных аппаратов, однако безуспешно. Эти данные подтверждаются и южноафриканскими источниками и воспоминаниями членов Союза ветеранов Анголы (*по материалам С.А. Коломнина*).

буксировки неисправных танков, скомбинировал мостик, и по одному танку мы все переправили. Это, конечно, был временный выход из положения, только в той частной ситуации. Перед нами была поставлена задача – восстановить мост. Я полетел в Луанду, в инженерное управление, представил расчеты. Дали нам гражданских инженеров, начали завозить материалы. И практически к проведению операции «Зебра» (конец 1989 г. – начало 1990 г.), мост был восстановлен. Если вы видели наш фильм про Куито-Куанавале, видно, что настил там играет, но войска мы пропустили.

– **А в чем заключалась операция «Зебра»?**

– Здесь больше политический вопрос. Недаром ее называли операцией престижа. Показать всему миру, что ФАПЛА это боеспособные вооруженные силы, способные не только отбивать бандитов, но и провести крупную войсковую операцию. По масштабам это была чисто армейская операция. Войск было очень много, бригад 10 точно было. Причем отвлекающим маневром, была проведена другая операция на другом участке, а основная группировка пошла на Мавингу.

– **И чем это закончилось?**

– Взяли Мавингу. Там, конечно, никого не обнаружили. Все было вывезено. Дело в том, что такую информацию трудно утаить. Только подготовка шла порядка 1,5 месяцев – перемещение войск, боеприпасов, материальных запасов – этого же не утаишь. Так что, это была просто операция престижа: доказали, что можем проводить такие операции. Ну, народу, конечно, поколотили много.

– **Сопrotивлялись унитовцы не сильно?**

– Сопrotивлялись на некоторых этапах операции.

– **Техника та же – БТР-60ПВ, БМП-1?**

– При подготовке этой операции, меня с Северного фронта откомандировали обратно на юг, учитывая мой контакт с местным инженером. Я прибыл опять в Куито-Куанавале. При одном из полевых выходов, когда мы готовили основные маршруты выхода этой группировки, был тяжело ранен мой

подсоветный. Минометная мина разорвалась. Я стоял в двух шагах, он пять осколков получил, я ни одного. Вот судьба.

– **Калибр мины?**

– Я не знаю, какая там мина шлепнула. Скорее всего, 81 мм. Это была группа **унитовцев**, они сразу фиксировали все. А мы **ТММ** выкладывали – тяжелый механизированный мост. И как поставили его, сразу «фьють» – мина! Моего подсоветного и механика-водителя ранило, а я вышел. Недели через две его выписали, но вместо него уже был назначен другой. Начальник инженерных войск отозвал своего офицера, который только закончил академию, **Мигеля**, я только имя запомнил. Мы с ним познакомились здесь, в Москве, когда я был в отпуске. Он все плакал: «Вот меня убьют...» Пять лет жизни в Москве расхолаживают. И опять вернуться в это пекло, конечно, тяжело. Можно понять этого человека.

– **А какие были интересные операции на севере?**

– Непосредственно перед моей заменой был блокирован один из гарнизонов – батальон стоял в населенном пункте. Мы полетели туда, и просто чудом спаслись. Мы должны были лететь на «двадцатьчетверке» (**Ми-24**). Приезжаем на аэродром, наш старший говорит: «Советские ребята, садитесь в **Ми-24**, а на **Ми-8** полетит командующий». А командующий Северным фронтом: «Да ты что? Мои советники полетят на моем **Ми-8**. В **Ми-24** четверем тяжело ехать». Ну, мы, естественно, пока он не передумал, сели на «восьмерку» (**Ми-8**). Летим, не понятно, что такое? Наша восьмерка начала вилять. Потеряли «двадцатьчетверку», вернулись, а она горит. Сбили. Погибли почти все основные местные начальники. Единственный, кто уцелел – мой подсоветный, начальник инженерных войск Северного фронта. Он опоздал на аэродром, и это спасло ему жизнь. Простой рок.

– **Ми-24 сбили чем?**

– Из гранатомета **РПГ-7**.

– **Летели низко?**

– Там только на бреющем все полеты, самолет колесами по макушкам деревьев задевает. С непривычки это очень неприятно.

– **Иначе из Стрелы-2 собыют?**

– Из **Стингера**. Американцы поставляли **Стингеры**.

– **Я слышал, что и наши Стрелы-2 и Игла-1 были у УНИТА?**

– Ну, понятно, были случаи, конечно, переходили из **ФАПЛА** на их сторону.

– **Инженерная техника наша тоже была не новая?**

– Инженерная техника поставлялась в Анголу новейшая. Я всегда учил бережному отношению к технике, говорил: «Вы не поверите, у меня на родине техника старше моих бывших солдат, а вам мы даем новейшую, прямо с конвейера, с завода».

Технику поставляли именно по штатной структуре: отдельная фронтовая рота – это в принципе наш батальон, маленькие субподразделения, взвод – это как роты. То есть организационно-штатная структура идентичная нашей структуре. Соответственно и вооружение.

– **Перечислите хотя бы основное вооружение.**

– Мостовые средства: тяжелый механизированный мост (**ТММ**) на базе **КраЗ-255**. Они освоили наиболее успешно именно этот вид техники, потому что часто приходилось применять его. Кстати, на дороге, которую охраняла бригада товарища **Сагачко Вадима Андреевича**. Недалеко от их расположения была речка. У меня там находился постоянный расчет с **ТММ**. Утром рано его выставляли, в течение дня пока колонны идут, вечером опять все собирали. На ночь оставишь – к утру его уже не будет, по ночам действовали диверсионные группы, которые могли вывести мост из строя. И так каждый день. Вследствие этого, естественно, большой износ. Там ведь тоже рассчитано на определенное количество циклов. Поэтому инженерное вооружение поставлялось только новое.

Теперь о переправочно-десантных средствах (**ПДС**). Они применяется для переправы вооружения, техники, личного

состава. Гусенично-самоходные паромы (ГСП) – для переправы танков. Фильтровальные станции, средства добычи воды – **МШК-15**, **УДВ-15**. Средства поиска и разведки минных полей. Правда, широкого применения миноискатели не нашли. Эти, в основном, выдавались на склад. На тот период у нас еще только появились (благодаря Афганистану) радиоволновые миноискатели **РВМ**, но мы их не поставляли. Для уровня знаний солдат-ангольцев – это было бы недостижимо. Откровенно говоря, первые образцы **РВМ** могли эксплуатировать только люди с музыкальным образованием. Изменение тональности мог уловить только человек с хорошим слухом.

– **А еще что поставляли?**

– Средства для проделывания проходов – удлиненные заряды разминирования **УЗ-ЗР** – практического применения, как я уже говорил, не нашли. Приходилось применять только отдельные элементы для проделывания проходов, т.е. с помощью реактивного заряда.

– **А использовали танки с минными тралами?**

– Ну, это самое главное. Мы поставляли минные тралы, но использовали его сами танкисты. **КМТ-5** как раз на **Т-55**. Но ангольские танкисты искали любой способ его отцепить, чтобы танк не изнашивался быстро, толкая такую тяжесть перед собой.

– **Потому и подрывались?**

– Минный трал для чего нужен? Это первая разведка минного поля. Он проход не делает. Это индивидуальное средство прохода минного поля. Тем более он рассчитан на 6–8 взрывов. В любом случае после этого проделывается проход. В наших войсках мы вручную не делаем проходы, только специальными средствами. Есть специальные удлиненные запускаемые снаряды по воздуху. Слышали, наверное, – **УР-77**, **УР-67**. Это реактивные системы, которые по воздуху опускают удлиненный заряд разминирования на минное поле. Экипаж не выходит из бронированной машины, все под-

рывается и получается проход 6–8 метров, достаточный для любой техники.

– **А глубина не большая?**

– А зачем глубина? Танкист, когда едет, ориентируется по середине колеи заряда, который взорвался, а избыточное давление от заряда приводит к детонации или повреждению всех боеприпасов шириной до 6–8 м, т.е. 4 м в обе стороны от этой борозды.

– **Против всех мин – противотанковых и противопехотных?**

– Конечно. Мины получают механические повреждения. Часть детонирует, а часть просто выбрасывает. Если она на бок встала, то уже не детонирует. Чтобы ее привести в боеготовое состояние, нужны определенной силы усилие на взрыватель и горизонтальное положение.

– **А специальные мины использовали?**

– Там таких не было. Это для спецгрупп. Целый раздел у нас в миновзрывном деле так и называется – «Специальные мины». Это противотанковые, противотранспортные и другие. Сейчас очень широкое применение получили управляемые мины.

– **Это радио, лазерные или по проводам?**

– И по радио, и по проводам.

Что касается землеройной техники, то для фортификационного оборудования позиций, командных пунктов, районов расположения войск, СССР поставлял основной перечень землеройной техники, стоящей на вооружении инженерных войск нашей армии. Это, прежде всего, **БТМ** (быстроходная траншейная машина), экскаваторы **ЭОВ**, различные модификации тракторов с навесным бульдозерным оборудованием.

Землеройная техника, в основном, применялась при фортификации командных пунктов округов (фронтов), бригад, тыловых пунктов управления. Что касается позиций частей и подразделений, то, как правило, вручную.

Приведу пример применения землеройной техники, в частности, **БТМ**, при оборудовании передового командного пункта в районе Куито-Куанавале. Практически между всеми элементами **КП** (командного пункта) была создана система траншей и ходов сообщений в полный профиль.

Идешь по траншее – только небо голубое. По крайней мере, это обеспечивало защиту личного состава при перемещениях. Потому что, пришлось испытать на своей шкуре, приезжаешь и начинается обстрел, **G-5**, начинает работать, (а у нас каждый день в это время в 8 часов утра было совещание).

– **Траншейный экскаватор – у него специальный ротор?**

– Да, специальный ротор, причем производительность исключительная: полный профиль траншеи до 400 м/час, глубина до 1,5 м. Но там песок, конечно, грунты легкие. Но корневища всякие попадают... Раз, забилось, приходится прочищать.

– **А на них местные солдаты работают?**

– Естественно, вся эксплуатация нашей техники, только личным составом Анголы. Приходилось их учить, конечно. В каждом округе, а потом фронте, были учебные подразделения. Непосредственно в городе Менонге, где был штаб 6-го военного округа, была, так называемая школа «**Марколино**» по подготовке младших специалистов – механиков-водителей.

– **На эту технику или на любую?**

– На любую. Все, что есть в данной группировке.

– **Как вы сказали – машина?**

– **БТМ** – быстроходная траншейная машина на базе артиллерийского тяжелого тягача, на котором смонтировано спецоборудование. В отношении ремонта было тяжелее. Приходилось ремонтировать и своими руками. Несмотря на то, что я не специалист, а советник – у меня другие задачи были – засучиваешь рукава, лезешь на машину, ремонтируешь, тыкаешь носом, учишь и вперед.

– **А использовали для охраны танки Т-34 или Т-54Б, Т-55?**

– **T-55.** Ну, **T-34**-ки. Их обычно ставили стационарно, закапывали, одна башня торчит, боекомплект и экипаж сидит на дежурке. В случае чего занимает позицию. Артиллерия, как правило, если на огневых позициях, т.е. когда получит конкретную задачу, выходит на позицию. А так – в базовых районах, все рассредоточено, боевые расчеты роют себе землянки, блиндажики. Я полгода прожил в землянке. Сразу как прибыл, пока юаровцы не ушли, мы жили в лесу в землянке.

– **Это какой километр был от Куито-Куанавале?**

– 13-й километр.

– **А кубинцы?**

– А кубинцы еще дальше – километров, наверное, на 18. От нашего района километра 3–4.

– **Землянки, наверное, были у вас с отоплением?**

– Какое отопление! Помню, первая зима. У них нет зимы в нашем понимании, просто сухой и влажный периоды. Зима – у них сухой период, а лето – влажный. Прохладно довольно-таки за счет перепада температур: днем, допустим, 40°, а ночью 16–18°C, а бывает и 6–8°C. Ну, мы-то привычные к такой температуре, а местные... Вот часовой стоит. Я иду, проверяю ночью посты: «Сантинела, дурмир?»²² – «Но, но дурмир»²³. Фонариком светишь, ни хрена не найдешь его. Только, если в глаза попадешь. А он спит – в одеяло закутается, автомат где-то валяется, а он спит. Вот так организована служба.

– **Сколько накатов было у землянок сделано?**

– Мы старались делать в три наката. Но их часто заменяли. Проходит где-то три месяца – снимаешь. Когда дерево на корню, его термиты не берут. Как только спилишь, обшкуришь, через 3 месяца все сыплется. Специально обрабатывали соляной кислотой, мазута не было (вот если гудрончиком, может и не жрало бы!), но бревна толщиной в 25–40 см все равно превращались в труху.

²² Спишь часовой? – *искаж. португ.*

²³ Нет, не сплю. – *искаж. португ.*

– **Термиты все жрали?**

– Да. Я один раз положил коробку с вещами и долго ее не трогал. Потом дотронулся – она вся рассыпалась. Пришлось все доставать, стирать, проверять. И очень много было змей.

– **Именно в Куито-Куанавале или везде?**

– Везде. Змеи были практически везде. В Куито я даже на подушке у себя застрелил. Меня спас **Толя Кальянов** – советник 36-й бригады. Когда он прибыл, мы его не отпускали в расположение бригады, потому что его бригада далеко была, и в целях безопасности он у нас жил. Вечером приезжаю с рекогносцировки (мы готовились к операции) усталый, грязный. Захожу, разделся, помылся, хотел ложиться спать. **Толя** говорит: «Давай чайку попьем». Я говорю: «Давай». **Кальянов** пошел за чаем, а я стал доставать кружки, сахар. Заходит **Толя** с чаем и вдруг говорит: «Слушай, **Коля**, змея». Я думал, он шутит. «Посмотри на свою подушку». А у нас в земляночке две кровати было – моя и прапорщика молодого из 59-й бригады. Тот как оттуда рванул! А я пригляделся: точно – на подушке у меня свернулась песчаная эфа²⁴. Как раз шел период спаривания. И видно самка искала место для гнезда, для кладки. Вот если бы не **Толян**, все бы²⁵. А мой пистолет там. У кого-то выхватил пистолет, она почувствовала и по перекладине начала уползать. И я ее в голову.

– **А пистолеты какие были – ТТ или Макаров (ПМ)?**

– **Макаров**. Оружия очень много было. Разнообразного. Очень много было трофейного. **Узи** у меня был трофейный. Но к нему у меня патронов не было. А так, конечно, нашему оружию противопоставить нечего. **Калаш** (7,62 × 39 мм) и больше ничего не надо. 5,45 (5,45 × 39) там не применялся,

²⁴ Песчаная эфа – ядовитая змея, длина которой может достигать 70–76 см. От ее укусов ежегодно погибает по меньшей мере 10000 чел. (*прим. ред.*).

²⁵ Укус ядовитой змеи в шею или голову в подавляющем большинстве случаев приводит к летальному исходу (*прим. ред.*).

потому что это не автомат. Я не знаю, почему перевооружили наши вооруженные силы? Пример: приднестровский конфликт. Бой в городе – это только 7,62 мм. Значит, та сторона противоположная (не буду говорить молдаване, потому что там были и молдаване, и русские, и украинцы, с этой стороны тоже были молдаване, русские и украинцы, почему народ столкнули лбами, большую Молдавию и Приднестровье, не знаю) вооружены 7,62 мм румынскими автоматами-калашами, (АКМ), мы – 5,45 (АК-74). Для боя в городе 7,62 очень эффективная вещь.

В тот период, когда проходили события в Приднестровье, в 1992 г., я служил в 14-й Гвардейской общевойсковой армии на должности заместителя начальника инженерных войск.

Я официально получил задачу от командующего генерала **Ю.М. Неткачева** – возглавить временно командование 2-м понтонно-мостовым полком, который дислоцировался в городе Бендеры. Была поставлена задача: оборонять свой пункт постоянной дислокации, ремонтный автомобильный завод и участок обороны от военного городка до реки Днестр. Основная цель – не допустить прорыва противоборствующей стороны к железобетонному мосту через реку Днестр. Общевойсковое усиление – 2 танка, 3 БТР и мотострелковое отделение. То есть получилось, что понтонеры практически должны действовать вместо пехоты. Ну, я же не буду бросать специалистов – инженеров на решение несвойственных для них задач. Поэтому мы широко применяли мины направленного действия в управляемом варианте.

– **Т-64 были на вооружении у 14-й армии?**

– У нас был **Т-64БВ** на вооружении. С активной защитой.

– **Она была в активном состоянии?**

– Была, реально.

– **Почему же тогда какое-то количество из гранатометов и пушек молдаване подбивали?**

– Смысл в чем. Ребята ехали, наши же гвардейцы. Пошли на боевые действия с полными внешними топливными баками. Снаряд ударил, запасные баки на броне, танк загорелся, двигатель работает, а воздух затягивает пламя внутрь. Система пожаротушения не срабатывает – пожар.

– **То есть другими словами, танки пропали из-за неопытности экипажа?**

– Очень много техники было потеряно в результате неопытности. И потом **«Рапира»** [противотанковое гладкоствольное орудие калибра 100 мм типа **МТ-12 «Рапира»**] – противотанковое средство исключительное, почти в лоб била. Они стояли на противоположном берегу (около Бендер), новый мост как раз построили через реку, и когда танки дошли почти до середины моста, их расстреляли просто как котят. Поэтому здесь активная защита не сыграла свою роль, там почти в упор шлепало²⁶.

– **Эта защита хороша, но на более дальнем расстоянии? То есть мощное противотанковое оружие, если с близкого расстояния, то защита бесполезна?**

– Ну, конечно. Понимаете, для изучения таких вопросов у нас есть специально те, кто этим занимается. Мы нашим бравым танкистам что поставляем? Боевые взрывчатые вещества в коробочках. Но там обыкновенное классическое пластичное взрывчатое вещество.

– **То есть Т-64, хотя и старая машина, но все-таки мощная?**

– Это не старая машина. **Т-64БВ**²⁷ – это очень современный модернизированный танк.

²⁶ Подкалиберный снаряд с титановой сердцевинкой калибра 100 мм артиллерийского противотанкового орудия **МТ-12 «Рапира»**.

²⁷ Танк **Т-64БВ** (до 4000 единиц) состоит в резерве сухопутных войск России. Вместо него российская армия использует состоящие на вооружении танки **Т-90**, **Т-80** и **Т-72**. Танк **Т-64БВ** является ос-

– А что сейчас идет за разговор, что ввести в дело собираются автомат АК-103 калибра 7,62 мм?

– У нас есть приказ министра обороны (его никто не отменял) о перевооружении Вооруженных сил России вместо АК-74 – на **Абакан (АН-94)**. Видели вы, чтобы хоть одно подразделение перевооружили? То есть у нас сейчас приказы издаются, законы издаются, но никто их не исполняет. Так и остался на вооружении АК-74.

– Но Абакан же тоже 5,45 мм?

– Ну что Вы, это же совершенно другое огневое средство. Я закончил служить в Косово. По сравнению с нашими у блока НАТО почти все стрелковое оружие с оптикой. На наш **Калаш** поставить оптику – это совершенно другое средство. По своим огневым данным – никакая американская штурмовая винтовка в сравнение не идет. Американская **М-16** – это дерьмо. Наш автомат – это автомат! Просто надо повысить его эффективность. Поставить хороший оптический прицел, и ты будешь не достигаем.

– Говорят, что собираются принять новые виды вооружений?

– Не знаю, ведь средств-то нет. Юридически вроде обосновывается, издаются приказы – а денег нет. У нас очень много образцов, по которым приняты указы, а в войска не поставляются. Еще в 1993 г... были проведены сборы нашего 15-го научно-исследовательского института инженерных войск им. генерала Карбышева в Нахабино (есть такой инженерный город в Подмосковье). Есть образцы инженерного вооружения, аналогов которым в мире нет на сегодняшний день. Есть приказ все принять на вооружение, а в войска ничего не поставляем, потому что средств нет, полностью уничтожен военно-промышленный комплекс, специалисты

новным боевым танком сухопутных войск Украины (до 2000 единиц). **Т-64БВ** способен на равных вести бой с любым из современных отечественных или зарубежных танков (*прим. ред.-сост.*).

ушли, предприятия и уникальное оборудование растащены. Хорошо, что сейчас новый начальник инженерных войск вооруженных сил России во главу своей деятельности ставит вопрос сотрудничества с промышленным комплексом, чтобы действительно перевооружаться. Те образцы, которые есть – это уже позавчерашний день.

– **О Косово?**

– Ну, вы помните, как это получилось. В Боснии, когда в 1999 г. 180 десантников совершили суточный марш в Косово и захватили аэродром Слатина, и параллельно рядом авиационный городок, где когда-то дислоцировался авиационный полк. Полк когда-то улетел в большую Сербию, и этот городок был полностью разбит. Наше управление группировки РВК и располагалось потом в этом военном городке. Надо отдать должное американцам – точно били! Били по пустым казармам (там уже никого не было), разбили электростанцию. ТЭЧ – обслуживание самолетов – объекты, которые влияют на боеготовность, были уничтожены. Но самое главное не это, этот полк располагал уникальным подземным сооружением, и весь полк базировался под землей. Югославам в свое время помогали строить наши метростроевцы. Объект строился 8 лет. Я подобных сооружений нигде не видел. Американцы применяли свои суперсовременные боеприпасы, управляемые, с космоса, глубинные бомбы. Но единственное, что они там пробрили – это северный вход, где защита насыпная была. На целостность и функционирование аэродрома это не повлияло совершенно. А так, натыкали дырочек. И одна бомба, вдобавок, не взорвалась. Вот первая моя задача была с группой саперов найти ее на 10-метровой глубине. Но ее взорвать можно было только на месте. Она где-то 500-ка всего-навсего. Бомба глубинная, и при достижении определенной глубины идет фугасный взрыв. Но мы сделали не фугасный, а направленный, то есть все продукты взрыва, просто ушли вместе с осколками в тот шурф, который мы вырыли. Американцы были очень удивлены решением и реальным выполнением задачи. Они хотели сами,

раз их бомба. Но мы их не пустили – это наша территория. И второе: она управляемая 500-килограммовая, ее запустили в 60 км от аэродрома. Не сама бомба, а ее оболочка и ракетоноситель, который ее доставил на объект. Там электроника и так далее. Мы там ряд элементов, когда раскапывали, обнаружили. Плата, допустим, искореженная, но специалисты разобрались. Все это отправили в соответствующие органы, и там ребята, наверное, получили ордена за это.

– А, правда, что это сбитый «невидимка» F-117, кусочки которого к нам привезли?

– Я не знаю дальнейшую судьбу этого самолета, который сбили сербы. Но, может быть, наши, скорее всего, его забрали.

– А закончили Вы службу где, в Чечне не были?

– Нет, я в Чечне был только в командировке.

– Там фактически тоже инженерные заграждения, как на обычной войне?

– Естественно.

– А там действительно танки Т-62 до сих пор используют?

– У нас сейчас все силовые структуры стремятся приобрести войсковое вооружение. Это не понятно. Может быть и есть. Я не готов говорить за другие структуры. Я представитель российской армии. У нас пытаются организовывать свои учебные заведения. То есть государственные деньги улетают как в трубу, хотя у нас есть прекрасная школа. Вот подготовка младших инженерных специалистов: на сегодняшний день у нас три региональных учебных центра по подготовке, по основному перечню специальностей. И мы готовим специалистов для всех силовых структур. И раньше реально готовили, и сейчас продолжаем готовить. Но некоторые начальники этих силовых структур пытаются автономно организовать свои учебные заведения, не имея ни персонала, который мог бы грамотно и квалифицированно подготовить специалиста, ни соответствующую базу, никаких наработок – нет, зато свое. А это же деньги.

– **А в Москве Вы служите с какого года?**

– После расформирования 14-й гвардейской армии в Приднестровье, в 1995 г., генерал-лейтенант **Александр Иванович Лебедь** улетел 1 мая в Москву. Я был выведен из штата, и, находясь в распоряжении командующего оперативной группой генерала **В.Г. Еневича**, получил предложение от начальника инженерных войск Министерства обороны послужить до окончания военной службы непосредственно в центральном аппарате. Вначале был принят на должность заместителя начальника отдела боевой подготовки, затем возглавил отдел боевой подготовки и с этой должности уже уволился.

– **Вы уже несколько лет в запасе?**

– Я уволился в марте 2002 г. в запас, но год еще оставался в Управлении служащим, гражданским. Приходил уже без погона, в гражданском платье и своего сменщика наставлял на путь истинный.

– **Вводили в курс дела?**

– Да. В течение года, когда убедился, что парень на правильном пути, нашел нормальную работу и сейчас тружусь.

– **Сейчас Вы в крупной коммерческой фирме работаете инженером по подземным автостоянкам?**

– Да. У меня в ведении находятся все стоянки компании – подземная на 150 мест и две наружные.

Дополнительные сведения:

В настоящее время нахожусь на государственной гражданской службе в Федеральном агентстве по государственным резервам.

Награжден орденами: «Красной звезды», «За личное мужество», «За военные заслуги» и многими медалями.

ВОСПОМИНАНИЯ
Сагачко Вадима Андреевича,
полковника запаса¹

АФРИКАНСКИЙ «АФГАНИСТАН»

– Расскажите о себе.

– Судьба у меня, как и у многих офицеров. Родился в семье военнослужащего. Отец фронтовик, офицер-танкист, провоевавший с первого дня Великой Отечественной войны до последнего.

Учился в Минском суворовском училище, в Бакинском общевоинском, закончил Военную академию имени Фрунзе в Москве.

Прошел все ступеньки службы в войсках – от командира взвода (по воле случая при распределении из училища я попал служить в тот же полк, в котором воевал мой отец) до начальника штаба полка.

С 1988 г. по 1990 г. работал военным советником на юге Африки – в Анголе, принимал участие в боевых действиях, был ранен. По возвращении из командировки работал в системе Министерства по чрезвычайным ситуациям. География службы большая: Закавказский военный округ, Группа советских войск в Германии, Северо-Кавказский военный округ.

В 1981 г. в составе сводного автомобильного батальона выполнял задачу по доставке грузов на территорию Афганистана, награжден орденом «Знак Почета».

В 1992 г. эвакуировал семьи военнослужащих из Грозного, когда боевики генерала Дудаева захватили военные городки и расположения воинских частей.

¹ **Сагачко Вадим Андреевич** – Председатель Совета региональной общественной организации участников оказания международной помощи Республике Ангола – «Союз ветеранов Анголы».

В 1993 г. участвовал в миротворческой операции по разьединению воюющих сторон в зоне грузино-абхазского конфликта.

Прослужил 32 года. В запас ушел в 1999 г.

– **Как Вы пришли в Анголу?**

– Пешком, разумеется, не шел. Прилетел на самолете, в августе 1988 г. 9 августа вылетели из Москвы, а примерно через 14 часов в 10.15 утра 10 августа приземлились в столице Народной республики Ангола – Луанде. Это был рейсовый самолет «Аэрофлота», кажется **Ил-62М**, на котором летели африканцы, моряки советского рыболовного флота, гражданские и военные специалисты, работавшие в Анголе.

Но моя ангольская эпопея началась гораздо раньше, в конце ноября 1987 г. По окончании осенней проверки, находившийся у нас в дивизии, заместитель начальника управления кадров округа (который раньше работал у нас начальником отдела кадров дивизии и хорошо меня знал) предложил мне заграникомандировку. «Или в Эфиопию, или в Анголу, но смотри, там стреляют», – сказал он. «Знаю, – ответил я, – газеты читаю, за международной обстановкой слежу. Я согласен».

После отъезда комиссии, примерно через неделю, пришло распоряжение из штаба округа об оформлении на меня документов в заграникомандировку в Народную Республику Ангола на должность начальника учебного центра по подготовке мотострелковых подразделений. Командировка на 3 года, вместе с семьей. Это меня очень удивило. Какая семья? Ведь там война! На юге страны идут тяжелые бои с регулярными частями южноафриканской армии, которая вторглась на территорию Анголы на расстояние до 300 километров от границы. А по всей территории с 1975 г. не прекращались бои с вооруженными формированиями оппозиции, шла гражданская война.

Но, наверное, так было положено для маскировки. Ведь про войну в Анголе и до сих пор толком мало кто знает. Это одна из так называемых «неизвестных» второй половины XX века, в которых участвовали наши люди. В советские времена при-

существование наших военных специалистов за рубежом в воюющих странах было тайной, и компетентные органы даже брали подписку о ее неразглашении.

Через неделю все документы были оформлены и отправлены в Управление кадров штаба Северо-Кавказского военного округа в город Ростов-на-Дону. А в конце февраля 1988 г. меня вызвали в Штаб округа на заседание Военного совета, где утвердили мою кандидатуру в заграникомандировку.

После этого прошло пять месяцев. Все это время (февраль – май) «Красная звезда» публиковала статьи и очерки с фронтов Анголы. О наших советниках тоже писали, но о том, что они участвуют в боевых действиях, надо было читать «между строк». Особенно запомнилась статья в газете «Красная звезда» за 9 мая 1988 г. о бое кубинских танкистов с юаровскими танковыми подразделениями. Я уже было думал, что вместо меня в Анголу поехал кто-то другой (так тоже очень часто бывало). Но 27 июля пришла шифрограмма – срочно сдать дела и через три дня прибыть за назначением в Москву, в управление кадров Сухопутных войск.

Я прилетел в Москву 29 или 30 июля. Там мне выдали командировочное предписание и направили в «десятку» (10-е Главное управление Генерального штаба Министерства обороны СССР). В «десятке» неделя занятий и оформление документов, а 6 августа я должен был вылететь в Анголу. Но что-то там не складывалось, то ли с вылетом самолета, то ли с билетами на нужный рейс, и я улетел только 9-го августа 1988 г.

– **Какую в «десятке» Вам ставили задачу?**

– Помочь в становлении молодых Вооруженных Сил республики, научить хорошо воевать, наладить боевую подготовку. Ведь в Анголе с 1975 г., с момента получения независимости, мирной жизни не было. Молодые Вооруженные силы республики с помощью кубинцев и наших военных советников и специалистов отражали интервенцию соседних стран – ЮАР и Заира. Националисты из **УНИТА** и **ФНЛА** вели вооруженную борьбу за власть. В стране шла гражданская война.

Это был «африканский Афганистан». Такая же минная война на дорогах, такие же антиправительственные мятежники. Все очень похоже. Только континент другой, природа другая, климат другой и местные «душманы» – люди с черной кожей. Действия антиправительственных сил поддерживались вторжениями регулярных заировских и юаровских войск. Если бы не кубинские батальоны и не наша военная помощь, Луанда могла бы не выстоять. Мы помогали правительственному режиму, а вооруженная оппозиция пользовалась поддержкой Запада. Советских войск там не было, только советские военные и гражданские советники и специалисты. А против них воевали регулярные южноафриканские части при поддержке танков, артиллерии и авиации. «Такого не было даже в Афгане», – говорили во время боев с юаровцами в 1987–1988 г. наши советники, побывавшие в Афганистане.

В «десятке» мне сказали, что я еду не начальником учебного центра, как первоначально планировалось, а советником командира 3-й пехотной бригады. Это в 3-м военном округе, в провинции Мошико, на востоке Анголы. Бригада уже целый год не вылазила из боев с **унитовцами**. Целый год в рейдах по джунглям.

Когда мы прилетели, то Главного военного советника – генерал-лейтенанта **Петра Ивановича Гусева** не было. Он улетел с проверкой на Северный фронт. До Анголы генерал-лейтенант **Гусев**, кажется, был заместителем командующего Прикарпатским военным округом. Когда он вернулся, то сказал, что в 3-й бригаде уже есть офицер, назначили на месте. Тут, говорит, обратились из Министерства обороны Анголы, им нужен советник в 10-ю пехотную бригаду, надо помочь. Там никогда не было наших советников.

10-я пехотная бригада была переброшена из анклава Кабинда (есть там на севере страны за рекой Конго такая изолированная от всей страны провинция) на юг, в район населенного пункта Куито-Куанавале. Задача – охранять дорогу из города Менонге (это центр провинции Квандо-Кубанго) в на-

селенный пункт Куито-Куанавале. А Куито-Куанавале был передовым форпостом, за который шли тяжелые бои с юаровскими частями и **унитовскими** подразделениями. В прессе его называли «ангольский Сталинград»... До этого по дороге невозможно было проехать – засады, мины. Обыкновенная транспортная колонна **ФАПЛА** выходила из Менонге и двигалась до Куито-Куанавале (около 200 км) почти две недели. Впереди медленно шли саперы, проверяя миноискателями и щупами дорогу, а сзади ползли груженные продовольствием, боеприпасами и имуществом машины. На удобном участке **унитовцы** устраивали засаду. Головную машину подрывали фугасом, а остальные расстреливали минометным огнем или в упор из пулеметов, гранатометов, а то и из крупнокалиберных пулеметов. Местное население эту дорогу называло «дорогой смерти», в войсках же – «дорогой жизни», т. к. по ней шло все снабжение войсковой группировки в Куито-Куанавале.

Потом я насчитал на этой дороге более 360 единиц подбитой и сожженной техники (машин, бронетранспортеров, танков). Это было очень похоже на кадры кинохроники из Афганистана. Только об этой ангольской войне у нас в стране в то время было практически неизвестно.

В сентябре–декабре 1987 г., когда под Куито-Куанавале шли ожесточенные бои и требовалось непрерывное снабжение войск, приняли решение организовать охрану дороги на всем ее протяжении в провинции Квандо-Кубанго. На западе от города Куши, что на границе с провинцией Уила и до Куито-Куанавале на юго-востоке провинции.

Участок от города Куши до города Менонге охраняла 63-я пехотная бригада. Участок от города Менонге до реки Куатир был под охраной 8-й пехотной бригады, местного территориального батальона и кубинской тактической группы. От реки Куатир до населенного пункта Лонга и от населенного пункта Лонга до деревушки Масека, это 53 километра шоссе, охраняла моя бригада. А от Масеки в сторону Куито-Куанавале охранял местный территориальный батальон. Это народное

ополчение, т. е. полувоенные формирования. Они были одеты в военную форму, им дали оружие, но проживали они вместе с семьями в своих деревнях. Участок шоссе непосредственно перед Куито-Куанавале был тоже под охраной кубинцев.

Практически 10-я пехотная бригада держала оборону на фронте 53 километра, что никакими уставами не предусмотрено. Позже, когда начался отвод кубинских войск, добавили еще 6 км. Кроме обороны 53 километров шоссе, в задачу бригады входило проведение в зоне ответственности бригады частных операций. Зона ответственности бригады это по 50 км в каждую сторону от дороги, на север и на юг, территория на которой бригада проводила операции и рейды по обнаружению и уничтожению баз и отрядов противника (подразделений УНИТА).

Но это все было еще впереди. А 9 августа 1988 г. мы сели в самолет **Ил-62М** в Москве. В самолете летели африканцы и наши специалисты. В нашей группе летело 9 или 10 человек. Помню, что было двое связистов, моряк, десантник, а остальные мотострелки. Фамилии некоторых я помню: это подполковник **Небрат** – связист, направлялся советником начальника связи округа, капитан III ранга **Варфоломеев Сергей** – моряк, направлялся специалистом на военно-морскую базу в Луанде, майор **Гриценко** – мотострелок, направлялся специалистом в учебный центр по подготовке бойцов СВАПО и подполковник **Гапонов** – десантник, советником командира бригады.

Краткую текущую информацию по Анголе я почерпнул от соседей по самолету, которые проработали там уже год или больше и возвращались из отпусков. Помню, со мной рядом сидели два офицера, которые возвращались из отпуска. Они работали специалистами по подготовке партизан в лагерях СВАПО в Анголе. Вот они мне и рассказали о реальной обстановке в стране. А общую информацию по Анголе – политический строй, традиции, история, какова ситуация в стране – нам давали на занятиях в «десятке».

– **Кто давал Вам эти знания?**

– Когда мы прибыли в «десятку» с нами начали проводить занятия по 8 часов в день. Занятия проводили по всем вопросам нашей командировки: история страны, география, политика, экономика, национальные особенности; оперативная обстановка, информация по боевым действиям; структура и вооружение правительственной армии; структура и вооружение противника, то есть армии ЮАР и вооруженных формирований **УНИТА** и т. д. Перед нами выступили медик, финансист, тыловик, разведчик, кто-то с управления боевой подготовки. Но чаще других с нами занятия проводил полковник **Зеленюк Николай Григорьевич**, он нас знакомил с оперативной обстановкой и положением на фронтах. Мы с ним оказались однокашниками, с одного военного училища, только он на год раньше меня закончил. Через год он тоже прибыл в Анголу помощником Главного военного советника.

Вечером занятия проходили в форме самоподготовки. Я был назначен старшим в группе. Мне вручали папку с лекцией, а я доводил содержание документа всей группе.

В самолете от соседей я узнал, что другие рейсы летают с посадкой в Будапеште. А в отпуск наши специалисты летают самолетом ангольской авиакомпании ТААГ, которая делает посадку в Риме или в Париже.

Первое, что поразило на подлете к Луанде, – это красная земля. У нас такой земли не бывает. Территория аэродрома была ограждена колючей проволокой. Вдоль полосы огневые позиции зенитных орудий, за проволокой остовы самолетов и ржавые остовы автомобилей всех времен и типов.

На аэродроме с одной стороны были гражданские самолеты с флагами всех государств, а по другую сторону ровными рядами выстроились транспортные **Ил-76** с флагом СССР на хвосте и надписью «Аэрофлот» на фюзеляже. Рядом с ними стоял зеленый вертолет с надписью «Аэрофлот», но на нем была подвеска **НУРСов**, и торчали стволы пулеметов. Чуть дальше у ангаров были пятнистые (камуфлированные) **Ан-26** с

национальным флагом Анголы на хвосте, но соседи сказали, что это кубинские самолеты.

Самое первое впечатление – душная, влажная, густая волна воздуха, которая встретила нас, когда открылись двери самолета. Как будто в парилку в бане вошли. Когда мы прошли через таможенный контроль, через паспортный и вошли в зал прилета – нас встречали. Там стоял представитель советской военной миссии с переводчиком, они были в повседневной форме ангольской армии, но без знаков различия. Кстати, носить воинские знаки различия нам не разрешали, поэтому зачастую кубинские солдаты думали, что мы тоже рядовые солдаты – резервисты. Мы еще некоторое время ждали, пока из самолета выгрузят наш багаж. В чемоданах у нас было все для автономной жизни на полгода в Африке, от иголки с ниткой и носового платка до сухого пайка на трое суток.

Потом подъехал автобус, и нас повезли через город в советскую военную миссию в Луанде. Нас поразила страшная нищета окраин, отходы и мусор на улицах, множество побитых машин всевозможных марок, снующих по улицам, казалося, без всяких правил.

– Ощущения было, что страна воюет?

– Нет, ощущения, что страна воюет, в Луанде не чувствовалось. Только сильно бросались в глаза некоторые непривычные вещи – зенитные орудия вокруг аэродрома, присутствие в городе большого количества военных в пятнистой камуфляжной форме и военных машин. Но ощущения, что страна воюет не было, т. к. следов войны в столице не было видно.

– Сколько дней были в Луанде?

– Пять дней. Сначала ждали Главного военного советника генерала-лейтенанта **Гусева**. Потом выходные дни – самолеты почему-то в эти дни не летали.

С отправкой тоже была заморочка. В понедельник, рано утром, привезли нас на аэродром для отправки в Менонге. Но оказалось, этот самолет не летит, отменили рейс. Нас увезли

назад в миссию. Потом снова поступила команда выехать на аэродром, на другой самолет, уже днем. Этот был с боеприпасами и бензином, поэтому отказался нас брать – не положено брать пассажиров вместе с таким грузом. Нас снова отвезли в миссию. В общем, целый день так прошел. Улетели вечером в этот же день на **Ан-26** Главного военного советника. Из Союза прибыл новый экипаж этого самолета, который производил облет машины и изучал маршруты. С этим экипажем мы уже встречались в «десятке».

А до этого все время жили в нашей военной миссии. Территорию миссии охранял кубинский караул. Распорядок дня, как в советской воинской части – утром политинформация, построение, развод, вечером фильм.

В один из дней нас повели на склады, где нам подобрали и выдали местную военную форму. Полевую – пятнистый камуфляж и ботинки с высокими берцами, и повседневную – легкие светло-зеленые брюки, светло-зеленую и бежевую тонкие рубашки с коротким рукавом, накладными карманами и погончиками.

– Форму кубинскую или ангольскую?

– Полевая была у них одинаковая. Фапловская форма шилась в Луанде из кубинского материала, поступала из Кубы или закупалась в Индии и Южной Корее. Определить это можно было по биркам (лейблам) «Angola», «Cuba», «Made in India», «Made in Korea» на воротниках рубашек (курток). Их единственное отличие в том, что форма из Индии была более плотная и чисто хлопковая. А кубинская и корейская были с добавлением большого количества полиэстера. Окрас у кубинской формы имел более яркие коричневый и зеленый цвета. А размер и форма пятен были одинаковые. У нас сейчас выпускается похожая камуфлированная ткань под названием «Камыш». Мне тогда выдали камуфлированную полевую форму, сшитую в Индии. Впоследствии, полевой формой мы снабжались у кубинцев (неофициально).

Вся группа, прилетевшая вместе со мной, ждала Главного военного советника. Когда он вернулся, нас вызвали к нему для беседы. И только после этого, нас отправили в свои части по разным фронтам. Только **Сергей Варфоломеев** сразу по прибытию был назначен на местную военноморскую базу и даже получил квартиру. Иногда он приходил к нам в миссию.

В один из дней я поехал к нему в гости посмотреть на бытовые условия, все-таки какая-никакая заграница. Но то, что я увидел, меня просто ужаснуло! 12-этажное здание в центре города. Внизу большой холл с мраморным полом и мраморными колоннами, но витринные стекла давно все разбиты. Квартира где-то на 5 или 7 этаже. Лифта нет. Сверху по мраморным ступенькам лестницы течет вода. На лестнице перил нет. Шахта, где раньше был лифт, завалена гниющими отходами. Под ногами снуют здоровые крысы. Нашел его квартирку. Дверь была выломана, он ее чем-то подпер с другой стороны. Пока там никто не жил, соседи, очевидно, воспользовались каким-то имуществом. Блок состоял из 3 квартир. В двух соседних квартирах двери отсутствовали. В квартире рядом сидели беженцы или переселенцы и прямо на полу жгли костер из остатков паркета – варили пищу.

В свое время какой-то из наших руководителей отказался от предоставленных для расселения наших советников и специалистов местной стороной вилл, оставшихся после португальских колонизаторов. «Мы, коммунисты, не должны жить как колонизаторы. Мы приехали помогать и должны жить вместе с братским народом!» Но ведь не в таких же условиях!!

В Луанде были и другие места проживания наших специалистов – это «Арарат», «Кука», «Аэропорт». Там было лучше, но обстановка все равно была спартанская.

– **Главный военный советник генерал-лейтенант Гусев говорил Вам, что возможно Ваше участие в боевых действиях?**

– Итак, было ясно, что мы будем задействованы в боевой обстановке. Потому что в стране идет война, и бригады, в которые нас направляют, воюют. Еще в «десятке», перед отправкой нас предупредили, что не исключена возможность участия в боевых действиях, и надо вести себя осторожно, куда не надо не соваться, беречь свою жизнь. К нам на занятия приходили офицеры, прибывшие из Анголы. Они принимали участие в боях, некоторые были ранены и награждены орденами.

– А сам главный об этом говорил? Или сказал – действовать по обстановке? Какие задачи поставили?

– Нам были поставлены общие задачи. Сказано было о том, что направляюсь советником в бригаду. Должен все время находиться при командире бригады непосредственно на командном пункте. Обеспечивать планирование, обучение, контроль. Насчет задачи об участии в боевых действиях, кажется, ничего не было сказано, сейчас уже не помню. Ведь моя бригада на охране шоссе была. Но если бригада идет в рейд, то я должен быть рядом с командиром бригады. И наше участие в рейдах отдавалось приказами по миссии в 10-м ГУ ГШ Министерства обороны СССР.

Несколько месяцев спустя, я как-то прилетел в Луанду. ГВС² генерал-лейтенант **Гусев П.И.** вызвал меня к себе и расспросил – чем занимается бригада, какая обстановка в зоне ответственности. Я начал докладывать, как организована охрана шоссе, о том какой противник находится в зоне ответственности бригады, какие мероприятия проведены бригадой в последнее время, но он меня прервал:

– Почему вы бездельничаете и не уничтожаете противника? Почему вот здесь база **УНИТА** – в 40 км от вас находится? Приказываю ее уничтожить!

– Но, товарищ генерал, в бригаде все силы и средства рассредоточены более чем на 50 км, и я не могу оголять охрану и оборону шоссе.

² Главный военный советник (*прим. ред.*).

– А вы одолжите у кубинцев танковую роту, посадите десант на броню и мощным танковым ударом уничтожьте базу противника.

– Но без приказа командир бригады действовать не будет. Для этого нужно, чтобы ангольский министр обороны отдал приказ на эти действия командующему фронтом или округом, а тот моему командиру бригады. А советником Министра обороны являетесь Вы, товарищ генерал. Отдайте ему приказ, чтобы бригада уничтожила эту базу.

– Что ты за чушь несешь? Как я могу отдать приказ Министру обороны чужой страны?

– Товарищ генерал, а как я могу отдать приказ командиру бригады чужой страны?

После чего мне было приказано немедленно убыть в свою бригаду и в столице не появляться.

Вот так я лично получил от ГВС устный приказ на участие в боевых действиях.

Мои знакомые из аппарата ГВС потом интересовались, чем это я умудрился испортить настроение генералу. Говорили, что у генерала **Гусева** со своим подсоветным – Министром обороны страны не совсем сложились взаимоотношения. И тот мог месяцами с ним не встречаться. А ГВС находил себе работу в личной проверке коллективов советских военных миссий штабов военных округов там, где, в основном, было безопасно. Он устраивал жесткие разносы тем начальникам (советникам), чью подшефную территорию обстреливали **унитовцы**. Поэтому руководители наших военных миссий в провинциях порой даже не обо всех нападениях и обстрелах **унитовцев** ему докладывали.

В нашей же провинции продолжались стычки с **унитовцами**. Юаровцы к тому времени отошли от населенного пункта Куито-Куанавале, но еще находились на территории Анголы. До середины сентября изредка продолжались артиллерийские обстрелы населенного пункта Куито-Куанавале, хотя еще в августе было подписано соглашение о прекращении огня и отводе войск.

– **Чем обстреливали?**

– Юаровские войска, по данным разведки, располагали 155 мм буксируемыми орудиями **G-5** (пушка-гаубица). Их позиции находились на расстоянии 40–47 км от Куито-Куанавале. А до отвода войск еще и **РСЗО** (реактивная система залпового огня) **Валькирия** на базе западногерманского грузовика **Унимог**, с дальностью стрельбы где-то около 22 км.

Я приехал уже после крупных боев с юаровцами. Как я уже говорил, было подписано соглашение о прекращении огня и отводе войск (кубинских и юаровских). Юаровские части отошли на 40–50 км, но все равно обстреливали Куито-Куанавале. Я с бригадой находился в 100 км от Куито-Куанавале, но получить «удовольствие» от юаровского обстрела сумел.

Это было в конце августа, когда нас вызвали в Куито-Куанавале на партсобрание. Когда мы просили разрешения приехать в баню в Менонге – было нельзя, дорога, мол, очень опасная, руководство несет ответственность за наши жизни. А на партсобрание поехать те же 100 км, только в сторону линии фронта – так в приказном порядке, и дорога уже не опасная...

В Куито-Куанавале находилась основная часть наших военных советников и специалистов, с пяти или шести бригад. И коллектив нашей бригады был тоже туда приписан. Туда должны были прилететь секретарь парткома из Луанды и какой-то гость из Москвы с разъяснениями очередного судьбоносного решения **Горбачева** и ЦК КПСС по «перестройке». Но когда их вертолет начал садиться на аэродром, начался артиллерийский обстрел. Вертолет сразу же улетел назад в Менонге. Говорят, что секретарь парткома и гость из Москвы за этот «подвиг» были награждены орденами «Красная Звезда»! Партсобрание отменили. Мы укрылись в «рефужах» (убежище, блиндаж). Ближайшие разрывы были от нас в 200–300 м, но все равно было не очень приятно. А вдруг прямое попадание в блиндаж? Пробьет – не пробьет перекрытие?

У местного командования было мнение, что этот обстрел вели **унитовцы**. Но у подразделений **УНИТА** на этом участке фронта на вооружении были только безоткатные орудия, установленные на джипах и буксируемые **РСЗО** китайского производства. Максимальная дальность стрельбы у безоткатных орудий была где-то 7–8 км, но так близко к городу они не могли бы подвести так много автомобилей. Правительственные войска к этому времени уже занимали рубеж на расстоянии 10–15 км от города. У **РСЗО** дальность стрельбы тоже около 10 км, но от их боеприпасов на месте разрыва остаются фрагменты от ракеты. Кроме того, в передовых частях не наблюдали со стороны противника залпа из **РСЗО**, который обычно сопровождается сильными демаскирующими признаками. Поэтому мы пришли к выводу, что огонь вели юаровцы из своих дальнобойных орудий. А вот приблизительно через год, в декабре 1989 г., в том же Куито-Куанавале я уже попал под обстрел **унитовских РСЗО**.

Мне рассказывали, что некоторые орудийные расчеты, когда шли бои за Куито-Куанавале, боялись стрелять из артиллерийских орудий и реактивных установок залпового огня. Стреляли наши офицеры. Ангольцы боялись стрелять, потому что через 8 минут после выстрела нашего орудия с той стороны – почти за 50 км прилетал южноафриканский 50-килограммовый «подарочек» (155-мм снаряд), который падал в радиусе 10 м от выстрелившего орудия.

Один раз воистину уникальный был случай. Наши советники одной из бригад рано утром должны были ехать на командный пункт группировки войск в Куито-Куанавале. Пытались завести свой грузовик, а он никак не заводился. А звук утром разносится далеко. Через 5 минут старший коллектива советников, в свое время прошедший Афганистан, подает команду: «Всем в укрытие! Бегом в канаву!» И через 3 минуты прилетает юаровский снаряд и попадает точно в кузов грузовика! Грузовик разнесло в щепы. Хорошо, что наши успели укрыться, и никого не задело.

Как и у нас, у юаровцев была звукометрическая разведка. Звуковая засечка с разных точек звука (звука выстрела орудия, работающего двигателя машины или танка) позволяет определить его точное местонахождение. Кроме того, локатором засекают полет снаряда и по обратной траектории определяют место расположения выстрелившего орудия.

Эти данные мгновенно поступают в подразделение электронно-вычислительных машин. Мобильные ЭВМ находятся в кунгах (будках) автомобилей. Автоматически замеряется температура воздуха, определяется высота над уровнем моря данной местности, влажность, направление и скорость ветра. ЭВМ обрабатывает эти данные и через 2–3 минуты выдает необходимую информацию на артиллерийскую батарею. Артиллеристам же остается только по этим данным установить прицел и зарядить орудие снарядом с нужным зарядом пороха.

А максимальная дальность стрельбы южноафриканских гаубиц такова, что нашим орудиям их не достать. Мы долгое время считали, что у них активно-реактивный снаряд, т. е. снаряд выстреливается из орудия обыкновенным пороховым зарядом, а на высшей точке траектории включается реактивный двигатель, и снаряд летит почти 50 км. Но, оказалось, в снарядах использовалось другое техническое решение. Улучшена аэродинамическая форма снаряда и добавлен донный газогенератор. Но суть та же, стреляют за 47 км и с очень высокой точностью.

И поэтому некоторые ангольские расчеты во время боевых действий боялись стрелять, чтобы не погибнуть. И стреляли наши специалисты. Надо было успеть отстреляться и быстро – в течение 8 минут не только самим уйти с огневых позиций, но и увести технику. Потом, правда, когда уже юаровцы ушли, при проведении операций против **унитовцев** работали уже только ангольские артиллеристы, обученные нашими специалистами.

Впоследствии, по справочникам я установил, что максимальная дальность стрельбы этих орудий только 30 км оско-

лочно-фугасным снарядами и 39 км снарядами с донным газогенератором. Но на наших картах, по данным авиаразведки, их огневые позиции находились в 47 км от нас. Возможно, на дальность полета снарядов влияло то, что средняя высота местности там была 1500 м над уровнем моря. Т.е. в данном случае атмосфера была менее плотная, меньше сопротивление воздуха полету снаряда, и поэтому он летит дальше. А, возможно, применялись опытные орудия с более длинным стволом, которые были приняты на вооружение в ЮАР в 1992 г.³

– **Как впервые попали в боевые условия?**

– Мы прилетели из Луанды в город Менонге – центр провинции Квандо-Кубанго. Прилетели я и связист – советник начальника связи округа подполковник **Небрат**. С аэродрома нас привезли в расположение советской военной миссии.

Перед нашим приездом прошла реорганизация военно-административного деления в Анголе. До реорганизации страна была поделена на военные округа. Каждая провинция – военный округ. Провинция Квандо-Кубанго – 6-й военный округ. Из них были созданы 4 новые военно-политические административные единицы – Южный, Центральный, Восточный и Северный фронта. А Фронт, в свою очередь, вместо округов делился на военные зоны – по провинциям, на территории которых они находились. И в Менонге 6-й военный округ преобразовался в Военную зону Квандо-Кубанго Южного фронта. Мы все смеялись, вернемся, дескать, в Союз и будем вспоминать: «Помнишь, братан, как мы в одной “зоне” срок тянули?»

В моей бригаде, как я уже говорил, наших советников не было. А во всех других боевых бригадах были постоянно. На-

³ Последние модификации южноафриканских снарядов типа **Ассегай** для модифицированных самоходных гаубиц **G-6-52** (по данным на 2006 г.) имеют дальность до 75 км (на самом деле – 67–72 км) (*прим. ред.-сост.*).

ши советники прошли с этими бригадами бои и с юаровцами, и с **унитовцами**.

Группа советников Штаба военной зоны во главе со старшим коллектива полковником **Величко А.М.** на следующий день выезжали в гарнизон Куито-Куанавале, ну и меня взяли с собой, чтобы ознакомить с обстановкой и познакомить с командиром бригады.

Как только мы выехали из города, обстановка сразу же запахла войной. Разбомбленные мосты, воронки, подорванная и сожженная техника по обочинам. Кое-где целыми колоннами. Все как в Афганистане, только вокруг лес и песок.

Прибыв в район расположения 10-й пехотной бригады, они представили меня командиру бригады и оставили знакомиться с положением дел. А сами поехали дальше в гарнизон Куито-Куанавале, пообещав забрать меня вечером на обратном пути. Но получилось так, что оставив колесную технику в Куито-Куанавале, обратно они улетели на кубинском вертолете. А я остался в штабе 10-й пехотной бригады.

Штаб 10-й пехотной бригады располагался в 19 км от населенного пункта Лонга в лесу, в землянках. Вокруг система траншей, ходов сообщения, огневые позиции зенитных установок и минометной батареи. Хорошо еще, что командир бригады капитан **«Исиндьярио»** немного говорил по-русски. И вот я несколько дней прожил в бригаде один, знакомился с организацией службы и боевой подготовки. Что называется – «врастал в обстановку».

– **Как Вы общались?**

– Командир бригады учился у нас на курсах «Выстрел», где и выучил русский язык. Кроме того, я с собой из Москвы привез самоучитель португальского языка и русско-португальский словарь. Их тогда в продаже не было, но мои знакомые в Москве взяли их в библиотеке, пересняли на ксероксе, переплели и подарили мне. Вот по этим двум учебникам я более-менее и общался. Но я общался, в основном, с командиром бригады, а он, как я уже говорил, немного говорил по-русски. Потом за

мною приехал советник начальника политуправления военной зоны полковник **Долинда Александр Людвигович**. Он забрал меня и привез обратно в расположение военной миссии в Менонге.

К тому времени туда прибыл подполковник **Яцун Юрий Николаевич** – советником начальника артиллерии моей бригады. Сейчас живет под Обнинском в Калужской области. А через пару дней приехал переводчик лейтенант **Поборцев Алексей Андреевич**. Он окончил московский гражданский институт иностранных языков. Это была его вторая поездка в Анголу. Первый раз его призвали за несколько лет до этого, во время учебы в институте. Сейчас он популярный тележурналист, работает на НТВ, специализируется по «горячим точкам». Это и был коллектив нашей группы советников и специалистов 10-й пехотной бригады. Когда наш коллектив собрался, нас начали оснащать и вооружать. Мы получили карты нашего района. Нам были выданы оружие, боеприпасы и радиостанция.

– **Радиостанция какая?**

– Сначала использовали советскую **P-143**. Но она, очевидно, была не совсем исправна. Мы не могли по ней установить постоянную устойчивую связь с миссией в городе Менонге. Из-за этого нам приходилось все время докладывать нашему командованию через кубинскую тактическую группу, которая занимала, на случай прорыва юаровских войск, оборону юго-восточнее населенного пункта Лонга. Через месяц **P-143** нам поменяли на коротковолновую английскую радиостанцию **Rokal (Рокал)**.

– **На сколько ее хватало?**

– Что имеется в виду? Дальность связи или же длительность работы на аккумуляторах? С военной миссией в Менонге, а это около 100 км, связь была устойчивой. Несколько раз ловили переговоры наших советников с Центральным и Восточного фронтов и связывались с ними, а это 400–600 км. Ловили переговоры южноафриканских подразделений, но связаться с ними

не пытались. Слушали даже Москву. На сколько времени хватало зарядки аккумуляторов – не помню. Но в комплекте с ней было зарядное устройство, чтобы подзаряжать аккумулятор радиостанции от автомобиля (12 В и 24 В), или от электрической сети (от 110 В до 250 В), поэтому связь была постоянная. Пропала она лишь во время грозы у нас или в районе Менонге. В штатном комплекте станции также имелся и велогенератор – закрепленная на подставке велосипедная рама с генератором, как велотренажер. Но нам его не выдали.

У коллектива советников любой бригады были грузовой автомобиль и бронетранспортер. Местная сторона должна была предоставить также отделение охраны и водителей.

– **Грузовик Энжеза? Что он из себя представлял по виду?**

– Да. Мы получили трехосный грузовик **Энжеза-25 (EE-25)** бразильского производства. Передняя часть, то есть облицовка двигателя, крылья, капот и кабина – угловато-квадратные. Кузов металлический. Ходовая часть – все 3 моста ведущих. Двигатель дизельный, сделанный по немецкой лицензии. Там, на двигателе, мерседесовская трехлучевая звезда и надпись «**Mercedes**». Крыша кабины и дверцы грузовика из прорезиненного брезента. Бензобак снаружи и снизу прикрывает толстый лист железа – от пуль и осколков. Это была простая машина военного образца. Я все время посмеивался: «Легкобронированный джип». А ангольцы не могли понять моего юмора и с жаром доказывали, что машина совсем не бронированная – кабина брезентовая, кузов открытый, разве, что только возле бензобака чуть-чуть брони. И вообще, это грузовик, а не джип.

– **А бронетранспортер?**

– Это был **БТР-60ПБ**, но он был в ремонте в местном ремонтно-восстановительном батальоне. «Выбивали» у местных властей очень долго. Этот **БТР** принадлежал советникам какой-то бригады с Восточного фронта, но он во время рейда в нашей провинции подорвался на противотанковой мине. Погиб водитель анголец, наши все живы остались. В ремонтном батальоне

округа его долго восстанавливали и очень долго не могли найти его аккумулятор. Тогда мы поставили на него аккумулятор с нашей грузовой машины и перегнали на территорию миссии, чтобы все самим проверить и подготовить к маршу.

Но это было потом. А пока нас, теперь уже втроем, повезли представлять командованию 10-й бригады. От местной стороны (ангольское командование) с нами поехали командующий военной зоной полковник **«Вьетнам»** и начальник политуправления военной зоны подполковник **«Марейра»**. И наши – советник командующего военной зоны полковник **Величко А.М.**, советник начальника политуправления полковник **Долинда А.Л.**, советник начальника разведки полковник **Митяев В.А.**, а так же еще кто-то из наших офицеров, работавших в штабе зоны. Двинулись караваном из нескольких машин. Ангольское командование на **Лендровере**, наше руководство на **УАЗике**, мы на санитарной машине, принадлежащей военной миссии в Менонге, – в центре колонны. Спереди и сзади колонны – грузовики с охраной.

Когда приехали в штаб бригады, нас представили командиру и офицерскому составу управления бригады. Впрочем, меня там уже знали. Потом мы выехали в 3-й батальон. Нас представили командиру батальона и офицерскому составу батальона. Был уже вечер, и мы заночевали в расположении этого батальона. Мы ночевали в «санитарке» – санитарной машине на лавках и на носилках. Загнали «санитарку» в окоп для автомобиля, в просторечье – «капонир», и там ночевали.

– **Санитарка?**

– Ну да, армейская санитарная машина **УАЗ-452** – «санитарка», «таблетка», «буханка». Где наше командование ночевало, в машинах или в землянках, я не помню.

Объехав днем расположения других подразделений бригады, на следующую ночь заночевали в полуразрушенном португальском коттедже без окон, без дверей, но вполне пригодном для жилья. В этом доме все ночевали – и ангольский командующий зоной и наши офицеры. Откуда-то принесли по-

ролоновые матрасы в зеленых чехлах. Выставили усиленную охрану и заночевали.

В эту же ночь **унитовцы** обстреляли из минометов расположение 3-го батальона бригады. Точно то место, где мы ночевали предыдущую ночь. Очевидно, у них были информаторы в бригаде или среди местного населения. Обстрел велся из ротных минометов калибра 51 или 60 мм⁴ (английский, производится в ЮАР по лицензии и французский), причем эти небольшие минометы очень интересные. Вместо прицела у них используется брезентовый ремень с бляшками. Натягивается брезентовый ремень по определенной бляшке, на которой выбита дистанция стрельбы – 1000 м, например. Одна сторона ремня должна быть вертикально, а другая – горизонтально. И миномет ведет огонь на 1000 м без сошек, правда, не очень точно. А если с сошек, а переносится все одним человеком, то довольно точно. На месте разрыва остается оперение мины. По оперению мы определили, что стреляли из минометов такого калибра. Но сколько было минометов, из которых стреляли неизвестно.

Было выпущено от 15 до 20 мин. Семь мин легли кучно в районе, где в окопах для машин стояли наш **УАЗик** и машины руководства. Две мины разорвались по брустверу окопа, одна разорвалась прямо в окопе на том месте, где стояла наша машина. Недалеко от этого капонира ангольские солдаты сидели, грелись у костров. Там упали четыре мины, причем одна – прямо в костер. Погибло 5 и ранило 7 солдат. Остальные мины разорвались в лесу, не причинив никому вреда. Взвод, который начал преследовать эту группу **унитовцев**, напоролся на тропе на противопехотные мины, которые установил отходящий противник. Погибло еще 4 солдата. Я до сих пор поражаюсь точности стрельбы минометчиков противника.

Утром мы продолжили объезд бригады. Смотрели другие подразделения. 10-я пехотная бригада, как и все ангольские

⁴ У нас подобные минометы сняты с вооружения еще во время Великой Отечественной войны (*прим. В.А. Сагачко*).

бригады, представляла собой нечто похожее на наш мотострелковый (стрелковый) полк и по штату, и по количеству личного состава.

За исключением того, что управление (штабные структуры) были как у нас в дивизии, т. е. оперативный отдел, политотдел и т. д.

В отличие от мотопехотной, в пехотной бригаде почти не было никакой техники – ни танков, ни бронетранспортеров. Просто 3 пехотных батальона, зенитный дивизион **ЗУ-23-2**, артиллерийский дивизион 76-мм пушек **ЗИС-3**, батарея **Град-П**, минометная батарея 82-мм минометов, инженерно-саперная рота, взвод связи, тыловые подразделения и несколько грузовых машин для обеспечения.

2 роты 1-го пехотного батальона были приданы другой бригаде, которая охраняла дорогу в районе Каюндо, западнее Менонге. Артиллерийский дивизион 76-мм пушек и рота 2-го пехотного батальона были приданы группировке войск гарнизона Куито-Куанавале. Остальные подразделения были в бригаде. Укомплектованность бригады личным составом была где-то на 60%. По штату численность бригады должна была составлять 2000–2500 человек, реально же насчитывалось 1000–1300 человек. Но когда батальоны уходили в рейд, на охране 53 км шоссе оставались всего лишь около 300 человек.

Потом мы вернулись в Менонге, и нас начали готовить к выезду и снаряжать для работы в бригаде. Как я уже говорил, нам передали грузовик **Энжеза-25**, радиостанцию, оружие, топографические карты. **БТР** мы все-таки перегнали из рембата, но никак не могли найти на него аккумулятор. Загрузили в машину все имущество, которое удалось получить или достать не совсем легальным путем. Ведь жить предстояло автономно, на самообеспечении. Кровати, матрасы, железные тумбочки, какие-то кастрюли и бачки, продукты, дополнительные боеприпасы, гранаты, пустые бочки и даже подвесной топливный бак с истребителя (дополнительная емкость для воды). В вопросах материального обеспечения главным консультантом и

доставалой у нас был переводчик лейтенант **Алексей Поборцев**. Он-то один раз через Анголу уже прошел. Поэтому мы полагались на его опыт.

Планировали выехать с колонной правительственных войск. Одиночным машинам по дороге запрещалось ездить по соображениям безопасности. Периодически на дорогу прорывались **унитовские** разведгруппы, ставили мины или обстреливали из-засады. Картина была такая же, как с моим вылетом из Луанды – то колонна выходит, то не выходит. И мы несколько дней ждали.

Потом **Юру Яцуна** и **Алексея Поборцева** – моих советника начальника артиллерии бригады и переводчика отправили в Луанду за фильмами и за продуктами. А я занялся обслуживанием бронетранспортера и его подготовкой к маршу в бригаду. Периодически мне в помощь давали ангольских солдат, но легче и быстрее все было сделать самому, чем объяснить и заставить их что-то сделать. Солдаты попались ленивые, да давали их только на 2–3 часа. Практически я занимался бронетранспортером сам.

– **Какая у Вас военная специальность?**

– Общевойсковая, мотострелок. У нас, у военных, популярен такой каламбур: «Профессор знает все, но преподает только один предмет. Советский пехотный офицер не знает ничего, но умеет делать все, еще и всех научит этому». Просто в нашей профессии необходимо уметь делать все.

Так вот, я начал заниматься бронетранспортером. Проверил колеса, систему подкачки колес. Начал проверять двигатель – как заводится. Ну, в общем, начал подтягивать все болты, все гайки – что мог. Долил масло в мосты, коробку передач и раздаточную коробку.

В военном училище нас этому обучали. Кроме того, я работал командиром взвода, командиром роты, командиром мотострелкового батальона и начальником штаба мотострелкового полка на такой же технике – **БТР-60ПБ**.

На третий день работы я обслуживал двигатели. Поменял масло в двигателе, проверил карбюраторы. Один карбюратор промыл, а другой так оставил. Начал обслуживать воздушные фильтры. Снял воздушные фильтры, промыл их – там в них было много песка, земли. Залил нового масла.

Поднимаюсь по лесенке на бронетранспортер, балансируя, держа в каждой руке по коробу фильтра с уже залитым маслом. И вдруг где-то рядом раздался резкий, очень громкий треск разрыва. В лицо ударило горячим воздухом. Мои ноги начали скользить по броне вперед, а тело ударом этой волны воздуха толкнуло назад. Коробки с маслом вылетели из рук. Я не сразу понял, что произошло. И вот я уже лечу вниз на землю. В это время слышу вдалеке еще такие же резкие хлопки. Внизу было нагромождение металла. Не было свободного места, куда можно было бы упасть. Это было на территории ремонтной зоны миссии, и бронетранспортер стоял на эстакаде. А внизу стоял железный стол с тисками, какие-то железные ящики, старые агрегаты и части каких-то машин.

Я падал головой прямо на этот стол с тисками. Не знаю как, наверное, как-то инстинктивно, я прикрыл голову рукой ударился боком об этот стол, и свалился на землю. Сколько я времени пробыл без сознания – не знаю, но не долго. Потому что когда пришел в себя, были еще слышны разрывы и стрельба. В голове от удара шум, уши словно ватой заложило.

Чувствую, правая рука от удара у меня онемела и с плечом что-то непонятное. Стал щупать, смотрю – правый рукав у меня в крови. И там какой-то ангольский солдат сзади подбежал, что-то кричит и пальцем в мое правое плечо показывает. Оказывается, у меня в плече сзади торчал закопченный металлический осколок от снаряда.

Это **унитовцы** обстреляли город реактивными снарядами – нашими от **БМ-21**. Обстреливали они по афганскому образцу – или из асбестовых труб, или устанавливали снаряды на перекладину из палок под определенным углом, замыкали кон-

такт, и ракеты летели. На город упало около десяти ракет, но разорвались они с большим разбросом. Одна – в реке, одна – где-то за городом, не долетела. Одна в жилой дом попала, 7 человек гражданских жителей погибло. Одна упала на территории ремонтного батальона и одна за ограждением нашей миссии, буквально метрах в 100–150 от меня.

Если б она упала, не долетев до меня – меня бы в живых уже не было. Потому что при разрыве веер осколков сметает все, что впереди под углом 45–60 градусов. Так как РС (реактивный снаряд) летит по наклонной, то после разрыва, осколки летят вперед. А она упала, перелетев через меня. Взрывом разбило каменный забор рембата и свалило один эвкалипт. Меня же взрывной волной сбросило с **БТРа**. А вот как в плече осколок оказался, я ума не приложу. Может быть, срикошетил, а может старый на земле валялся, но шрам у меня до сих пор остался.

Меня перевязали и отвезли в кубинский госпиталь. Там сделали рентген. Ну, в общем, у меня оказался перелом ключицы с отрывом от лопатки и повреждение связок. Осколок не очень глубоко вошел в плечевое соединение, только в мягкие ткани. Руку зафиксировали жесткой повязкой, чтобы я рукой не мог двигать. И в этот же день меня отправили самолетом в Луанду.

В Луанде был наш ГКЭСовский (Государственный комитет экономических связей) гражданский госпиталь, куда меня и отвез старший врач военной миссии. наших военных госпиталей в Анголе не было, и наши военные врачи работали в ангольских военных госпиталях и лазаретах. Мне снова сделали рентген, подтвердили диагноз, сделанный кубинскими врачами, выдали справку.

Ну я, как положено, сразу же с этой справкой пошел к кадровикам. Захожу к начальнику отдела кадров миссии полковнику **Пахомову**. Он до Анголы в кадрах ГлавПУра (Главное политическое управление Советской армии) работал. Так мол, и так, вот справка из гражданского госпиталя о ранении. Ре-

зультаты рентгена. Попал под обстрел. Запишите ранение в личное дело.

– Тебя ранили? Ты знаешь, у нас тут военных госпиталей нет. Значит так, собирайся, завтра же полетишь в Союз. Будешь лечиться в Союзе.

Еще месяца не прошло, как я приехал сюда. Все-таки приехал я совсем не за экзотикой, а за деньгами. Хотя, если вы помните, курс доллара в те времена по отношению к советскому рублю был очень маленьким. Но и для советских времен оклад в 700 долларов в месяц был суммой приличной, в 2–3 раза больше моей зарплаты в Союзе. Даже когда после всех вычетов в итоге получалось 555 долларов...

Там были свои финансовые заморочки. Нам платили только 80% от оклада, поскольку нет боев и нет семьи. А когда провинцию отдавали приказом, как зону боевых действий, то платили 100%.

А артиллерийские обстрелы? Артиллерийские обстрелы боевыми действиями не считаются, отвечал нам Главный военный советник. Люди гибнут под обстрелами и на минах, и это боевыми действиями не считается! Но зато, когда он вылетал с группой советников Генерального штаба в какую-нибудь провинцию для оказания помощи местной стороне в подготовке операции против **УНИТА**, то эта провинция (район) всегда отдавались приказом, как зона боевых действий. И туда обязательно на 2–3 дня прилетали из столицы все – и финансисты, и кадровики, и прокурор и даже работники военторга! Зачем? 2–3 дня такого «участия в боевых действиях» давали им право получить «Свидетельство о льготах», как у афганцев, и 100% оклада в текущем месяце (тем, кто там были пока без семьи). Тем, кто приехал с семьей, а это была привилегия тех, кто жил в Луанде и столицах провинций, 100% оклада было положено по определению. И срок командировки у них был 3 года, а у тех, кто без семьи – 2 года. Но нам семьи в окопы взять не разрешали, хотя наши жены были согласны.

«Так вот, – говорит мне кадровик, – собирайтесь, полетите в Союз». Я отвечаю, что мне надо съездить в бригаду вещи и деньги забрать. И бегом от него на самолет и вернулся в Мелонге.

– **На каком самолете?**

– Все транспортное сообщение центра с провинциями обеспечивалось авиацией. Там летали, в основном, 6 наших **Ил-76** и 4 **Ан-12** военно-транспортной авиации, перекрашенных под «Аэрофлот». Еще летали 2 **Боинга** и 1 **С-130 «Геркулес»** ангольских ВВС и несколько реже **Ан-12** и **Ан-26** кубинских ВВС. Были еще несколько вертолетов **Ми-8МТ** с нашими экипажами.

– **А на каком самолете летал Главный военный советник генерал-лейтенант Гусев?**

– У него были самолет **Ан-26** – полугрузовой вариант (пассажирский салон люкс с диваном и столиками, с изолированным грузовым отсеком) и вертолет **Ми-8МТ**. Тот самый «Аэрофлот» с **НУРСами** и пулеметами, который мы увидели, когда прилетели.

– **А что было потом?**

– По возвращению я доложил полковнику **Величко** о результатах моей поездки в столицу. Он сказал, что я все правильно сделал. Должен заметить, что полковника **Пахомова** все боевые офицеры недолюбливали. С фронта меня труднее будет вызвать для отправки в Союз. Так и получилось. Когда полковник **Пахомов** начал звонить и вызывать меня для отправки в Союз, обстановка в провинции обострилась, **унитовцы** начали активные боевые действия. Регулярное транспортное сообщение с центром провинции прервалось. По какой причине не знаю, но в последующем полковник **Пахомов** меня больше не трогал.

На следующий день нам дали приказ на выезд в бригаду. Нам разрешили выехать небольшой колонной вместе с двумя кубинскими машинами. И мы, забрав только что выданные бронезилеты, выехали на своей «**Энжезе**». Конечно же, ору-

жие было заряжено. Патрон в патроннике, предохранитель снят, а гранаты под рукой. Но получилось так, что кубинские машины уехали намного раньше установленного времени. Тогда мы приняли решение догонять кубинскую колонну самостоятельно, так как при поездке в бригаду видели на протяжении всего пути армейские посты, а вдоль обочины дороги минные поля.

В последующем бронежилетами мы не пользовались. В первых, нас предупредили, что каждый бронежилет стоит двести долларов. И за его утерю (пропажу) каждый несет материальную ответственность, не смотря ни на какие обстоятельства.

Когда юаровцы наступали, наши специалисты из одной бригады выходили из окружения. И батальон «Буффало» или **унитовцы**, которые сопровождали юаровские танки, из гранатомета сожгли бронетранспортер наших военных советников одной из бригад. В этом бронетранспортере сгорело все имущество. И что вы думаете? С каждого за сгоревший бронежилет вычли 200 долларов из оклада. Также вычли и за сгоревший радиоприемник «Маяк», который выдавался по линии партполитработы. В счет боевых потерь это не пошло.

Поэтому, услышав подобные рассказы, мы свои бронежилеты спрятали под койки, чтобы по окончании нашей миссии их сдать целыми и невредимыми.

К тому же эти бронежилеты у нас тогда были первых образцов, с броневыми пластинами, весом более 20 кг. В них в Африке было очень жарко и неудобно, а ходить практически невозможно. Это сейчас бронежилеты хорошие выпускают – по 6–7 кг.

Хотя рассказывают такую историю... Группа советников, у которых бронетранспортер сгорел, отступая, дошла пешком до реки Куито. Река там метров 100–150 шириной и с очень быстрым течением. Сзади приближались юаровские танки. Все кинулись в воду и переплыли на наш берег. Так переводчик в горячке боя переплыл реку в этом 20-килограммовом броне-

жилете! Это правда. Он мне сам лично рассказывал. Фамилию его, к сожалению, уже не помню.

Уже потом через год, я был в тех местах. Мы готовили части **ФАПЛА** для операции по захвату **унитовской** столицы Жамба и базы Мавинга. Я попытался переплыть эту реку. Там очень сильное течение. Я переплывал ее в спокойной обстановке и то захлебнулся.

Приехав в бригаду, мы должны были расположиться при штабе бригады в землянке. Но мои товарищи подсказали: «А почему собственно в землянке? Командир бригады спит на тыловом командном пункте в селе и только утром приезжает на командный пункт, в штаб бригады. А мы должны жить в 19 км от него в землянке? Так дело не пойдет».

Нашли командира бригады, предъявили ему наши претензии. Мотивировали, что командующий зоной полковник **«Вьетнам»** говорил, что я должен неотлучно находиться вместе с ним. Он согласился и отдал нам тот самый полуразрушенный дом бывшего португальского колониста, в котором мы ночевали, когда нас представляли. Дом литой из бетона, с выбитыми окнами и дверьми, но с крышей. Бетон при жарком ангольском солнце дает прохладу. Разместились в том доме в селе, начали приводить его в порядок и благоустраивать.

На второй день мы проехали с командиром бригады и проверили все подразделения бригады. Нам показали, где они стоят, где находятся посты. В принципе это выглядело так – 53 км шоссе, через каждые 3–5 км вдоль дороги находились взводные опорные пункты.

В центре – ротный опорный пункт, где находились командование роты, тыловые подразделения, зенитчики и один взвод. Во взводном опорном пункте, на самом деле, сидело человек 10, а остальные 15–20 человек находились на блокпостах, по 2–3 человека.

– **Блокпост – фактически блокгауз?**

– Нет, у нас это были просто окопы с обеих сторон дороги, устроенные для ведения круговой обороны, с дополнительной

защитой из толстых бревен и мешков с песком. Над окопами для защиты от солнца и для маскировки сооружались навесы из тростника или листвы деревьев. Возле взводных опорных пунктов дорога перегораживалась шлагбаумами. Блокпосты выставлялись на расстоянии зрительной и огневой связи – где-то от 200 до 300 м друг от друга. В дневное время они просматривали и простреливали всю дорогу. В ночное время эти люди снимались с постов и сосредотачивались во взводном опорном пункте. Взводам были приданы саперы для ведения инженерной разведки.

В 6 часов утра, с наступлением рассвета (а там рассвет и темнота наступают мгновенно ровно в 6 часов утра и в 6 часов вечера соответственно, нет как у нас сумерек), саперы выходили из опорных пунктов навстречу друг другу, проверяли дорогу и обочины. Ночью дорогу могли заминировать **унитовцы**. Вместе с этой группой саперов шла очередная смена солдат на блокпосты. Они тщательно проверяли свой блокпост и потом занимали его.

Поэтому, когда днем **унитовцы** пытались выйти к дороге – они встречались огнем с этих блокпостов. Тут же с ближайшего опорного пункта на помощь выдвигалось усиление. Во взводном опорном пункте обязательно была 14,5-мм зенитная пулеметная установка на базе крупнокалиберного пулемета **Владимирова (ЗГУ-1)**. И она перекрывала своим огнем это пространство.

Кроме того, подальше от дороги, в глубине леса выставлялись на расстояние до километра боевое охранение в количестве 3–5 человек на ночь. Каждую ночь они меняли свое расположение (позиции), передвигаясь по фронту.

И дальше на глубину до 5 км от дороги высылались парные патрули от разведроты. Разведчики патрулировали вдоль линии дороги и, если они обнаруживали следы **унитовцев**, сообщали об этом в бригаду. Это давало очень хороший результат. Ночью **унитовские** группы, в первую очередь, наталкива-

лись на боевое охранение. Происходил ночной бой и противник отходил.

Потери были с обеих сторон. Но, т. к. наши солдаты находились в окопах, и дело происходило ночью, у **ФАПЛА** больших потерь не было. Из подразделений утром докладывали, что нашли после боя брошенный автомат, кровь на земле, но трупов не находили. **Унитовцы** уносили с собой трупы своих погибших.

– **Зачем они это делали?**

– Уносили не для того, чтобы похоронить их достойно, а с целью психологического, морального воздействия, чтобы правительственной пропаганде нечего было предъявлять. Трупы уносили на несколько километров в лес, подальше, и там бросали в старый окоп или яму и забрасывали ветками.

Однажды я сам видел это. Преследовали после боя отходящую группу **унитовцев**. Уже через 3 км в старых заброшенных траншеях мы нашли закиданные ветками трупы убитых в бою. Здесь же было 3 трупа боевиков с ранениями в живот, но потом застреленных выстрелами в упор в голову.

Из допросов пленных и перебежчиков нам было известно, что дисциплина у них держалась на страхе, жестокости и фанатизме. Страх и жестокость – для тех, кто «призывался» в их отряды в зрелом возрасте. А фанатизм был у подростков. Из них создавали подразделения, которые 3 года обрабатывали психологически и обучали военному делу. И только потом пускали в бой.

В результате, **унитовцы** после безуспешных попыток выйти днем на шоссе и устроить засаду, или поставить мины, отказались на участке ответственности моей бригады от этого. А чтобы как-то оправдаться перед своим командованием, выходили на крестьянские поля и ставили там мины. Каждый день происходили подрывы мирных жителей – крестьян, женщин, детей на **унитовских** минах.

– **И сваливали все на ФАПЛА?**

– Конечно. И не только на **ФАПЛА**, но и на советских советников. **Унитовская** пропаганда фантазировала похлеще наших «демократической» и «желтой прессы»! Радиостанция **УНИТА** «Голос Черного петуха» все это представляла, как «зверства советских и кубинских наемников, и их прислужников из **МПЛА** – солдат **ФАПЛА** против местного населения».

Однажды во время рейда, подразделения бригады попали в засаду. У нас было 10 убитых и 19 раненых, пришлось отходить. Но через несколько километров, в удобном месте мы тоже устроили «огневой мешок» для преследующих **унитовцев**. И у них были такие же потери. Это только те, которые удалось реально подсчитать, не считая их потерь на месте первого боя. Так вот, через два дня радиостанция «Голос Черного петуха» объявила, что частями **УНИТА** наголову разгромлена 10-я пехотная бригада **ФАПЛА**. Мол, на поле боя остались только трупы 43 офицеров **ФАПЛА**, 5 советских военных советников и более 300 рядовых бойцов. Комментарии, как говорится, излишни.

Потом уже в конце 1989 г. во время подготовки операции «Зебра» «Голос Черного петуха» рассказывал сказки о батальоне советских военных советников в количестве 500 человек, которые якобы прибыли для обороны Куито-Куанавале, когда части **ФАПЛА** уйдут на операцию. И об их начальнике генерале, который расстрелял в госпитале раненых бойцов **ФАПЛА** и приказал бросить их трупы в реку Куиту на съедение крокодилам. Еще были сочинения о том, что в городах советские советники насилуют ангольских женщин, а потом их убивают и трупы сжигают. О том, что советские вместе с кубинцами применяют для уничтожения ангольских деревень запрещенные международными нормами химические снаряды с боевыми ОВ (отравляющие вещества). На самом деле химические снаряды в боях на территории Анголы применяла армия ЮАР. А знаете, как далеко эта ложь распространилась?

В августе 1993 г. в зоне грузино-абхазского конфликта мне эти «факты» об уничтожении ангольских деревень химиче-

скими снарядами предъявила одна грузинская «правозащитница» в чине полковника грузинской армии, обвиняя Россию в великоимперском шовинизме. Сама же, для решения абхазской проблемы, предлагала вырезать и утопить в море все абхазское население, включая и детей.

– **А как к вам относилось местное население?**

– Простой народ – очень доброжелательно. И в городах, и в деревнях. Ангольцы очень дружелюбный народ. В глухих селах, где очевидно, действовали пропагандисты из **УНИТА** – настороженно. Лишь некоторые старшие офицеры и некоторые гражданские чиновники вели себя по отношению к нам очень высокомерно.

В Лонге, где стояла 10-я бригада, местное население с информацией об **унитовцах** шло к нам, к «советико», а не в свою госбезопасность.

Юра Яцун придумал систему поощрения бригадных разведчиков и местного населения за доставленную информацию о противнике. За обнаружение группы противника и информацию о ней – сигареты, за найденные на месте **унитовских** стоянок документы (блокноты, тетради, обрывки схем или карт, литературу) – консервы. А в местной «**сигуранце**» (**госбезопасность**), как и в **НКВД** награждали только пинками или подзатыльниками. Поэтому мы пользовались популярностью у местного населения. Кроме того, мы обучали местное население выращивать нетрадиционные для этих краев, но легко и просто выращиваемые лук, томаты и картофель (батат).

Традиционно крестьяне уходили на 5–10 км в лес, расчищали поляну, сжигали деревья и кустарник, пепел перемешивали с грунтом и выращивали там традиционные маниоку и масангу. А рядом с деревней в пойме реки у них были несметные залежи торфа, который надо было всего лишь смешать с песком, чтобы получился прекрасный садовый грунт. Когда мы покидали Лонгу на окраине деревни, у реки уже было 6–8 небольших огородов с луком и помидорами.

– Как складывался Ваш обычный день? Опишите Ваш быт повседневный, в боевой обстановке, в рейде. Как Вас кормили?

– Во время моей командировки в Анголу я работал на двух должностях. Сначала советником командира 10-й пехотной бригады в провинции Квандо-Кубанго. А в апреле–мае 1989 г. в Анголе прошло очередное сокращение советского военного советнического аппарата. Были сокращены должности советников и специалистов в пехотных, мотопехотных и десантно-штурмовых бригадах. Какая-то часть сокращенных советников и специалистов была отправлена в Союз. Из оставшихся советников и специалистов были созданы небольшие оперативные группы при крупных гарнизонах Военных зон Фронтон, т.е. в местах основного сосредоточения войск. Также были введены должности специалистов в Управлениях боевой подготовки Фронтон.

Я был переведен на должность специалиста по боевому применению пехотных и танковых подразделений Управления боевой подготовки Штаба Южного фронта в городе Лубанго. Но на месте при штабе я почти не был и постоянно находился в командировках в тех частях, которые готовились к боевым операциям. Поэтому мой обычный рабочий день в разных местах был разным.

Подъем был обычно в 7 часов. Физзарядка по настроению или по условиям проживания. В Лонге я делал пробежку по шоссе к кубинским позициям и обратно (но заряженный пистолет в открытой кобуре всегда был с собой). До их позиций было чуть больше 2 км. Затем возвращался к нашему дому и делал силовые упражнения. Сзади дома была сделана перекладина. Вместо гирь и штанги были траки от танковой гусеницы и патронный ящик с песком.

Потом водные процедуры. Сзади нашего дома мы сделали душ и умывальник. Душ был сделан в траншее, чтобы в случае обстрела не бежать голым в укрытие. Над окопом на деревянной подставке был установлен подвесной топливный бак с ис-

требителя, а в него был ввернут кран с наконечником из изрешеченной гвоздем консервной банки. Стены душевой кабины я сделал из дюралевой обшивки сбитого вертолета **Ми-24**, который валялся невдалеке. Рядом на камнях стояла железная 200-литровая бочка, в которой нагревали воду. Чтобы вода лучше сливалась, бак над душем был установлен с наклоном в одну сторону, формой ведь он похож на ракету. Наша территория была обнесена колючей проволокой и охранялась караулом, подойти и близко рассмотреть эту конструкцию было нельзя. Поэтому даже наши советники и кубинцы думали, что установлена настоящая ракета, я уже не говорю об **унитовских** информаторах.

Ангольская война на самоделки вообще была богата. На башню бронетранспортера **БТР-60ПБ** устанавливали спаренный с **КПВТ** (крупнокалиберный пулемет **Владимирова** танковый) авиационный подвесной блок **НУРС** (неуправляемые реактивные снаряды), взятый со сбитого вертолета. А это залп в 36 ракет! Такая машина пользовалась популярностью при сопровождении колонн. Кое-где эти блоки с **НУРСами** использовались пехотой и в обороне. Делались самодельные бронеавтомобили из **КРАЗов**, **УРАЛов** и **ГАЗ-66**. Обшивали их броней и устанавливали в бронебашне зенитную установку **ЗУ-23-2**. Получалась «боевая машина сопровождения колонн». Полуавтоматическую 57 или 37 мм зенитную пушку крепили к раме автомобиля и обшивали броневыми листами, получалась настоящая **САУ** (самоходная артиллерийская установка). Делали **РСЗО** (реактивные системы залпового огня), соединяя в пакет несколько направляющих от **Град-П** или сваривая вместе несколько стальных труб нужного диаметра. Кубинские ремонтники умудрялись устанавливать на легковой **УАЗ** двигатель с бронетранспортера, а на бронетранспортер двигатель с **КАМАЗа** и т. д.

Но вернемся к рассказу о распорядке дня. Там же за домом в неглубокой траншее из различных деталей, снятых с подби-

тых и подорванных на шоссе автомобилей, был сделан умывальник. Основание из металлического каркаса, который устанавливается для крепления инструментального ящика и запасного колеса сзади кабины на **Зил-131**, сверху бензобак с **Урала**, для туалетных принадлежностей в каркасе укреплена полка – решетчатый дюралевый мостик, снятый с бензозаправщика **Вольво**.

Затем в 8.00 – 8.30 завтрак. Если на складе в бригаде были продукты, то кормили нас хорошо. Кроме того, нас постоянно снабжали продуктами кубинцы: консервы, замороженная рыба, замороженные бройлерные курицы и т. д. Вот когда кубинцы ушли, порой приходилось сидеть только на одном рисе. Раз в 2–3 месяца, когда приходил советский пароход с продуктами, кто-нибудь из нас летел в Луанду и закупал по безналичному расчету в магазине военторга продукты, которых не было у местных: картошку, тушенку, сгущенку, «боржоми» и баночное пиво. Кроме того, в Луанде на рынке, можно было купить спиртное для праздников: виски, бренди (коньяк) и джин (кстати, вместе с тоником очень хорошее средство от малярии). В нашем отделении ангольской охраны (караула) были еще прикреплены водитель и повар. Повар по имени **Жамба**, 26 лет, образование 8 классов (для Анголы это большая редкость), до армии работал в каком-то ресторанчике в портовом городе Намиб. Готовил довольно-таки сносно, но с ангольскими понятиями. Так все время он готовил нам салат только из зеленых помидоров. А когда мы, увидев красные помидоры в яме для отходов, начали разбираться, оказалось, что в его понятии помидоры становятся красными, когда испортятся... В общем, поначалу на завтрак у нас был кофе, иногда булочки, а также горячее молоко (сделанное из сухого молока) и джем.

В 9 часов выезжали для работы на командный пункт бригады, обычно вместе с командиром бригады. Там я проверял правильность подготовки штабных документов, учил офицеров оперативного отдела работе с картами и боевыми доку-

ментами, проводил занятия с офицерами бригады по подготовке и проведению занятий с подразделениями по огневой и тактической подготовке, учил пристреливать оружие. С командиром бригады мы проезжали по подразделениям бригады и проверяли их готовность к отражению атак противника или захвату и уничтожению его диверсионных групп. Подполковник **Яцун** отрабатывал те же вопросы с личным составом артиллерии бригады, точнее с тем, что от нее оставалось: взводом управления, минометной батареей, батареей **Град-П**, минометными взводами и противотанковыми взводами батальонов. Если работали до вечера, то обедали в штабе бригады или в том подразделении, где находились. Это, как правило, были вареный рис с консервами и кофе. Дело в том, что в Анголе, как и в Португалии, суп подают вечером. Обычно к 14–15 часам возвращались домой.

В 14.30 у нас был обед. Здесь порядки у нас уже были русские – суп на первое. Иногда, когда доставали капусту, **Юра Яцун** варил нам борщ. На второе – консервированная солонина или консервированные соленые колбаски «шаурису». Когда были кубинские поставки, то жареная или тушеная курица, или жареная рыба. На гарнир – фасоль, тушеные овощи, рис или макароны. На третье – консервированные фрукты.

С 15 до 17 часов у нас был «африканский час», т. е. сон. Ужин в 19 часов. На ужин какое-нибудь второе блюдо и опять кофе.

В свободное время занимались благоустройством жилища, готовились к проведению занятий, ездили в гости к кубинцам, ходили на экскурсию в деревню и по безопасным окрестностям, играли в карты, писали письма родным, слушали музыку. **Алексей Поборцев** привез с собой из Москвы магнитолау и аудиокассеты с музыкальными записями. В субботу и воскресенье кроме этого устраивалась стирка, загорали, ездили за деревню на рыбалку. Если, разумеется, в этот день **унитовцы** бригаде какой-нибудь пакости не устраивали или мы не находились в рейде.

В рейде, конечно, питание было поскромнее и состояло, в лучшем случае, из стандартного сухого пайка или просто из мясных и мясорастительных консервов. Но всегда был горячий кофе и иногда вареный рис. Спали в кузове машины или в бронетранспортере. На всех войнах ситуация приблизительно одинаковая: «...мы ели, что нам Бог послал и пили, что шофер достал...».

В апреле 1989 г. наш коллектив в связи с сокращением расформировали. Сначала уехал на Северный фронт переводчик **Алексей Поборцев**, а затем **Юра Яцу**н – в Куито-Куанавале. Я же в мае уехал из бригады в Лубанго в штаб Южного фронта, но до места назначения не доехал.

Прилетев в Луанду, я получил распоряжение убить в командировку с оперативной группой для подготовки частей Восточного фронта к войсковой операции. Эти части были сосредоточены в лесу, в 40–50 км от Луэны в районе населенного пункта Дала Южная. Пробыл я там почти два месяца. Нас было человек 15 с разных фронтов. Жили в палатках. Там были установлены солдатские кровати.

Был «сухой сезон», период африканской зимы. Ночью температура опускалась до +5°C, а то и ниже, днем было +36°C. Группе был придан бронетранспортер с водителем прапорщиком и старенький **Лендровер**. В бронетранспортере, кроме боекомплекта, дополнительно лежали **РПГ-7** с выстрелами к нему, пулемет **ПК**, винтовка **СВД**, несколько ящиков патронов и 2 ящика гранат. Все были вооружены пистолетами **ПМ** и автоматами. **БТР** стоял в окопе, а под ним была вырыта «щель» на случай обстрелов, что в последующем пригодилось.

Пищу готовили себе сами. Куховарили прапорщик и майор Фамилий, к сожалению, я уже не помню. После завтрака **Лендровер** развозил нас по бригадам, за которые мы отвечали. **Унитовцы** периодически обстреливали район расположения частей из минометов. В конце июня их батальоны блокировали все дороги, ведущие к нам, но активных боевых действий (кроме редких минометных обстрелов) не предпринимали,

т. к. наверху шли какие-то переговоры о перемирии. Частьям **ФАПЛА** тоже была команда: «На провокации не поддаваться, продолжать боевое слаживание». Но снабжение войск прекратилось. Пришлось отложить часть продуктов в НЗ и уменьшить порции. Обстановка могла измениться в любой момент к худшему.

Мы начали зарываться в землю. Отрыли еще пару щелей и окопов для ведения круговой обороны. Начали рыть блиндаж. А наше командование о нас как будто забыло. Где-то через три недели после начала блокады из Луэны в нашу сторону начала выдвигаться механизированная бригада **ФАПЛА**. **Уни-товские** батальоны не стали ее дожидаться, сняли блокаду и ушли. И буквально на следующее утро за мной из Луэны прислали машину. Мы удивились, как она сумела прорваться? Мы еще не знали о снятии блокады. Меня срочно отзывали на Южный фронт. Там затевались какие-то крупные учения, на которых должны были присутствовать руководители Анголы и представители других государств.

Лучше всего с питанием из всех командировок дело обстояло в городе Маланже. Там мы жили в 3-х звездной гостинице и питались в ресторанчике, который находился при гостинице. Правда, кухня была национальной португало-ангольской, поэтому для некоторых немного непривычная. Во всех остальных командировках питаться приходилось в полевых условиях.

Великолепные офицерские столовые были в советской военной миссии в столице страны Луанде и в советской военной миссии Южного фронта в Лубанго. В Луанде это было помещение ресторана бывшего профилактория для португальских военных летчиков, но удерживали там за питание по 5 долларов за сутки. За месяц с меня там удержали 155 долларов. Это был чистейший грабёж по тем временам. В Лубанго столовая тоже размещалась в помещении бывшего кафе, готовила жена гражданского врача, на столе постоянно были свежие овощи и фрукты. Обеды были великолепными, прямо-таки домашними.

И удерживали за это всего лишь 1–1,5 доллара. Я говорю «удерживали», потому что денег там нам на руки не выдавали, и все расчеты были безналичными через финансовый отдел миссии в Луанде.

Еще один интересный момент. Во всех местах, где на стационарной основе образовывались коллективы советских военных миссий, считалось обязательным и престижным делом построить баню с парилкой и бассейном, а так же попытаться наладить выпечку нашего хлеба. Баню везде строили своими силами, от полковника до прапорщика. Даже на фронте в Кuito-Куанавале была своя банька с парилкой и с «бассейном» из половинки автомобильной цистерны. Красное африканское дерево дает такой сильный жар, что плавилась танковые «пальцы», установленные в топке в качестве «колосников». Для помывки в бане не были помехой даже скорпионы, периодически падавшие с потолка на пол, потому что для русского человека, оторванного от Родины, баня и русский хлеб были праздником души.

– Были ли праздники, как их встречали?

– Конечно же, были. Мы отмечали ангольские, кубинские и советские праздники вместе с командованием ангольской бригады и кубинским командованием. Чей государственный праздник был, та сторона и накрывала стол, приглашала к себе в гости. Спиртное доставали по возможности: испанское вино у ангольских тыловиков; ром у кубинцев; виски, бренди и джин на рынке в Луанде; баночное пиво в магазине Советской военной миссии в Луанде. Так было, и когда я работал в 10-й пехотной бригаде, и при подготовке частей других Фронтов к войсковым операциям. Праздники нас сближали. Порой посредством «народной дипломатии» мы добивались нужного взаимопонимания с подсоветной стороной, когда оно отсутствовало.

В Лубанго же таких тесных контактов с подсоветной стороной и кубинцами не было. Там отмечали наши праздники только в своем коллективе. Обстановка там была мирная, войной не пахло. Город большой – это центр провинции Уила.

Советская военная миссия располагалась в большом 6-этажном здании какого-то бывшего пансиона. Там были и служебные помещения, и квартиры гостиничного типа. Почти все офицеры и прапорщики были с женами. За исключением нескольких человек, таких как я, которые прибыли сюда из окопов боевых бригад. И как в любом военном гарнизоне в Союзе здесь был создан, и работал женсовет. Коллектив собирался в офицерской столовой (кафе). Праздники начинались с традиционного официального выступления руководителя, затем шло театрализованное представление или концерт художественной самодеятельности.

Также была традиция устраивать праздник для друзей коллегами, вернувшись из отпуска. Они привозили с Родины то, чего не было в Анголе – водку, черный хлеб, селедку.

– Расскажите об особенностях участия в боевых действиях.

– У нас (в Анголе) это было совсем не так, как в Афганистане.

Во-первых, особенности персонального учета боевых действий. В Афганистане, как только пересек границу, так сразу начинал работать «счетчик» участия в боевых действиях. У нас же, выход каждой бригады в рейд, как я уже говорил, отдавался приказом Главного военного советника. Но участие в боевых действиях засчитывалось лишь только тогда, когда рейд был результативным. Рейд длился 7–10 дней.

По окончании рейда я должен был представить полный письменный отчет о результатах проведения рейда с приложением отчетной карты операции. Об этом сообщалось в Москву. Одновременно параллельно шел доклад по линии местной стороны в Генеральный Штаб **ФАПЛА**. «Десятка» в конце командировки отдавала приказом и записывала в личное дело эти дни участия в боевых действиях. Таким образом, у меня набралось 134 дня непосредственно боевых действий.

Во-вторых, дипломатическая Москва, почему-то считала, что наши военные в Анголе в боевых действиях не участвуют.

Об этом неоднократно заявлялось на международных переговорах и на заседаниях ООН. Артиллерийские и минометные обстрелы, вероятность в любой день в любом месте попасть в засаду и подорваться на фугасе, задеть растяжку **Клеймара (Клеймора)** или наступить на противопехотную мину – все это боевыми действиями для нас не считалось. Что и нашло потом отражение в Федеральном законе «О ветеранах», который почему-то утверждал, что война в Анголе закончилась в ноябре 1979 г. И только в 2008 году удалось добиться внесения изменений в закон – по срокам участия наших граждан в боевых действиях в Анголе (до 1992 года).

В-третьих, до августа 1988 г. кроме партизан, нашим противником были регулярные части армии ЮАР, которые вели бои с применением танков, артиллерии и авиации.

10-я пехотная бригада, как я уже говорил, охраняла шоссе Менонге – Куито-Куанавале, а также проводила частные операции по уничтожению обнаруженных баз и отрядов противника в зоне ответственности бригады. Моя основная задача была – правильно организовать боевую подготовку бригады, научить их хорошо воевать. При действиях в боевых условиях оказывать непосредственную помощь командиру бригады.

Я участвовал в нескольких рейдах. Во время проведения рейдов я находился рядом с командиром бригады. Во время боя в атаку в цепи вместе с солдатами не ходил, т. к. мое место было на **КП** бригады. Но несколько раз попадал в серьезные переделки, когда приходилось браться за автомат и отстреливаться. Пару раз попадал под минометный огонь.

Один раз пришлось непосредственно руководить боем. В мае 1989 г., как раз перед моим убытием из бригады, **унитовцы**, силой до усиленной роты, поздно вечером атаковали взвод, охранявший мост через речку Куирири в районе Масека. Они и раньше несколько раз пытались его захватить. На тот момент в бригаде не оказалось ни одного старшего командира. Командира бригады вызвали на совещание в штаб воен-

ной зоны, начальник штаба бригады – на учебе, начальник оперативного отдела – в госпитале.

Пришлось собрать всех, кто находился в районе тылового командного пункта. Запросил артиллерийской поддержки у кубинцев. И на моем грузовике и бронетранспортере выехали на помощь обороняющемуся взводу. Задачу офицерам и сержантам ставил в движении. К тому времени я уже мог объясняться на ломаном португальском языке. Быть может, бойцы оказались толковыми, а может еще и то обстоятельство, что невдалеке занимала оборону кубинская тактическая группа, придавало бойцам смелости и уверенности. Две группы открыли огонь и атаковали противника во фланг, а обороняющийся взвод, группа десанта и крупнокалиберный пулемет **БТРа** с фронта. Кубинская артиллерия произвела 10 выстрелов из **БМ-21 Град**. Хотя снаряды разорвались в лесу и в пойме реки, это было очень эффектно, и свою роль в нашей победе тоже сыграло.

Противник, ошеломленный разрывами снарядов и внезапно подошедшей помощи обороняющимся, бежал. Утром мне доложили, что на поле боя были подобраны 2 винтовки, 4 автомата, 1 гранатомет и подсумки с гранатами и автоматными магазинами, а также было очень много крови противника. Всех раненых и убитых **унитовцы**, как обычно, унесли. Конечно, с моей стороны это был чистойшей воды авантюризм, это было очень рискованно. Нам просто крупно повезло, что они не заминировали дорогу и не устроили засаду. Но надо было видеть радостных, ликующих солдат **ФАПЛА**, одержавших победу.

Конечно же, в донесении «наверх», я о своем участии в бою умолчал. Потому что вместо благодарности я бы получил только «нагоняй». Так что этот день мне в «боевые» не вошел. К тому же, это был не рейд и не крупная операция по уничтожению базы противника. Это был один будничнейший день ангольской войны, которая шла в стране без перерыва с 1975 г.

В ноябре–декабре 1989 г., уже работая специалистом по боевому применению пехотных и танковых подразделений Штаба Южного фронта, во время подготовки частей **ФАПЛА** к проведению операции «Зебра» принимал участие в боях за расширение плацдарма на восточном берегу р. Куито в районе Шамбинга в составе 59-й мотопехотной бригады.

– **Каковы способы выживания во время боевых действий?**

– Для выживания в бою, пожалуй, прежде всего нужны профессиональная подготовленность, выдержка и самообладание. Самое главное – не поддаваться панике и страху. Последствия паники губительны в любом случае – независимо от того, был ли на самом деле повод или вы преувеличили опасность. Тот, у кого в бою появляется страх, кто начинает думать, что его вот-вот убьют – тот первая жертва. Только у того есть шансы выжить, кто не будет терять самообладания. Тогда можно и на судьбу рассчитывать, и на удачу, и на счастливый случай.

Что я могу сказать про себя? Не могу объяснить почему, но во всех возникавших там ситуациях у меня страха не было. Присутствовало какое-то чувство мальчишеского любопытства и романтизма. Хотя осознавал, что есть опасность и что могу погибнуть. Если позволяло время, то я старался просчитать риск ситуации. Иногда в бою, как тогда у моста, возникало чувство азарта. Но в таких случаях нельзя увлекаться, надо держать ситуацию под контролем.

– **Чем были вооружены унитовцы?**

– **Унитовцы** были вооружены разным оружием. У них были разные подразделения. У них были и регулярные батальоны и полурегулярные батальоны. Очевидно, от структуры зависело и вооружение – современное или устаревшее. Я могу сказать только про оружие, захваченное в боях, которое видел сам. Из стрелкового оружия это были, в основном, автоматы **Калашникова** китайского и советского производства, а также западногерманские автоматические винтовки **G-3**, бельгий-

ские автоматические винтовки **FN FAL** калибра 7,62 мм, **Галил** 5,56 мм. Хочу заметить, что на всех винтовках, которые захватывали – и **FAL**, и **G-3**, и **Галил** – серийные номера были заварены сваркой, т. е. уничтожены. И определить откуда их доставили – невозможно. Это могли быть и Бельгия, и Германия, и Израиль, и Португалия, и ЮАР.

– **Калибр как у АКМ?**

– Калибр такой же, но у винтовок **G-3** и **FAL (R1)** патрон 7,62 мм, винтовочный единый НАТО (7,62 × 51). Патрон точно такой же по мощности, как и наш винтовочный патрон (7,62 × 54), который применяется в **СВД** и пулеметах **ПК**. А у автомата **Калашникова** – патрон 7,62 мм образца 1943 г. меньше по размерам (7,62 × 39).

Неграмотные солдаты из крестьян и младшие офицеры **ФАПЛА** часто мне говорили: «Вы понимаете, наше оружие хорошее, но **унитовцы** иногда побеждают, потому, что у них в винтовке патрон большой, а у нас в автомате (**Калашникова**) – патрон меньше».

Имелся в виду винтовочный патрон от автоматической винтовки. Звук от выстрела у него громче. И у неграмотных крестьянских парней создалось мнение, что лучшее оружие то, которое громче стреляет. Я бы сказал, сильнее пугает. Поэтому больше ценились пулеметы, гранатометы и крупнокалиберные пулеметы.

Приходилось на практике разубеждать ангольских офицеров в порочном мнении о преимуществе оружия противника из-за большего патрона. Однажды на командирских занятиях по огневой подготовке от одного младшего офицера я снова услышал: «Понимаешь, ассесор, у **унитовцев** штурмовая винтовка **G-3**, там патрон большой, а у нас в **АКМ** патрон маленький, вот они и побеждают иногда».

– **Что можете сказать по поводу хвастовства южноамериканских генералов, в частности, генерала Гиндельхейса о том, что G-3 из-за большей мощности патрона чаще про-**

бивало деревья насквозь, чем пуля от АК-47 (АКМ), и что убойная сила у G-3 была выше?

– Да, винтовочный патрон НАТО, как и наш советский винтовочный патрон, гораздо мощнее автоматного. Винтовочная пуля на свободном пространстве летит на расстояние до 5 км, сохраняя убойное действие до 3 км. А автоматная пуля из **АК** на расстояние до 3 км, сохраняя убойное действие до 1,5 км. Но ведь огневой бой ведется на дистанции 300–600 м, дальше огонь стрелкового оружия, кроме пулеметов, не эффективен. А в лесу и на пересеченной местности расстояние огневого соприкосновения гораздо меньше.

Но вот насчет африканского дерева, что «насквозь» – это, мягко говоря, сказки. Древесина у африканских деревьев, в основном, настолько твердая и плотная, что гвоздь в нее не входил, а только гнулся. Пуля из **ПМ** (пистолет Макарова) расплющивалась и торчала снаружи дерева. Винтовочная и автоматная пули входили, но не глубоко. Прострелить такое дерево насквозь, наверное, сможет только крупнокалиберный пулемет, да и то не толстое.

Этот генерал, наверное, перепутал **АКМ** с американской **М-16** или израильским **Галилом**, у которых 5,56 мм пуля, как и наша 5,45 мм от **АК-74**, ведет себя неустойчиво. На большой дистанции она, коснувшись веток деревьев или кустарников, может даже изменить направление полета, не говоря уж о том, чтобы пробить дерево.

К тому времени, у меня уже была небольшая коллекция из захваченного в боях различного оружия. Это немецкая винтовка **Маузер** образца 1897 г., времен второй мировой войны; наши винтовка **Мосина** и карабин образца 1944 г. на ее базе; чехословацкие карабин **vz-52/57**, пистолет-пулемет **vz-25** и автомат **vz-57**; финский пистолет-пулемет **Суоми** тоже со второй мировой; знаменитый **ППШ**; автомат **ППС** (пистолет-пулемет **Судаева**) польского производства с деревянным прикладом; немецкие штурмовые винтовки **G-3** (трех модификаций) и **НК-33**; бельгийская автоматическая винтовка **FAL**; из-

раильский **Галил**; китайские **АК** (двух модификаций) и образцы **АК** производства стран соцлагеря (Венгрия, Югославия, ГДР, Болгария).

Как профессионал, я любитель стрелкового оружия. В Союзе у меня только справочники по оружию были, а тут появилась возможность собирать коллекцию оружия и патронов. Я все оружие отремонтировал и привел к нормальному бою.

Так вот, после такого нелепого заявления я приказал охране привезти мне все автоматы и штурмовые винтовки из моей коллекции. Когда привезли оружие, я дал команду офицерам разобрать оружие и выдвинуться на огневые позиции.

Зарядили они все это оружие и по команде начали стрелять по мишеням. Затем я команду: «Стой! Разрядить оружие! Отсоединить магазины! Оружие на землю! Три шага назад!»

А там местность песчаная. Я походил по этому оружию ногами, пошвырял его по песку. Затем снова подаю команду: «Противник атакует! К оружию! Заряжай! Огонь!»

Ни один образец оружия, кроме автомата **Калашникова** и его модификаций, а также **ППШ-41** и **ППС-43** не смог выстрелить! Особенно плохо после того пришлось винтовке **G-3**. У нее роликовый затвор. Песчинка туда попала – и все. И затвор у **G-3** пришлось открывать при помощи молотка. Единственное, что еще стреляло, кроме **Калашникова** – бельгийка **FAL**, но только одиночными выстрелами, с ручным перезаряданием. У нее не хватало из-за песка силы на работу механизма перезарядания и прижимало гильзу, т. е. автоматически она уже не стреляла. А у **Калашникова** – лишь бы только патрон зашел в патронник. Если не заходит, то пару раз передернуть затвор, убрав тем самым песок из патронника, и можно стрелять дальше. Кстати, и раздутия ствола от попадания песка на советских автоматах я не наблюдал. Хотя порой оружие было в ужасном состоянии, особенно в территориальном батальоне, который был подчинен нашей бригаде. Эти бойцы – крестьяне прочищали ствол выстрелом. С этим, конечно, приходилось бороться.

После такой проверки оружия я спрашиваю у ангольских офицеров: «Ну что? Каким оружием лучше воевать – советским или **унитовским**?»

«О камарада ассесор! Советико арма муйто бон! Арма де энемигу но прешта!» (О, товарищ советник! Советское оружие очень хорошее! Оружие противника плохое!)

И еще по поводу трофейного оружия. **G-3** и **FAL** – это старые образцы. Китай поставлял **УНИТА** свои автоматы **АК**. У них откидной игольчатый штык, как на советском карабине образца 1944 г., откидывается вниз под цевье и там фиксируется.

Кроме того, **унитовцы** неоднократно захватывали оружие советского производства. Устраивали засады, нападали на колонны правительственных войск и захватывали оружие. Прямо в заводской упаковке, в ящиках, новенькое. Когда такое случалось, то по этому поводу наши советники мрачно шутили: «**ФАПЛА – это тыловая база УНИТА**».

В последнее время у них появился израильский **Галил** калибра 5,56 мм, который с конца 1980-х годов выпускался в ЮАР под названием **R4**. А **Галил** – не что иное, как модификация автомата **Калашникова**.

Когда **Галил** попал мне в руки первый раз, и я его разобрал, то долго не мог прийти в себя. Долго чертыхался. Надо же, ведь внешне совсем не похож. Немного похож на финский **Валмет**. А внутри – один к одному автомат **Калашникова**, разница на миллиметры и лишь немного модернизирован. В одном месте поставили две пружины – у нас одна. А флажок переводчика огня дополнительно вывели еще на левую сторону, чтобы его можно было переключать, не убирая руки с pistolетной рукоятки.

Захватывали у **УНИТА** также американские **M-79** – однозарядные гранатометы калибра 40 мм. Как толстое короткое охотничье ружье, и точно так же переламывается и заряжается. Боеприпас унитарного типа, т. е. как патрон – гильза, а вместо пули 40-мм осколочная граната. И еще захватывали **MGL** – южноафриканский шестизарядный гранатомет револь-

верного типа, РПГ-7 китайского производства и французские ПТУРЫ АПЕЛАС.

– С подствольником наши автоматы АК-74 калибра 5,45 мм в Анголу не поставлялись?

– Когда я там был, АК-74 и подствольные гранатометы ГП-25 из СССР в Анголу не поставлялись. Но после уже были, я их видел на фотографиях 1990-х годов.

– Правильно ли, что наш автомат с подствольником более эффективен, чем американский однозарядный гранатомет М-79, или подствольник М-203, или чем шестизарядный южноафриканский револьверный гранатомет MGL⁵, поскольку не надо много времени тратить на перезаряжание? Что за время, которое надо потратить на перезаряжание шестизарядного гранатомета, можно провести гораздо больше выстрелов из подствольника?

– Скорострельность нашего подствольного гранатомета ГП-25 выше, чем американского. Дело в том, что в американском подствольном гранатомете М-203 боеприпас тот же, что и в М-79 с гильзой. У нашего подствольного гранатомета граната без гильзы, как мина у миномета. Граната заряжается в ствол с дульной части и выстреливается. Не надо тратить время на извлечение гильзы, потому что ее нет.

Скорострельность шестизарядного гранатомета ЮАР MGL и нашего подствольника ГП-25 нельзя сравнивать, ведь юаровский может сделать 6 выстрелов подряд. Он весьма эффективен. Наши конструкторы в конце 1990-х годов тоже создали подобный шестизарядный гранатомет.

– А тяжелое вооружение в отрядах УНИТА было?

– В формированиях УНИТА имелись и танки, и артиллерия. Но в зоне моей бригады танков не было. Танки у них

⁵ Подробнее технические характеристики оружия южноафриканского производства и оружия, поставлявшегося в ЮАР, см.: Шубин Г.В. Майданов И.И. «Армия и военная промышленность ЮАР». М., 2007.

применялись в обороне. Я не слышал, чтобы они где-то напали при поддержке танков.

У них были **Т-34-85**, и даже **Т-54**, и **Т-55**. Говорят, что у них имелись также китайские танки **Т-59**. Когда я работал в штабе Южного фронта, мы выехали с ПКП (передовой командный пункт) Фронта в провинцию Кунене. Там началась операция против **унитовцев**. И на первом этапе, когда правительственные войска захватили первый рубеж обороны **унитовского** укрепрайона, я видел танки. Они были закопаны в землю и использовались, как долговременные огневые точки.

Скорее всего, они были захвачены юаровскими частями в начале 1980-х годов и переданы потом **УНИТА**. Да и тот укрепрайон был построен при помощи юаровской инженерной техники и их специалистов – бетонированные блиндажи и огневые точки. Те **унитовские** базы, которые я встречал в провинции Кванду-Кубангу, когда ходил в рейды с 10-й и 59-й бригадами, в инженерном отношении были оборудованы очень примитивно. Они представляли собой обыкновенный взводный (ротный) опорный пункт, т.е. систему траншей, связанную ходами сообщений, заглубленные в землю хижины, покрытые тростником, для личного состава и лишь иногда 1–2 блиндажа (землянки) с перекрытием из стволов деревьев.

Из артиллерийского вооружения формирования **УНИТА** были вооружены минометами калибра 51, 60, 81, 82, 106,7, 120 мм (Великобритания, Китай, КНДР, СССР, США, Франция, ЮАР), китайскими **Град-П**, 106-мм американскими безоткатными орудиями **М-40**, установленными на английских **Лендроверах**, 82-мм безоткатными орудиями **БО-10 (Б-10)** (советской разработки, производства Китая и КНДР), китайскими 107-мм буксируемыми **РСЗО** (на одноосном прицепе) и юаровскими 127-мм **РСЗО Валькирия**. Возможно, у них были и какие-то артиллерийские орудия, но о них я ничего не знаю.

Я своими глазами видел только захваченные в бою минометы различных калибров, китайский **Град-П**, **БО-10** и безоткатные орудия **М-40** на **Лендроверах**.

– **Вы получили награды?**

– К сожалению, я их не получил. В этой командировке меня дважды представляли к награждению орденом «Красная Звезда», и это отмечено в служебной характеристике. Но в наградном отделе 10-го Главного управления Генерального штаба следов этих представлений я не обнаружил. Они затерялись где-то в кабинете у полковника **Пахомова** – начальника отдела кадров Советской военной миссии в Луанде. Могу рассказать лишь, как это произошло с моим последним представлением к награждению.

За успешное проведение правительственными войсками операции по захвату крупной базы мятежников населенного пункта Мавинга в провинции Квандо-Кубанго, по крайней мере, ее первого этапа, в подготовке и проведении которой была задействована большая группа советских военных советников и специалистов, из Москвы прислали разнарядку на 20 орден для награждения отличившихся.

В Луанде было проведено офицерское собрание, на котором были выдвинуты и утверждены кандидаты на представление к награждению. В основном это были советники и специалисты, работавшие в Генеральном штабе **ФАПЛА**, но несколько человек были с боевых бригад, в том числе и я. Офицерское собрание утвердило мою кандидатуру на представление к ордену «Красная Звезда». Об этом мне сообщили мои друзья, работавшие в Луанде и присутствовавшие на том собрании.

Особых героических подвигов я не совершал, но при подготовке к операции «Зебра» я был назначен в 59-ю мотопехотную бригаду. Бригада в этот период провела несколько боев с противником за расширение плацдарма на левом берегу реки Куито и овладение источниками воды, т. к. в «сухой сезон» тот, кто владеет водой, владеет и территорией.

Были захвачены три, так называемые, базы (просто взводные опорные пункты) противника у истоков речек, различные образцы оружия, в том числе и новые французские **ПТРК**

АПЕЛАС. Отбиты все атаки **унитовцев**, которые пытались вернуть утраченные позиции и контроль за источниками воды. Это были их опорные базы на расстоянии 20 км от Куито-Куанавале. С их потерей **унитовцам** пришлось отойти на рубеж реки Ломба, а это уже в 60 км от района, занятого частями **ФАПЛА**. Я находился все время вместе с командиром бригады капитаном **Батишта** и был непосредственным участником всех этих событий.

У меня имеется документальная видеозапись, сделанная переводчиком капитаном **Поливиным А.В.**, где старший коллектива советских военных советников и специалистов военной зоны Квандо-Кубанго полковник **Альтшуллер В.Е.** докладывает Заместителю Главного военного советника генерал-лейтенанту **Беляеву В.Н.** об одном таком ночном бое бригады с моим участием. Так что в боевых успехах 59-й бригады была частичка и моей заслуги. Что и было, соответственно, отмечено готовившим и проводившим операцию «Зебра» советником Начальника Генерального штаба **ФАПЛА** Заместителем Главного советского военного советника генерал-лейтенантом **Беляевым В.Н.**

Но, оказывается, очень многое зависит от прихоти кадровиков. Военно-кадровая бюрократическая машина непобедима. Недаром в военной среде популярен каламбур: «Выше кадров только солнце!» Поэтому дальнейшие события стали развиваться по следующему сценарию.

Распоряжение руководства о представлении меня к награждению орденом «Красная Звезда» начальник отдела кадров военной миссии в Луанде полковник **Пахомов** отправляет почему-то моему бывшему начальнику – Старшему коллектива советских военных советников и специалистов военной зоны Квандо-Кубанго полковнику **Альтшуллеру В.Е.**, в Менонге. А я ведь почти год, как переведен, и работаю на новом месте службы в Штабе Южного фронта, в Лубанго. И уж кадровику ли об этом не знать? Все документы необходимо было пред-

ставить в течение суток, а писать представление к награде должен непосредственный начальник.

Полковник **Альтшуллер В.Е.** выходит на связь с Лубанго, разыскивает меня и передает мне устно распоряжение **Пахомова**. Это распоряжение я должен передать своему старшему группы СВС, советнику командующего Южным фронтом полковнику **Новицкому В.П.**

Я оказался в двусмысленной ситуации – сам должен был сказать своему начальнику, чтобы он в суточный срок срочно представил меня к награде, при том, что письменно это ничем не было подтверждено. Поэтому я вызвал к аппарату советника НШ Южного фронта полковника **Михеева А.С.**, который принял сообщение и передал его полковнику **Новицкому В.П.**, на что тот раздраженно ответил: «Я не знаю, где он воюет и чего такого героического, он совершил. Где он воюет, там пусть его и представляют». О чем мне и сообщил полковник **Михеев А.С.** Дело в том, что за все то время (больше года), что я находился на должности старшего специалиста⁶ я был в Лубанго в общей сложности не более 2–3 месяцев. Почти все время по приказу из Луанды я был в командировках в составе оперативных групп и готовил подразделения частей **ФАПЛА** к проведению войсковых операций на других Фронтах. Это и вызывало у полковника **Новицкого В.П.** раздражение. Что мне было делать, услышав такое «резюме» на себя от старшего начальника? Унижаться, просить и умолять, чтобы он написал представление? Тем более, что прямого письменного распоряжения об этом в Лубанго не поступало.

Заступив на следующий день оперативным дежурным по военной миссии в Лубанго, я по радио связался с Луандой и пригласил на связь советника начальника Управления боевой

⁶ Старшего специалиста по боевому применению пехотных и танковых подразделений Управления боевой подготовки штаба Южного фронта.

подготовкой **ФАПЛА** полковника **Зданчука**, который являлся как бы главным куратором над советниками и специалистами, работавшими в Управлениях боевой подготовки Фронтов. Это он готовил распоряжения и направлял нас в командировки, о которых я говорил выше. Он присутствовал на офицерском собрании и знал об утверждении моей кандидатуры для представления к ордену. Выслушав меня, он сказал, что будет все в порядке и недоразумение будет устранено.

Некоторое время спустя, в конце мая, когда меня направляли в очередную командировку по подготовке войск в городе Маланже полковник **Зданчук** меня заверил, что мой вопрос решен положительно, что представление на меня якобы отправлено в Москву.

После возвращения в Союз, в наградном отделе «десятки» я поинтересовался представлениями на меня. Мне показали только представление к очередному воинскому званию «полковник», на котором наискосок была сделана надпись красным карандашом: «Не реализовано в связи с сокращением Вооруженных Сил». Представлений к награждению орденом не было, они из Луанды в Москву не присылались.

Позже, от своих знакомых я узнал, что полковник **Зданчук** получил орден «Красная Звезда», хотя среди кандидатов, утвержденных офицерским собранием, его фамилии, не было...

– Расскажите о своих товарищах: кто Вас спасал? Кого Вы?

– Мне приходилось встречаться в Анголе со многими людьми. Ведь мое второе место службы состояло из командировок в разные точки страны. Опасных ситуаций возникало много, но таких, в которых меня спасали бы мои товарищи, не было. Могу отметить три случая, когда прямо или косвенно мне спасали жизнь другие люди.

Первый – когда ангольский солдат из кузова вовремя заметил тонкую проволочную растяжку, протянутую к установленным вдоль шоссе 7 американским минам направленного действия **Клеймар (Клеймор)**. Машина затормозила букваль-

но в полуметре от растяжки. Мины были установлены в кустах, в 15–20 метрах от обочины дороги и соединены между собой детонирующим шнуром для одновременного подрыва. Эти мины наспигованы готовыми убийными элементами в виде шариков. Зона сплошного поражения 50 м. Поэтому можете себе представить, что было бы в результате подрыва этих мин.

Второй случай был полуанекдотичный. В выходной день мои товарищи отвезли меня порыбачить на речку подальше от деревни, но в районе расположения нашей бригады. Невдалеке также были позиции кубинской танковой роты. А сами они поехали в артиллерийский дивизион бригады проверять готовность артиллерии к проведению боевых стрельб. Я был в спортивном костюме с автоматом и удочкой. С автоматами мы никогда не расставались, и в пистолете патрон всегда был в патроннике.

Река в этом месте была от 5 до 10 м шириной, глубиной до 2 м, с болотистыми берегами, покрытыми высокой травой. Вода прозрачная, видно как у берега снуют рыбки. Невдалеке на берегу в траве темнело, как мне показалось, толстое бревно. Я еще подумал, что если здесь не будет клевать, то попробую ловить с этого бревна. Я положил автомат на землю, чтобы не мешал, и стал ловить рыбу. Рыба не клевала. Я оглянулся, и мне показалось, что бревно в траве уже ближе ко мне. Но тут мое внимание отвлек ангольский солдат, идущий к мосту.

От меня до него было метров 100. Взойдя на мост солдат, вдруг вскинул автомат и дал очередь в мою сторону. Пули прошли над головой и выбили фонтанчики торфа в 10–15 метрах за мной. Я сначала оторопел, но потом упал на землю и пополз к своему автомату. Оказывается, увлекшись процессом рыбной ловли, я отошел от него метров на 5. Вторая очередь ударила приблизительно в то же самое место.

Затем я услышал шум сильного всплеска и краем глаза увидел взметнувшийся вверх, как после взрыва, фонтан воды.

Третья очередь была выпущена уже по воде. Я понял, что это не **унитовец**, и что стрелял он не в меня. Я поднялся. Бревна в траве уже не было. Солдат мне крикнул, что это был крокодил, и чтобы я был осторожен, т.к. берега реки у моста заминированы. Если бы этот крокодил напал на меня, то последствия этой схватки были бы для меня весьма печальными...

После этого случая даже на рыбалке я автомат с плеча не снимал. Местные жители говорили, что с приходом войны в эти края крокодилы ушли вниз по течению в Великие болота Окаванго, в Ботсвану, здесь их не видели уже года три. Но пару месяцев спустя местные жители поймали и хотели продать нам маленького крокодилчика. Значит, они снова появились.

Третий случай произошел в Маланже. Кубинский солдат, не имея времени и возможности меня предупредить, метнул прямо мне под ноги лопатку, как раз в то место, куда я собирался наступить. Лопатка, вонзившись в землю, перерубила ядовитую змею. У кубинцев, накануне от укуса змеи погиб военнослужащий. В Анголе, говорят, более 300 видов змей, укусы которых смертельны для человека.

А вот в декабре 1989 г. на моих руках чуть не умер (была клиническая смерть) мой товарищ по 10-й пехотной бригаде подполковник **Юрий Яцун**. Дело было так. Нас, специалистов со всех фронтов, собрали в Куито-Куанавале для подготовки частей **ФАПЛА** для участия в операции по разгрому Южной группировки **УНИТА** и захвату города Мавинга.

Днем, в один из дней, когда все уехали на передовую готовить свои части к наступлению, в расположении нашей миссии оставались только оперативный дежурный, ангольский караул, экипаж радиостанции (матросы Северного флота), обеспечивающий связь с Луандой, врач – старший лейтенант медицинской службы **Беляев М.И.**, подполковник **Яцун Ю.Н.** и я.

Врач **Миша Беляев** постоянно дежурил на нашем медпункте и курировал местный гарнизонный лазарет. У **Юры Яцуна** был повторный жесточайший приступ малярии с высо-

кой температурой, бредом и беспамятством. У меня была просто малярия «трехдневка», когда в течение трех дней держится высокая температура, расстройство кишечника, но потом все проходит.

Когда я зашел проведать **Юру Яцуна**, он лежал на кровати без сознания, с закрытыми глазами в какой-то странной позе, будто его тело сковал столбняк. Его простыня была сброшена на пол. Похлопывая по щекам, я стал приводить его в чувство. Он открыл глаза, прошептал: «**Вадим** помо...» и затих, вытянувшись на кровати с открытыми глазами.

Я не на шутку испугался. Схватил его руку, пульс не прощупывался. Тогда начал нашатырным спиртом растирать ему виски и совать под нос – никакой реакции не было. Приложил к его рту зеркальце, но признаков дыхания не обнаружил. Я тут же кинулся бежать в гарнизонный лазарет к **Беляеву**. Выскочив на дорогу, увидел возвращавшегося из лазарета **Мишу**, и крикнул ему, что **Юра** умер.

На бегу рассказал, какие меры я предпринял. Он сразу метнулся в медпункт за инструментом. Проверив у **Юры** пульс и реакцию зрачка на свет, он постучал кулаком по левой стороне грудной клетки и потом сделал ему укол прямо в сердце. Затем приказал мне растирать **Яцуну** ноги и руки. Через некоторое время на щеках у **Юры** появился румянец, и он открыл глаза. Потом **Миша** говорил, что опоздай мы всего на пару минут, было бы уже поздно. А **Юра** потом рассказывал нам свои видения, такие же, как и у всех переживших клиническую смерть: падение в туннель (колодец), свет в конце туннеля, видение себя и всех остальных в комнате откуда-то сверху.

– Каков общий срок командировки и срок непосредственно на передовой? Отпускали ли Вас в отпуск во время службы там?

– В Анголе я пробыл ровно два года, день в день, не считая отпуска. Девять месяцев, с августа 1988 г. по май 1989 г. на должности советника командира 10-й пехотной бригады и один год три месяца с мая 1989 года по август 1990 г. на

должности старшего специалиста по боевому применению пехотных и танковых подразделений Управления боевой подготовки Штаба Южного фронта. Там в войсках передовая была везде, но непосредственного участия в боевых действиях у меня набежало 134 дня.

Отпуск офицерам представлялся через год, как положено, на 45 или 60 суток в зависимости от сроков выслуги лет. Случаев непредставления отпуска я не знаю, т.к. от этого зависела экономия валютных финансовых средств, валютный оклад офицеру во время отпуска не начислялся.

– Что Вы чувствовали, когда поняли, что война для Вас позади?

– Это была непонятная война, какая-то смесь войны и мира. В тогдашнем моем ощущении это была не война, а просто военная работа. Работа в другой стране с приключениями, риском и опасностями. Ведь не было такого, как во время Великой Отечественной войны – непрерывные бои, постоянные артобстрелы и бомбежки. Конечно, это у нас тоже было, но какими-то отдельными эпизодами. Хотя для отдельных бригад эти эпизоды длились по 3–4 месяца, а то и больше. Поэтому я считаю, что для нас все это наиболее точно отображает понятие «участие в боевых действиях», а не «война», т.к. война у нас перемежалась с безмятежной мирной жизнью. Иногда были и пальмы, и песок пляжа, и океан, и признаки комфорта. Были и веселые застолья с братьями кубинцами и болгарами, и местными ангольцами.

Трудно передать всю гамму чувств, которую я чувствовал в конце командировки. Это были одновременно и тоска по родным и близким, и радость от близкой встречи с ними. Была тоска по Родине. Бывая в Луанде, мы старались съездить на аэродром, чтобы просто притронуться к нашему самолету, который только что прилетел из Союза. Вечерами пытался восстановить в памяти все дни и ночи, проведенные в Анголе. Вспоминал те моменты, когда мог погибнуть, и меня могли отправить на Родину «грузом 200».

Как-то не думалось, что мы в воюющей стране и где-то идут бои и гибнут люди. Ведь в письмах мы писали, что «у нас все в порядке», что живем мы в «бананово-апельсиновом раю», что это экзотическая, сугубо мирная, чуть ли не туристическая прогулка, и что война, о которой пишут в газетах, далеко от нас. Была еще обеспокоенность перед неизвестностью на Родине, ведь там шло большое сокращение Вооруженных Сил. Куда пошлют служить после возвращения?

Начала накаляться обстановка на Кавказе, а семья в это время находилась в Грозном, не решен был квартирный вопрос... Вот такие смешанные чувства были у меня перед окончанием командировки в Анголу.

– **Чем Вы занимались после Анголы?**

– После возвращения из Анголы в 1990 г., в связи с сокращением Вооруженных Сил, я перевелся в войска Гражданской обороны. С января 1991 г. по май 1995 г. работал в штабе ГО и ЧС Калужской области начальником мобилизационной группы и заместителем начальника – старшим преподавателем курсов ГО. С мая 1995 г. по октябрь 1999 г. работал в Академии гражданской защиты МЧС России старшим преподавателем кафедры мобилизационной подготовки экономики. Уволился в запас в октябре 1999 г.

Во время службы в МЧС принимал участие в миротворческих операциях в «горячих точках». В 1992 г., когда боевики генерала Дудаева захватили военные городки и расположения воинских частей, эвакуировал семьи военнослужащих из Грозного. В 1993 г. участвовал в миротворческой операции по разъединению воюющих сторон в зоне грузино-абхазского конфликта.

Дополнительные сведения:

Лауреат премии МЧС России за участие в создании учебника «Мобилизационная подготовка экономики Российской Федерации».

Сейчас возглавляю ветеранскую организацию «ангольцев», избран Председателем Совета Региональной общественной организации участников оказания интернациональной помощи Республике Ангола – «Союз ветеранов Анголы».

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Донесение советника командира 10-й ПБр¹ [п/ка Сагачко] 5 декабря 1988 г.

КП – 19-й км шоссе Лонга-Менонге

Из опроса местных жителей, бежавших из плена, и докладов от разведывательных групп установлено, что северо-восточнее населенного пункта Лонга две группы противника силами до 2-х пехотных рот проводят рейдовые действия. Одна из них, численностью около 80 человек, вооружена разнообразным стрелковым оружием устаревших образцов, а также китайскими АК. Имеются минометы с боеприпасами. Состоит из ангольцев разных народностей, есть 2 жителя Лонги. В роте 4 офицера, старший капитан. Между собой офицеры общаются на португальском языке. Все одеты в старое обмундирование ОДП² и гражданскую одежду. Питаются маниокой и масангой³.

При этой роте находится группа из 7 бушменов, которые одеты в хороший камуфляж и ботинки. Держатся отдельно от ангольцев. Скорее всего, это военнослужащие 101-го батальона Намибии. Их цель и задачи выяснить не удалось

Пленных – 14 мужчин и женщин (из мирных жителей) – используют для переноски различных грузов, боеприпасов, минометных плит.

¹ ПБр – пехотная бригада.

² ОДП – отряды народной самообороны (ополчения).

³ Маниока – растение со съедобными клубнями, которые употребляют в вареном виде или после высушивания перерабатывают в муку, которую заваривают горячей водой, получая тестообразное блюдо, похожее на очень густую манную кашу.

Масанга – растение с зернами похожими на просо, которые после переработки в муку готовят также как маниоку.

Командир роты при допросе местных жителей интересовался расположением и составом кубинских войск, а также результатами обстрела населенного пункта Лонга ракетными снарядами 30.11.88.

Рота прибыла с базы Куэба в районе Шириндо. Ушла на восток, переправившись через реку в районе Пунья. Ночью во время переправы нескольким пленным (местным жителям) удалось бежать и вернуться в Лонгу.

Другая группа, численностью примерно 60 человек, 3.12.1988 имитировала атаку моста через р. Куирири (район Масека). Рота вышла из леса и развернулась в боевой порядок, но, не дойдя 500–600 м до позиций обороняющего мост 1-го взвода 2-го пехотного батальона бригады, снова свернулась во взводные колонны и ушла обратно в лес. По позициям взвода, обороняющего мост, противником были сделаны три выстрела из миномета. Разведгруппа доложила о наличии в роте 3-х белых инструкторов. Рота вооружена советским стрелковым оружием (АКМ, РПК, ПК). Кубинская артиллерия дала залп из **БМ-21** по этому району.

Донесение советника командира 10-й ПБр [п/ка Сагачко] 6 декабря 1988 г.

КП – 19-й км шоссе Лонга-Менонге

Разведкой установлено, что обстрел населенного пункта (коммуны) Лонга 30.11.88 производился с расстояния 20 км реактивными снарядами «Град» советского производства, предположительно, из установок «Град-П» из района 317°/20 км с правого берега р. Лонга. Причем, некоторые из них были без станков и устанавливались на деревянные перекладины, изготовленные на месте.

Прикрытие района огневых позиций осуществлялось пехотным подразделением с количеством личного состава более 40 человек. После обстрела эта группа ушла в северном направлении вдоль р. Лонга.

Питание этой группы осуществлялось продуктами (консервами и сигаретами), поступающими на снабжение частей ФАПЛА.

Учитывая то, что командир роты противника, действующей к северо-востоку от н.п. Лонга, был хорошо информирован об обстреле и интересовался его результатами при допросе местного жителя, можно предположить, что эти 2 подразделения противника объединены одним командованием, осуществляющим руководство с базы Шириндо или базы Куэба.

В эти районы направлены разведгруппы.

Отчет советника командира 10-й ПБр [п/к Сагачко] за период с 10.09.1988 по 10.01.1989

10 января 1989 г.

КП – 19-й км шоссе Лонга-Менонге

1. Военно-политическая обстановка и группировка противника в зоне ответственности бригады

10-я ПБр охраняет и обороняет шоссе Менонге – Куито-Куанавале на участке протяженностью 57 км, от моста через р. Луасинга до моста через р. Куирири (район Масака).

На 10.01.89 группировка противника, действующая в настоящее время в зоне ответственности бригады, насчитывает 2 батальона, 3 отдельных роты и подразделения сил ЗАК-4.

Их положение:

– 88-я прб и батальон неустановленной нумерации, пришедший из района Каюндю, находятся на базе «Жимби» в районе слияния р. Жимби и р. Луасинга 220°/40 км от н.п. Лонга;

– 1-я и 2-я роты 50-й рб, прибывшие с базы № 16 «Жимби-Куээй», левый берег р. Куэйю, совершающие рейдовые действия по границам зоны ответственности бригады, постоянной базы в зоне ответственности не имеют;

– рота неустановленной принадлежности, действующая предположительно с базы Куанго 37°/34 км от н.п. Лонга;

– подразделения сил ЗАК-4, действующие из района Ширинду 305°/60 км от н.п. Лонга.

Цель действий этих подразделений в настоящее время – контроль и сдерживание. Противник ведет разведку, минует лесные дороги и тропы, поля мирных жителей, запугивает мирных жителей, охраняет свои базы и маршруты, проводит занятия по боевой подготовке.

После боя 18.10.88 в районе Жимби противник не пытался атаковать подразделения бригады крупными силами (взвод-рота), за исключением – двух ракетных обстрелов (30.11.88 и 20.12.88) и четырех минометных обстрелов силами ЗАК-4 населенного пункта (коммуны) Лонга, но продолжает пытаться минировать шоссе силами диверсионных групп. В то время как с 10.09.88 по 10.10.88 противник 13 раз атаковал подразделения бригады и произвел 2 ракетных и 8 минометных обстрелов подразделений бригады.

В настоящее время противник сосредоточил свои действия в двух районах.

Первый – к юго-западу от н.п. Лонга в междуречье р. Лонга и р. Луасинга. В этом районе разведка бригады наталкивается на рубеже р. Жимби на сторожевые посты и боевое охранение противника. В этом районе встречаются многочисленные следы, свидетельствующие об интенсивной боевой подготовке противника. Противник в этом направлении минует лесные тропы и дороги, а также поля мирных жителей.

Только за ноябрь–декабрь в непосредственной близости от н.п. Лонга саперами бригады снято 8 противотанковых мин, 2 фугаса, 36 мин типа «Клеймар». 30 противопехотных мин и 6 «Клеймаров» было уничтожено (подорвано) на месте. На минах погибло 8 и ранено 19 мирных жителей.

Второй район усиления активности противника – к северо-востоку от н.п. Лонга, в междуречье рек Лонга и Куирири. В этом районе отмечается появление разведгрупп противника и подразделения противника на марше силой до роты. С этого района подразделения сил ЗАК-4 производили обстрел ракет-

ными снарядами н.п. Лонга. Здесь же участились случаи распространения пропагандистских материалов УНИТА, убийств мирных жителей, обстрел их и захват мирных жителей в плен.

Анализ действий противника за полгода показывает, что основной характер действия его подразделений был:

в июле-августе – ведение разведки, нападение на передовые подразделения бригады, минометные обстрелы позиций и КП бригады, попытки минирования шоссе и устройство засад, действуя небольшими группами численностью до взвода;

в сентябре-октябре – усиление ведения разведки, минирование лесных троп и дорог, попытка минирования шоссе, минирование полей местных жителей, устройство засад и нападение на мирных жителей, защита своих баз и маршрутов;

в ноябре-декабре – ведение разведки, минирование лесных троп и полей мирных жителей, нападение на мирных жителей, обстрелы н.п. Лонга ракетными снарядами, защита своих баз и маршрутов, проведение занятий по боевой подготовке. В этот период отмечается передвижение противника большими группами (до роты).

Вывод: в настоящее время противник имеет задачу проводить боевую подготовку своих подразделений, держать подразделения ФАПЛА в напряжении, а с уходом кубинских войск перейти к активным боевым действиям.

II. Организация и планирование боевых действий

За истекший период 10-я ПБр провела:

– 6 частных операций (3 – на юге зоны ответственности, 3 – на севере);

– 188 патрулирований (прочесывание местности в зоне ответственности бригады);

– 27 рейдов групп глубинной разведки. В результате был нейтрализован противник к югу в районе Катанги, разрушен 1 лагерь противника в районе Жимби, уничтожены 2 базы в 3 км к северу от истоков Луасинги. В ходе этих действий уничтожено 18 солдат противника, освобождено 15 местных жите-

лей, захвачено 12 автоматов, 2 винтовки, 35 гранат ПГ-7, 31 мина к миномету, ручные гранаты, 46 мин типа «Клеймар», вещевое имущество и деньги.

Потери бригады составили: 19 убитых и 86 раненых.

Низкая эффективность боевых действий бригады во время проведения операций была вследствие следующих причин:

1. Зависимость от командования зоны, т.е. отстранение штаба и оперативного отдела бригады от управления батальонами в ходе проведения операций и сковывания инициативы при разработке решения на операцию.

2. Боязнь самостоятельных действий и проявления инициативы командирами всех степеней.

3. Отсутствие достаточного (по штату) количества артиллерии и средств засечки огня противника.

4. Нет авиационной поддержки операции.

5. Нет радиостанций, из-за чего нет взаимодействия и информации между разведкой и между взаимодействующими подразделениями.

6. Нет емкостей для воды, отсюда привязанность к рекам.

7. Обеспечение подразделений, проводящих операцию, продуктами, требующими длительной обработки (фасоль, рис), отсутствие сухих пайков и консервов.

8. Не осуществляется своевременная эвакуация раненных воздушным и наземным транспортом с места (района) боевых действий. Раненые сковывают подвижность и маневренность подразделений на поле боя и в движении.

Вывод: в связи с низкой технической оснащенностью (средствами связи, транспортом, артиллерией) бригада способна решать ограниченные задачи.

III. Организация и ведение разведки

Разведывательная информация собирается разведывательными группами бригады, направляемыми в предполагаемые районы сосредоточения противника, членами народных отрядов самообороны, а также от местных жителей

– перебежчиков (солдат УНИТА) и местных жителей, бежавших из плена.

Низкая эффективность ведения разведки обуславливается:

1. Отсутствием средств связи в бригаде, разведанные за 5–6 дней движения разведгруппы устаревают;

2. Отсутствие в разведроте штатной техники, вооружения, компасов, биноклей;

3. Низкой укомплектованности разведроты личным составом и подготовленными сержантами-разведчиками.

4. Отсутствием сухих пайков для разведгрупп.

5. Низкими деловыми качествами начальника разведки бригады.

Вывод: несмотря на вышеуказанные недостатки, разведка бригады со своими задачами в основном справляется.

IV. Боевая и политическая подготовка

Планирование боевой подготовки с нового учебного года составляется правильно. Все отчетные документы (расписания занятий и журналы учета) в наличии и ведутся.

Боевая и политическая подготовка в подразделениях бригады проводится, но охват личного состава занятиями очень низкий из-за:

– низкой укомплектованности бригады личным составом (50%);

– несения боевого дежурства, патрулирования, участия в засадах и разведке местности большей части личного состава.

Кроме того, в отрыве от бригады находится часть личного состава, выполняющего задачи по обеспечению действий других бригад.

– часть личного состава 1-го пехотного батальона в Куито-Куанавале;

– часть личного состава 3-го пехотного батальона в Каюндю;

– артиллерийский дивизион 76-мм орудий в полном составе в Куито-Куанавале.

С личным составом, находящимся в местах дислокации подразделений боевая и политическая подготовка проводится регулярно.

Командование бригады пытается компенсировать данные недостатки в обучении дополнительными методическими занятиями с офицерами и сержантами всех подразделений бригады.

Вывод: контроль за проводимыми занятиями в подразделениях бригады осуществляется. Все расписания занятий и журналы учета в наличии и ведутся. Штаб бригады и штабы батальонов со своими задачами по планированию боевой и политической подготовки справляются удовлетворительно.

V. Заключение

10-я пехотная бригада выполняет ответственную задачу по охране и обороне участка шоссе Менонге – Куито-Куанавале протяженностью 57 км, от р. Луасинга до р. Куирири.

После поведенных рейдов и частных операций активность подразделений противника в зоне ответственности бригады заметно снизилась.

В связи с низкой технической оснащенностью (средствами связи, транспортом, артиллерией) и не укомплектованностью личным составом в наступательных и рейдовых действиях бригада способна решать очень ограниченные задачи.

Необходимо вернуть весь личный состав бригады из других частей и доукомплектовать подразделения бригады не только личным составом, но и вооружением, средствами связи, транспортом и артиллерией до штатной численности.

Со своей основной задачей по охране и обороне участка шоссе Менонге – Куито-Куанавале протяженностью 57 км от р. Луасинга до р. Куирири бригада справляется успешно.

**Донесение советника Командующего военной зоной
Квандо-Кубанго (6-го ВО) Южного фронта [п/к Сагачко]
о группировке противника**

20 октября 1988 г.
г. Менонге

На **20.10** группировка противника в зоне насчитывает 9 батальонов в районах боевых действий (4-я рег.; 4, 14, 15, 17, 18, 66, 75, 88-я полурегулярные); 9 окружных колонн (Салватера, Анти-Кубану, Гранада, Грива, Лотта, Львы Аняры, КОТ, Ум пассу ин френте и колонна № 111), два отряда № 1 и № 2, силы ЗАК-4, ЗАК-5, ЗАК-6, территориальные подразделения. Кроме того, в резерве на центральных базах и центрах подготовки до 5 батальонов (база Жамба – батальон «Мошу», база Калай – 9-я прб и до трех батальонов в центрах подготовки Тигре, Паланка, Виньчжунда).

В непосредственной близости от границы зоны 211°/53 км Каюндо – 5-я рб и 275-я прб.

А районе Куито-Куанавале в настоящее время отмечаются четыре батальона (4-я рб; 17-я, 18-я и 66-я прб). Положение их прежнее: 4-я рб в истоках р. Куатир, 17-я прб в истоках р. Шамбинго, 18-я прб на базе в районе слияния р. Куши и р. Куито 185°/55 км Куито-Куанавале.

Цель этих сил остается прежней – контроль и сдерживание, кроме того, держать значительные силы ФАПЛА в районе Куито-Куанавале в бездействии и напряжении, не дать возможности использовать их в других районах. Основной характер действий продолжает оставаться прежним: обстрелы позиций 59-й мпбр, ведение разведки, нападения на передовые подразделения (за месяц 5 нападений: **28.09, 29.09; 5.10, 11.10, 18.10** силами до роты в р-не 63°/23 км и до батальона 90°/27 км, 94°/26 км от Куито-Куанавале).

В резерве на этом направлении 66-я прб в истоках р. Кунзумбия, где расположена координационная база. 18-я

прб активности не проявляет. В течение месяца отмечалось три случая действий небольших групп (до взвода) в полосах ответственности 13-й и 36-й бригад. Цель действий которых – разведка и установка мин. В остальных районах зоны отмечаются действия 5 батальонов, 9 колонн, 2 отрядов, сил ЗАК-4, ЗАК-5 и ЗАК-6. Выявлено 2 новых колонны – это «Лотта» на базе Кассумби 215°/56 км от Менонге (состав 90 человек) и колонна «Ум пассу ин френте», которая действует юго-западнее Каюндю, точное положение неизвестно.

Действия этих сил заключаются в минировании и устройстве засад на маршрутах, обстрелах, защите своих баз и маршрутов снабжения.

В течение месяца проведено несколько боев с войсками ФАПЛА. Это бои с 53-й, 8-й и 10-й бригадами, проводившими частные операции.

1.10 – с 8-й пбр при захвате базы Теншмакела 310°/59 км от Каюндю (уничтожено 16 человек УНИТА, разрушено 650 кимб, захвачено: 2 автомобиля, стрелковое оружие и боеприпасы) и с 53-й лпбр – 200°/19 км Каюндю (16 убитых УНИТА) – это 4-я прб и рота 75-й прб УНИТА соответственно.

8.10 – бой 88-й прб с 1/10 пбр в районе 208°/43,5 км Лонга (УНИТА – 10 убитых, захвачено 4 АК; ФАПЛА – 9 убитых, 8 раненых).

Несколько активизировались действия противника в районе Менонге и на маршрутах Менонге–Куши, Менонге–Каюндю, Менонге–Лонга.

4.10 – нападение на одиночную машину 95°/40 км от Менонге (группа 10 человек).

Обстрел аэропорта и расположения кубинской бригады из системы «Град-П» (действует группа около 20 человек, 6–8 снарядов в обстреле) – за месяц 3 раза. Противник ставит перед собой задачу нарушить работу аэропорта, но пока это не удается.

На Менонге нацелены силы ЗАК-4, 14-й прб, колонны «Сальватера», действующих из района базы Шитупо 25°/40 км от Менонге, а также силы ЗАК-6 и 88-й прб из районов баз Жимби и Луатута 110°/62 км и 130°/65 км от Менонге, они также нацелены на дорогу Менонге–Лонга. Противник в основном действует небольшими группами по 10–15 человек, избегает столкновений с войсками ФАПЛА.

Подразделения «Бате» осуществляют минирование на дорогах, их действия обеспечивают подразделения «командос» (из состава ЗАК), которые в свою очередь проводят акции по нападению на одиночные машины, посты и патрули ФАПЛА.

Подразделения «Сими» ведут разведку группами по 5 человек, используя форму ФАПЛА, основное внимание уделяется переброске войск и грузов, в первую очередь в аэропорту Менонге.

В составе ЗАК-4 имеется подразделение «Град-II», которое периодически 2–3 раза в месяц обстреливает аэропорт, штаб группы и кубинскую бригаду.

На маршруте Менонге–Куши действуют силы ЗАК-5 и колонны № 111 с баз в районе 25°/40 км от Куши и колонны КОТ и Анти-Кубану в междуречье Кузлей и Луасенья.

В этом месяце в связи с проведением операций южнее и северо-западнее Каюндо противник сосредоточил здесь 5 батальонов и 3 колонны для защиты баз и маршрутов от базы Самбакалике, на базы «Френт Кафима», Чиполу, Тешимакеда, Жоау Бретау, Тешавокела и далее на север.

Положение батальонов противника установлено:

5-я рб и 275-я прб – 211°/53 км от Каюндо;

75-я прб на базе Чиполу – 280°/50 км от Каюндо;

4-я прб – 300°/60 км от Каюндо;

15-я прб – в районе базы Жоау Бретау, 330°/62 км от Каюндо.

Кроме того, в этой же зоне действуют колонны «Лотта» – база Кассумби 215°/56 км от Менонге и «Ум пасу ин фронте» – база не установлена.

На дороге Каюндо-Менонге проводит акцию отряд № 2 с базы Куэю, 70°/57 км от Каюндо.

В целом, силы УНИТА на территории зоны значительные, однако, большая их разобщенность не позволяет проводить им ощутимых действий против ФАПЛА, к тому же надо учитывать низкую укомплектованность (в батальонах от 150 до 250 человек, в ротах 50–60, в колоннах 80–90 человек) и большие проблемы с обеспечением, особенно продовольствием.

На следующий месяц усиление группировки противника и изменения характера его действий не ожидается.

Заключение⁴

Завершение иностранного военного присутствия в Анголе пришлось на конец 80-х – начало 90-х гг. XX века. Преддверием этого процесса стали события, происходившие в конце 1987 г. – первой половине 1988 г. в провинциях Квандо-Кубанго и Кунене.

В июле 1987 г. под Куито-Куанавале в провинции Квандо-Кубанго началась операция ангольской армии против вооруженных формирований оппозиции, подготовленная с помощью советских военных советников. Операция называлась «Навстречу Октябрю» («Приветствуем Октябрь»). Ее целью были: разгром вооруженных формирований оппозиции на юго-востоке страны; уничтожение налаженных путей снабжения оппозиции из Намибии в центр Анголы; взятие передовой базы УНИТА населенного пункта Мавинга и захват Жамбы, расположенной на границе с Намибией, где, как предполагалось, находился командный пункт **Савимби**. Кубинские войска, находившиеся в Анголе по просьбе ее пра-

⁴ Текст В.А. Сагачко.

вительства для защиты страны от внешней агрессии, в операции не участвовали.

Ангольские бригады, в боевых порядках которых, находились несколько десятков советских советников и специалистов, успешно развивали наступление. Когда они подошли к реке Ломба, формирования оппозиции попали в критическое положение. После форсирования реки крупных естественных преград для войск ФАПЛА, которые наступали по нескольким направлениям, больше не было, а до Мавинги оставалось всего около 30 км. Возникла реальная угроза ее захвата. С падением Мавинги открывался прямой путь на столицу УНИТА – Жамбу.

Чтобы не допустить разгрома УНИТА и захвата Мавинги, части армии ЮАР в конце августа 1987 г. вторглись в пределы Анголы. В район Мавинги и по суше, и по воздуху был сброшен крупный контингент войск ЮАР, включая бронетехнику. Они нанесли внезапный удар по наступавшим частям ФАПЛА. Завязались жестокие бои за переправы через р. Ломбу.

После вторжения войск ЮАР на территорию Анголы соотношение сил изменилось не в пользу ангольской армии. Южноафриканские войска и части УНИТА имели не только численное преимущество, но и самое главное – превосходство в огневых средствах.

В боях на ангольской территории участвовали отборные силы группировки войск ЮАР в Намибии. Наряду с 32-м батальоном специального назначения «Буффало» в состав ударной группировки ЮАР входили: 61-й и 62-й усиленные механизированные батальоны ВС ЮАР (это были бригады на боевых машинах (бронетранспортерах) «Ратель»); 2 танковых батальона тяжелых танков «Олифант» (40 шт.) танкового полка «Президент Стейн»; несколько дивизионов 155-мм гаубиц **G-5**, 155-мм самоходных гаубиц **G-6**, 127-мм реактивных систем залпового огня «Валькири» и «Баталер»; 4-й и 5-й разведывательно-диверсионные полки армии ЮАР; 101-й батальон Территориальных сил Намибии; подразделе-

ния противовоздушной обороны; части и подразделения обслуживания и боевого обеспечения; 4-й, 5-й, 18-й, 118-й, 275-й регулярные пехотные батальоны УНИТА, обученные и подготовленные в военных лагерях армии ЮАР на территории Намибии (в каждом имелась группа советников и инструкторов от САДФ); 6 полурегулярных батальонов и вспомогательные подразделения УНИТА.

Всего группировка войск ЮАР на территории Анголы и в приграничных с ней районах на территории Намибии, без унитовских частей и подразделений, включала более 20 тысяч солдат и офицеров, около 150 танков и **БТР**, приблизительно 400 артиллерийских орудий, минометов и реактивных систем залпового огня. Действия наземных войск поддерживали более 80 боевых и транспортных самолетов и вертолетов.

По инициативе СССР Совет Безопасности ООН принял резолюцию о незамедлительном выводе южноафриканских оккупационных войск с территории Анголы. Но США воспользовались правом «вето» и, помогая агрессорам, заблокировали это решение.

В результате боев в октябре–ноябре 1987 г. ангольские бригады понесли большие потери в личном составе и боевой технике и вынуждены были отступить. В ноябре 1987 года войска ЮАР, введя в бой тяжелые танки **«Олифант»**, пуская в первом эшелоне регулярные батальоны УНИТА, усиленные юаровскими **БТР**, попытались взять опорную базу правительственных войск – населенный пункт Куито-Куанавале.

Ангольское правительство обратилось к Кубинской группировке войск о помощи в создавшейся катастрофической ситуации. Высшее политическое и военное руководство Кубы, проанализировав сложившуюся обстановку, приняло решение оказать немедленную помощь Анголе, направить в Анголу дополнительные воинские части, боевую технику и нанести окончательный удар южноафриканским войскам.

На помощь ангольцам в Куито-Куанавале была срочно перебросена кубинская бригада. 16 ноября 1987 г. продвижение южно-африканских войск и формирований УНИТА было остановлено всего в 15–20 км от Куито-Куанавале. Ангольские войска, усиленные кубинскими батальонами, перешли к обороне. Унитовские отряды перерезали дорогу Менонге – Куито-Куанавале. Гарнизон Куито-Куанавале практически оказался в окружении, началась его осада.

После пополнения и довооружения понесших большие потери унитовских батальонов, перегруппировки и усиления своих частей юаровцы в январе 1988 года начали штурм Куито-Куанавале. Южноафриканские войска, используя тяжелые танки «**Олифант**», находя уязвимые места в обороне, с разных направлений, методично, с интервалом приблизительно раз в две недели продолжали штурмовать позиции защитников Куито-Куанавале. Дальнобойные гаубицы **G-5** регулярно обстреливали позиции оборонявшихся бригад и сам поселок. Осада длилась 5 месяцев.

Ангольские части создали эшелонированную оборону вокруг Куито-Куанавале. 25-я пехотная бригада вместе с кубинскими батальонами закрепились на восточном берегу реки Куито. 13-я десантно-штурмовая бригада заняла оборону на южном направлении. 66-я бригада и отошедшие с восточного берега оставшиеся подразделения 21-й и 59-й бригад обороняли Куито-Куанавале с запада. Кубинские батальоны так же занимали оборону на северном направлении. 8-я пехотная бригада (бригада сопровождения колонн) находилась в резерве.

На возможных направлениях главного удара вдоль шоссе «Куито-Куанавале – Менонге» и в районах переправ через реки Луасинга, Куирири и Масака заняли оборону три (61-я, 62-я и 63-я) тактические группы кубинских войск, в готовности перейти в наступление. Это мотопехотный или танковый батальон, усиленный танковой ротой (мотопехотной ротой), ар-

тиллерией, противотанковыми средствами, средствами ПВО, инженерными подразделениями.

Вокруг города Менонге занимали оборону подразделения и части обеспечения штаба 6-го военного округа, сержантская школа, 2 территориальных батальона и часть подразделений 70-й танковой бригады РВС Кубы.

23 марта 1988 г. был предпринят последний решающий штурм. Но, потеряв несколько тяжелых танков «Олифант» и бронетранспортеров перед позициями 25-й бригады, южноафриканцы отступили, так и не сумев сломить оборону Куито-Куанавале. Но юаровская артиллерия продолжала периодически обстреливать позиции войск и поселок из дальнобойных орудий вплоть до августа 1988 г.

Битва за Куито-Куанавале (1987–1988) стала самым крупным противостоянием анголо-кубинских войск с южноафриканскими и унитовскими формированиями в ходе всего ангольского конфликта.

О масштабе боевых действий говорит то, что ангольские и кубинские ВВС с августа 1987 г. по май 1988 г. совершили около 3000 боевых вылетов с аэродромов Куито-Куанавале и Менонге. Свыше 1100 из них пришлось на выполнение боевых задач по нанесению ракетно-бомбовых ударов по наземным войскам

По данным ЮАР, южноафриканская авиация совершила в ходе операции свыше 1000 боевых самолетовылетов, сбросив на позиции ФАПЛА более 3000 фугасных и осколочных бомб общим весом около 700 т.

Хотя Правительство СССР заявило, что советские военные в боях в Анголе не участвуют, но эта операция явилась рекордной по количеству участвовавших в ней советских военных советников, специалистов и переводчиков. По всему фронту, по всей линии соприкосновения с противником, несмотря на бои, артобстрелы и бомбежки, в боевых порядках ангольских бригад, на передовых командных пунктах фронта,

округов и военных зон находились советские военные советники, специалисты и переводчики.

Параллельно с обороной Куито-Куанавале, объединенные анголо-кубинские войска готовили наступление. В Анголу были направлены дополнительные регулярные воинские части кубинской армии, которые высадились на юго-западном побережье Анголы. В частности, с Кубы были переброшены части элитной 50-й танковой дивизии Революционных вооруженных сил, оснащенные советскими танками **Т-62**. В Анголу прибыли опытные кубинские летчики. Из СССР поступили новые партии вооружения, запасных частей и боеприпасов.

В то же время, кубинские части, которые дислоцировались в центральных районах страны, выдвигались в направлениях Маталы, Куши, Менонге.

В 800 км от Куито-Куанавале, на юго-западе Анголы была создана мощная группировка войск, насчитывающая до 40000 кубинских солдат и около 30000 ангольских бойцов, свыше 600 танков, сотен артиллерийских орудий и систем залпового огня, зенитных орудий и систем ПВО. Поддержку с воздуха обеспечивали кубинские **МиГи-23**.

Кубинские танковые части, которые высадились на атлантическом побережье Анголы, совершив бросок через Лубанго и Маталу, с боями начали продвигаться в направлении Каама – Онджива, к границе с Намибией. В конце мая 1988 г. кубинские и ангольские части вышли к границе Анголы с Намибией. Самолеты ВВС Анголы, ведомые кубинскими летчиками, нанесли массированный бомбовый удар по позициям южноафриканских войск около Калуже, в 11 км севернее границы Анголы с Намибией. Через несколько часов после этой атаки южноафриканцы взорвали мосты на пограничной реке Кунене, чтобы кубинские танки не ворвались по ним в Намибию.

Давая оценку этим событиям, в одном из своих выступлений **Фидель Кастро** сказал, что кубинские войска действовали «как боксер, который левой рукой сдерживает противника, а правой бьет».

Провал наступления южноафриканских войск под Куито-Куанавале и выход сильной группировки кубинских войск к намибийской границе на юго-западе Анголы, заставили руководство ЮАР прекратить боевые действия и пойти на переговоры. В результате, 22 декабря 1988 г. в Нью-Йорке между ЮАР, Анголой и Кубой было подписано трехстороннее соглашение о внешних аспектах урегулирования в Анголе. ЮАР согласилась прекратить оккупацию и вывести войска из Намибии к июлю 1991 г., а Куба – отозвать своих военнослужащих из Анголы к маю 1991 г. Поскольку УНИТА не была представлена на проводившихся переговорах, президент Анголы **Эдуарду душ Сантуш** и руководитель УНИТА **Жонас Савимби** подписали в г. Гбадолите (Заир) отдельное соглашение о прекращении огня с 22 июня 1989 г. Эти соглашения принесли мир для всей Юго-Западной Африки. Прямым следствием этого стало предоставление Намибии независимости и демонтаж в ЮАР системы апартеида, где в последующем к власти пришло правительство АНК. В самой Анголе начался переговорный процесс с оппозицией.

Войска ЮАР и Кубы были выведены в установленные сроки. К концу 1991 г. также было резко сокращено количество советских военных советников и специалистов, находящихся в Анголе.

В 1992 г. Россия в одностороннем порядке полностью прекратила оказание военной помощи Анголе, закрыла свою военную миссию и отозвала всех военных советников и специалистов, но позднее военное сотрудничество было возобновлено.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Информация с гостевой страницы сайта «Союза ветеранов Анголы»¹

[05.04.2007] Вадим Сагачко

...Те шесть кубинских **Т-55**, которые я видел на поле боя под Куито-Куанавале, были подбиты кумулятивными снарядами и сгорели вместе с экипажами. И хотя кубинцы потом забрали останки своих танкистов, мы находили среди обгоревших гильз фрагменты человеческих костей. Танки находились в обороне, в окопах, и боезапас² был расстрелян полностью. Ребята стояли до последнего, и видно, они так сильно допекли противника, что тот вымещал злобу, расстреливая в упор из гранатометов уже сгоревшие танки – в башнях некоторых из них было еще по 5–6 гранатометных пробоин.

Два подбитых ангольских **Т-54Б** стояли неподалеку в лесу на минном поле, поэтому детально осмотреть их не удалось. У одного была обгоревшая моторная часть, у другого разрушены передние правые катки...

[17.03.2007] Вадим Сагачко

О наградах.

Подвиги наши ребята совершали много и награждались. Но вот только награды зачастую (если это только было не именное представление) вместо них получали другие. Те, кто дружил с кадрами, а «выше кадров, как известно, только солнце».

Так, в первой партии наших военных в 1976 г. были награждены медалью «За боевые заслуги» повар и киномеханик, а трудяги курсанты-переводчики остались за бортом.

¹ www.veteranangola.ru

² Боезапас танка **Т-55** составляет 43 снаряда калибра 100 мм и 3500 патронов для 2 пулеметов **ПКТ** калибра 7,62 мм. Экипаж – 4 человека (*прим. ред.-сост.*).

В 1987–1988 гг. некоторые офицеры из Луанды только за получасовое посещение осажденного Куито-Куанавале получили ордена, а многие из боевых бригад – ничего.

В 1989–1990 гг. в уже относительно спокойный Куито-Куанавале из Луанды летели все – от военного прокурора до работников военторга, чтобы сделать отметку в личном деле и получить заветную корочку «Свидетельство о льготах» участника боевых действий.

Из 24 наград, присланных в Анголу по разнарядке в мае 1990 г. за подготовку и проведение операции «Зебра», только 4 досталось офицерам фронтовых бригад!

Но и не надо думать, что все советники Генштаба **ФАПЛА** из Луанды были только «орденопросцами», многие из них добросовестно выполняли свою работу, оказывая помощь подсоветным, и не паниковали при обстрелах.

Так, например, генерал-лейтенант **Беляев В.Н.** с подчиненными офицерами оперативного отдела в составе передового командного пункта фронта ходил за реку Ломба. Это на удалении 80–100 км от Куито-Куанавале. Сплошной линии фронта там не было, оборона «очаговая», а война партизанская. И таких примеров привести можно много...

[05.04.2007] Вадим Сагачко

...Безусловно, что армия ЮАР была сильнейшей и по оснащению, и по технике, и по обученности. Но вот только я не склонен верить такому соотношению потерь. Юаровские источники, мягко говоря, лукавят, особенно по технике. В военной терминологии очень много нюансов в определении потерь: «боевые потери», «временные потери», «санитарные потери», «безвозвратные потери» и т. д.

Так вот, 3 танка и 5 бронемашин – это те самые «безвозвратные потери», которые были брошены экипажами и которые не удалось эвакуировать с поля боя, и они были захвачены ангольцами и кубинцами. (И это только во время последней попытки прорваться к Куито-Куанавале с 27 февраля по 11 марта 1988 г.)

Некоторые даже в исправном состоянии. Впоследствии, бронестекло с этих бронемашин использовалось кубинцами в боевых машинах сопровождения колонн. Остальная же подбитая техника (в любом состоянии) юаровцами эвакуировалась и восстанавливалась, поэтому «боевыми потерями» не показывалась...

Потери в личном составе возможно реальные, т. к. перед своими танками они пускали не свою, а **унитовскую** пехоту. И, естественно, в ЮАР никто не считал, сколько их полегло...

И, конечно же, вызывают большое сомнение южноафриканские данные о потерях противоположной стороны: 4785 убитых с анголо-кубинской стороны и около 15 тысяч раненых (тут данные «гуляют» от 12 до 18 тысяч), 94 танка, 100 бронемашин; и со стороны ЮАР – 31 убитый и 280 раненых, 9 самолетов, 3 танка, 5 бронемашин.

Если ни в кубинских, ни в ангольских источниках вообще никаких данных о потерях не приводится (что, конечно же, не есть «очень хорошо»), то откуда такая точная информация вплоть до одного человека по убитым и, тем более, по раненым? Разведка? Радиоперехват? Так, **07.01.2007** я приводил пример, как они из 10 убитых и 18 раненых в моей бригаде довели наши потери до 360 человек (и еще 5 советников в придачу)!

[04.11.2006] «Шестой»

Знаю одного полковника **Храмова** (в 1979 г. комбатом 345-го парашютно-десантного полка заходил в Афган, две «Красных Звезды» за операции в ДРА). Потом он был в Анголе, «раздолбил» бригаду наемников из ЮАР, захватив их тяжелую технику и танки. Там, в Анголе получил третью «Красную Звезду». Пожалуйста, если сочтете возможным, прокомментируйте эти высказывания. Правда это, или «туфта»?

[20.12.2006] Вадим Сагачко

Для «Шестого»

Листал гостевую и наткнулся на Ваше первое сообщение насчет полковника **Храмова** из ВДВ, который «...в Анголе

«раздолбал» бригаду наемников из ЮАР, захватив их тяжелую технику и танки и получил третью «Красную Звезду»...

Подполковник **Храмов** до 1.10.1987 г. являлся советником командира 21-й пехотной бригады **ФАПЛА** и никакого отношения к спецназу не имеет, разве только то, что в Союзе он служил в ВДВ.

После успешного начала правительственными частями наступления, и возникшей реальной угрозе захвата «столицы **УНИТА**» Мавинга (что признается и юаровскими источниками) южноафриканские войска вторгаются на территорию Анголы и атакуют подразделения 16-й, 21-й, 47-й, 59-й бригад **ФАПЛА**. Наступление правительственных войск было остановлено, и после тяжелых боев они стали переходить к обороне на рубеже реки Ломба. Но и юаровские части понесли потери и не смогли форсировать реку Ломба.

Днем 26 сентября 1987 г. через 30 минут после окончания артиллерийского налета юаровской артиллерии, коллектив советских военных советников 21-й пехотной бригады вышел из блиндажа и сел за стол под деревом. Со стороны противника прозвучал одиночный выстрел из орудия (было ли это танковое орудие или артиллерийское – неизвестно). Снаряд попал в крону дерева и разорвался. Переводчику младшему лейтенанту **Олегу Снитко** крупным осколком отрубило руку и перебило ногу. Все остальные, а это советник командира бригады подполковник **Храмов**, советник начальника политотдела **Арагелян** и советник начальника штаба бригады **Дейкин** получили ранения мелкими осколками в спину и плечи.

Кубинцы выслали вертолет с врачом, но район посадки вертолета находился в нескольких километрах от командного пункта бригады, и **Олега Снитко** доставили туда на корме танка. От потери крови и болевого шока **Олег** умер. А всех раненых наградили орденами «Красной звезды». Был ли награжден **Олег Снитко** – мы не знаем, сейчас устанавливаем.

Почти через год в начале августа 1988 г., когда я готовился уехать в Анголу, к нам в группу на занятия, которые проводила

«десятка» со всеми отправляемыми в Анголу (военно-политическая обстановка, оргструктура противника, национальные особенности племен и т.д.) полковник **Н. Зеленик** привел **Хромова, Арагеляна** и **Дейкина** поделиться боевым опытом. Им только что вручили ордена. Никаких рассказов о захваченной у противника боевой технике не было. Сказали только то, что там «грязь, пот и кровь», но кому повезет – будет жить у океана.

Юаровский же танк «**Элефант**» был захвачен 11 марта 1988 г. во время последней попытки юаровских войск овладеть Куито-Куанавале. Но этот бой – тема другого рассказа. В это же время в провинции Кунене был захвачен исправный (бронетранспортер) «**Ратель**», а многие командиры ангольских бригад разъезжали на трофейных **Лендровегах**. В заключение, хочу сказать, что зачастую человек не по своей воле обрастает подвигами, а благодаря журналистам или «испорченному телефону»...

[08.01.2008] **Koos van Dyke**

Геннадью Шубину

...Кто может прояснить вопрос: «Сколько же у Куито-Куанавале подорвалось на поставленных кубинцами минных полях юаровских «**Элефанта**» («**Центуриона**»)? Одни ветераны говорят, что 2 или 3 танка, а другие, что чуть ли не 5 танков?»

По крайней мере, на этот вопрос я вам могу ответить и надеюсь, что точно. Что касается «**Олифантов**» («**Элефантов**»). Во-первых, могу назвать вам точную дату, когда их начали использовать – 9 ноября 1987 г. По воспоминаниям военных, впервые более чем за 40 лет, южноафриканские танки вступили в бой. Первыми южноафриканскими танкистами, уничтожившими танки противника, были лейтенант **Хайн Фурье** и лейтенант **Абри Штраус** (оба подбили по **T-55**). Кстати, гильза снаряда, которым **Фурье** подбил танк, была впоследствии помещена в музей при танковом училище в Блумфонтейне.

Что же до потерь, то согласно тому, что приводит генерал **Йоханнес Гелденюс (Гиндельхейс)**, захвачено/уничтожено противником (кубинцами/**ФАПЛА**) было 3 «**Олифанта**». Это же подтверждает и один из ведущих экспертов по армии ЮАР, **Хельмуд-Ремер Хайтман**.

23 марта 1988 г. в ходе операции «Пакер», 82-я бригада ВС ЮАР предприняла атаку на Тумбо. В состав бригады, кроме всего прочего, входили 2 танковых батальона из полка «Президент Стейн» – они и составляли танковый полк (временный), которым командовал командант **Герхардт Лаув**.

Саперам удалось проделать проход в минном поле, заложенном ангольцами, по которому собственно и пошли танки. Но на втором минном поле 2 «**Олифанта**»³ подорвались. К этому времени танки находились под очень сильным огнем, и **Лаув** отдал приказ отойти обратно. Командант предпринял попытку эвакуировать подбитые «**Олифанты**», но безуспешно – подвески были уничтожены, и танки прочно встали. Один «**Олифант**» попытались вытянуть тремя танками, но это ни к чему ни привело – только к тому, что заклинило тросы (их пришлось подорвать). **Лаув** запросил у командования разрешения уничтожить танки огнем своей артиллерии, но получил отказ. Генерал-лейтенант **Андреас «Кат» Либенберг** (главнокомандующий сухопутными силами) отдал приказ оставить поврежденные танки, с тем, чтобы их эвакуировать позднее. Ближе к вечеру, когда танки шли по проходу через первое минное поле, из-за сильного задымления, они сбились с пути, и на mine подорвался третий «**Олифант**». **Лаув** принял решение оставить и его тоже, поскольку тросов для эвакуации не было.

³ По сведениям полковника запаса **Игоря Анатольевича Ждаркина**, кубинцы намеренно сообщили ангольцам ложные координаты поставленных противотанковых минных полей, прекрасно зная, что эти сведения от предателей-ангольцев тут же уйдут южно-африканцам, и «**Олифанты**» неожиданно подорвались на минах.

Таким образом, у Тумбо было потеряно 3 танка (речь идет именно об «Олифантах», что касается «Рателей», там другие цифры).

Один из «Олифантов» позже был доставлен в расположение 25-й бригады **ФАПЛА**, два других были превращены в огневые точки, на случай, если южноафриканцы попытаются их отбить. 26 марта подбитые танки были предъявлены журналистам.

[10.01.2008] Геннадий Шубин

Для Koos van Dyke

Спасибо за весьма исчерпывающий ответ по танкам **Элефант**, потерянным ЮАР в Анголе.

Вы не в курсе, откуда в музее при танковом училище в Блумфонтейне появился танк **T-62** (не тот, что стоит на постаменте и подарен дружественным государством), а который стоит в ангаре? Мне в 2006 г. сопровождавший на экскурсии бур-подполковник клялся и божился, что этот танк был захвачен в Анголе. Правда, подполковник не служил в Анголе. Насколько я знаю, кубинцы имели под Куито лишь один танковый батальон (примерно 30 танков **T-62**), а ангольцы лишь **T-54Б** и **T-55** (равно как и кубинцы).

Кстати, насчет **Хельмунда Ремера Хайтмана**⁴. Он – известный и хороший специалист по вооружениям ЮАР. Но когда он пишет, что **АК-47** сделан на основе немецкой штурмовой винтовки **Sturmgewehr 44**⁵, или когда превозносит

⁴ **Хельмунд Ремер Хайтман** является автором книг: *Heitman R.H. South African War Machine*. L., 1985; *Heitman R.H. South African Arms & Armour. A Concise Guide to Armaments of the South African Army, Navy and Air Force*. Cape Town: Struik Publishers.1988. *Heitman, R-H. War in Angola: The Final South African Phase*. Gibraltar: Ashanti Publishing. 1990.

⁵ Возможно, только внешний вид позаимствован **Калашниковым**, но внутреннее содержание совсем другое. Правильнее говорить, что

(южноафриканский) бронетранспортер **Рател**, как один из первых в мире, хотя **Рател** лишь лицензионный (трехосный) вариант французского (двухосного) **VXB**, то становится немного забавно.

Список «заимствований» у ЮАР весьма велик. Хотя некоторые из них, типа дальнобойной гаубицы **G-5** (155 мм), дальнобойной **САУ G-6** (155 мм) и современной дальнобойной легкой гаубицы **G-7** (105 мм) весьма впечатляют. Творения гениального американского профессора **Джеральда Булла** или пушки созданные по его технологиям приводят в восторг артиллеристов всего мира.

[11.01.2008] Koos van Dyke

Геннадью Шубину

Так вот, пожалуй, сразу и не скажу... Вроде бы в кубинской 50-й дивизии были **T-62**, и они их задействовали в бою при Кулене в 1988 г. При Куито, если я правильно помню, **T-62** непосредственно в боевых действиях не участвовали (хотя могу и ошибаться).

А в (южноафриканском) танковом училище есть 2 **T-72**⁶. Как я слышал, они были куплены в Польше. Один до сих пор на ходу, второй нет. Вот это все, чем я располагаю, увы. Что же до **Хайтмана** – ну это понятно. Иногда бывает и заносит – и не только его. Хотя «**Ратели**» себя очень хорошо показали в Пограничной войне, спору нет...

[22.01.2008] Сергей Коломнин

Для Koos van Dyke

на основе немецкой штурмовой винтовки **Sturmgewehr 44** созданы испанская штурмовая винтовка **Сегме** и западногерманская **G-3**.

⁶ На вооружении армии Анголы в 2008 г. состояли (по приблизительным оценкам) 50 танков **T-72**, 50 танков **T-62** и несколько сотен танков **T-55** (*прим. ред.-сост.*).

...Нет ли в источниках ЮАР какого-нибудь подробного описания боев под Луандой (по ангольской версии «Битва под Кифангондо»), прошедших 8–10 ноября 1975 г.? В них участвовали 4 южноафриканских расчета 140-мм (**G-2**) пушек и группа военных советников (если их так можно назвать) главы **ФНЛА Холдена Роберту**. Всего около 40 человек (данные неточные). Но то, что там были южноафриканцы, в том числе и из (спецподразделения) *Recces*, у меня лично не вызывает сомнения.

Дело в том, что в исторических кругах (узких, конечно), давно идет дискуссия, применялись ли в «Битве под Кифангондо» установки **БМ-21 «Град»**. Кубинцы утверждают, что да. **Стоквелл (Стокуэлл)**, советник от ЦРУ при **Х. Роберту** тоже. Несколько иностранных наемников, завербованных для ФНЛА – говорят то же самое.

Вот ангольцы, а именно, командующий артиллерией 9-й ангольской бригадой **Нгонго** (бывший посол РА в России и большой наш друг, много сделавший для укрепления связей СВА (союза ветеранов Анголы) с ангольскими представителями) утверждает, что там были лишь одноствольные «**Град-П**». Он – участник тех событий. Может «у страха глаза велики?» И несколько десятков выстрелов из одноствольного «**Град-П**» были приняты за залпы **БМ-21**?

При этом уничтожили колонну, состоящую их 3,5 тыс. человек, включавшую, кроме «малообученных» (согнали мужское население нескольких деревень, одели в форму, всучили **G-3** и... в строй) ДВА батальона элитных заирских командос?

И они побросали дюжину абсолютно исправных **БТР «Панар»**? И руководившие ими полторы сотни бывших белых португальских (по происхождению – ангольцев) офицеров и сержантов, служивших в колониальных войсках Португалии, тоже разбежались? Очень непонятен этот момент. Может у южноафриканцев, есть какие-то ссылки на этот бой?

[19.01.2008] Шкляренко Анатолий

Относительно техники и вооружения.

Хочу добавить относительно автомобильной техники, которая эксплуатировалась в Анголе.

Грузовые автомобили:

ГАЗ-66, IFA W50 (ГДР), **ЗиЛ-130, ЗиЛ-131, Урал-375Д, КраЗ-255Б, [МАЗ-500]**;

Легковые автомобили:

УАЗ-469, УАЗ-452А, ВАЗ-2106, ВАЗ-2105, ГАЗ-24, ГАЗ-24-10 – с 1986 г., **Land Rover-109** (Великобритания), **Land Rover-110** (Великобритания);

Автобусы:

ПАЗ-672, ЛАЗ-695, Autosan (Польша, модели уже не помню).
Специальная автомобильная техника:

МАЗ-537 (поступило 10 штук, насколько я помню – в конце 1985 – начале 1986 г.). Использовались с площадками для транспортировки танков;

МТ-ЛБ (как **СПВ** для **ЗРВ**). Тоже было 10 штук. Во всяком случае, при мне.

Я упомянул только основные марки, т.к. техники было очень много. У меня в школе, к примеру, был тягач **Renault (Рено)** с площадкой (модель уже не помню). Но, насколько я знаю, он был один на всю армию. Команды на его использование отдавал начальник ДТТ (?) лично. Ему на замену и пришли наши **МАЗ-537**.

[18.01.2008] **Сергей Кононов**

Геннадию Шубину

Еще об оружии.

Встречались мне 2 экземпляра немецкого пистолета-пулемета **MP-38**, может и **MP-40**.

У нас в оружейке был еще один **немец** – у него магазин вставлялся в бок.

О магазинах. К **Калашникову** были и металлические магазины, и пластиковые. Была мода спаривать магазины изолен-

той. Когда принял группу, запретил. Потому как при стрельбе в пустыне, если ткнешь спаренным в песок, то потом не вставить.

Артиллерийское вооружение:

БМ-21, 122-мм гаубицы **М-30**, 152 мм гаубицы [**Д-1** и **МЛ-20**].

[15.01.2008] Виктор Мизиков

Геннадью Шубину

К вашему вопросу о встречавшемся оружии и транспорте.

Я, как человек невоенный, могу неправильно назвать некоторые вещи, которые стреляли и ездили, но вот что помню: в нашей медицинской группе (Лубанго, 1985–1987) из автоматов были **АК**, **АКМ** и **АКМС**. Из пистолетов: **ПМ** и здоровый пистолет, на котором было написано «**Star**» (кто-то говорил мне, что якобы испанского производства). У меня был еще пулемет (мы получали бумагу типа своеобразного боевого расписания, кто и где должен был находиться в случае попытки захвата здания), у которого раскладывалась тренога, был довольно короткий магазин, мне говорили, что он бельгийский.

У кубинских врачей, которые были вооружены абсолютно все, включая женщин, и они были обязаны носить оружие постоянно, но скрытно, я видел **ПМ**, **ТТ** и **Вальтер**. Из транспорта: **УАЗ-452** медицинского типа, **УАЗ-469** и медицинская «**Волга**» **ГАЗ-24 «универсал**». Из грузовиков в Анголе часто встречалась «**Scania**» (**Скания**) (шведского производства).

[13.01.2008] Сергей Коломнин

Геннадью Шубину

Противотанковые пушки... «**Рапира**» (**МТ-12 «Рапира»**) калибра 100 мм и (противотанковые) орудия **ЗИС-2** калибра 57 мм в Анголе точно были. Несколько **ЗИС-2**, по-моему, даже были захвачены Вооруженными силами ЮАР в ходе боевых действий, а юге, но могу ошибаться. Хотя, даже где-то у меня в архиве такие фото были.

Грузовики **ГАЗ-51** (не знаю в отношении **ГАЗ-63** и **ЗИЛ-157**) были привезены в небольших количествах с Кубы в период 1975 г. и использовались только кубинцами (ангольцам они не предавались)

КАМАЗы... и **Зил-130** и **Зил-131** поставлялись в большом количестве. **ГАЗ-21 «Волга»** точно не было, а вот **ГАЗ-24** было много (1980 г.). И ездили на них наши советники и МГБ. Но в МГБ они быстренько исчезли. А наши советники ездили на них около трех лет. **«Нив»** было очень много, их поставляли не только для армии, но и в гражданские организации. Ангольцам и кубинцам они очень нравились. Быстрые, проходимые и комфортабельные.

ГАЗ-69 (может и **ГАЗ-67**) были привезены с Кубы в 1975 г. Это было связано с тем, что всю поставленную технику с Кубы мы обязались заменить (практически бесплатно) на новую. Вот они и тащили с Кубы все, что можно. Но работало все. Кубинцы молодцы!

УАЗ-469 поставлялись в **ФАПЛА** и кубинцам в большом количестве. Сам ездил на таком, поставленном в 1982 г.

Несколько установок **РЗСО «Ураган»** были захвачены ангольской правительственной армией в ходе операции по «добыванию» **УНИТА** в 2001 г. в Бие...

Что касается древних португальских кремневых мушкетов, то были, сам в руках держал. Но, что за «пушки», калибр и т.д. не скажу. Их сразу же ангольское командование прибирало к рукам – это же антиквариат! Нам-то какой интерес их брать? В Союз же не увезешь! Это только «дипы» могли таможенно обойти или наши летчики с **Ан-12** и **Ил-76** (там были свои пути).

Из пистолетов могу назвать **Р-38 Вальтер**, у меня такой был, **Парабеллум**, солдатский, встречал. Выпуска 1943–1944 гг. Видимо ГДР (Германская Демократическая Республика) поставляла. А может, и мы с трофейных складов. Но **Р-38** были в отличном состоянии, все в масле, как только что с завода. **Браунинг** (дамский), маленький такой, был у моего коллеги. Для жены ангажировал...

[16.01.2008] **Сергей Кононов** (с поправками **Вадима Сагачко** от 23.01.2008 и дополнениями **Дмитрия Стрельцова** от 23.02.2008)

Геннадию Шубину

По оружию, встречавшемуся в Анголе 1984–1986 годы.

Пишу, что видел и помню. Если есть вопросы, задавайте, покопаюсь в голове и записях. Если, что-то не к тому типу отнес, то пусть военные поправят.

Автоматы, пистолеты-пулеметы:

1. **ППШ** – 7,62 (7,62 × 25)
2. **АК-47** – 7,62 (7,62 × 39). Советского и китайского производства. Причем «китайцы» были с длинным штыком.
3. **АКМ** – 7,62 (7,62 × 39)
4. **АКМС** – 7,62 (7,62 × 39)
5. **АК** – 7,62 мм (7,62 × 39) чешского производства с пластмассовым цевьем, которое после тридцати выстрелов накалялось так, что рукой не удержишь.

Примечание: патроны к **АК** [калибра 7,62 × 39] поставлялись советские и югославские. Наши – в стандартных цинках, открываемых специальным ножом. Югославские – в тонких светлых цинках, открываемых вплавленной проволокой, которую нужно было тянуть за деревянную или пластиковую бобышку. У югославских звук выстрела был «суше».

7. **Узи** (стандарт)
8. **М-16** – США [5,56 × 45].
9. Итальянские пистолеты-пулеметы – двух типов. Марок не помню.

Карабины, винтовки:

1. **СКС** – 7,62 (7,62 × 39)
2. **G-3** – 7,62 (7,62 × 51)
3. **СВД** – 7,62 (7,62 × 54R)
3. **ТОЗ-8** – 5,6 мм
4. **Винчестер** 22 калибра, на 20 патронов.

Пулеметы:

1. **РПК** – 7,62 (7,62 × 39)
2. **ПКМ** (7,62 × 54)
3. **РПД** (7,62 × 39)
4. **ДШК** – 12,7 (12,7 × 108)

Пистолеты:

1. Пистолет Макарова – **ПМ** (9 × 18)
2. **Вальтер П-38** – 9 мм (9 × 19)
3. **ТТ** – 7,62 мм (7,62 × 25)
4. **Марголин** – 5,6 мм со стволом, если точно помню, 140 и 180 мм
5. Пистолет-пулемет **Стечкин** (9 × 18) (им вооружались советские и кубинские экипажи вертолетов)

Артиллерийское вооружение:

1. 122 мм **Град-П**
2. Безоткатное орудие **Б-10** калибра 82 мм
3. **ЗИС-2** – 57-мм – противотанковая пушка.

ПВО:

1. Комплекс **С-125 «Печора»**
2. **«Куб»** – (в экспортном варианте **«Квадрат»**).
3. **ЗГУ-1** – 14,5 мм
4. **ЗПУ-4** – 14, 5 мм
5. **Стрела – 2М**.

Мины

Противотанковые:

1. **ТМ-46, ТМ-57, ТВ-62** – советские

Противопехотные

1. **ПОМЗ-2**
2. **ОЗМ-4**
3. **СПМ** (магнитная)

Итальянские, английские, израильские – марок не помню, но покопаюсь.

Взрывчатые вещества

1. **Тротил** в стандартных шашках.
2. **Пластит-4**

Гранаты:

1. **Ф-1**
2. **РГД-5**
3. **РГ-42**

Запалы **УЗРГМ** – наши, китайские и пакистанские.

Гранатометы:

1. **РПГ-7...**

По машинам:

Уралы, Камазы, Газ-66, Уаз-452 (буханка), Нивы, Волги Газ-24. ВАЗ-2105. Кразы-255 – самосвалы и бортовые. **УАЗ-469, ЗиЛ-157** (в пустыне незаменим – малобортистый, пушки таскал, только так) [также использовался тяжелый мотоцикл **Урал** для разведрот].

[23.01.2008] **Вадим Сагачко**

Сергею Кононову

Поправки по опечаткам к тексту о вооружении.

... маркировка наших противотанковых мин **ТМ-46, ТМ-57, ТМ-62** + дополнительная буквенная индексация (А, Б, В), обозначающая материал корпуса и дополнительные взрыватели...

Советских 40-мм «подствольников» **ГП-25** в Анголе не было. Они там появились только в середине 1990-х. Возможно это 40-мм однозарядный американский **М-79** или образцы других западных стран под этот боеприпас; Чехословакия никогда **АК** не производила, это **Vz.58...** Мои впечатления об этой машинке.

Чехословацкий автомат **Vz.58V** был у меня в качестве второго (запасного) оружия. Автомат очень легкий и удобный. Ствольная коробка автомата выполнена из легкого сплава, магазин алюминиевый. Но крышка ствольной коробки короткая и закрывает ее только наполовину (заднюю часть). Остальное пространство закрывает затворная рама. Поэтому при стрельбе, когда затворная рама находится в заднем положении, передняя часть ствольной коробки практически от-

крыта для попадания инородных предметов, грязи, земли, песка и т.п.

Посадочное гнездо для магазина совсем другого размера, чем у **АК**, поэтому при внешней схожести магазина **Vz.58** и **АК** (**АКМ**) не взаимозаменяемы. Несмотря на «прикладность» автомата, при стрельбе очередями (особенно длинными) из-за его легкого веса и большой скорострельности (800 в/м) ствол при отдаче сильно уводит вверх. При стрельбе «лежа с упора» результаты нормальные. А вот из положения «стоя» необходимо было прочно удерживать его. Складной приклад с него я потом переставил на свой югославский **M70B1...**

[15.01.2008] **Koos van Dyke**

Геннадью Шубину

Виктор Мизиков упомянул про пистолет **Star**. Я косвенно могу подтвердить это. Дело в том, что **Star** – это действительно испанский пистолет, они его производят с начала 1920-х годов. Пистолет основан на конструкции американского пистолета **Colt M1911**, под патроны 9 × 23 мм **Бергманн-Байярд** или 9 × 19 мм **Парабеллум**.

В 1946 г. был начат выпуск пистолетов **Star A Super** и **Star B Super**. Их выпуск продолжался до середины 1960-х годов, а пистолеты модели **B Super** вообще состояли на вооружении в Испании до начала 1990-х годов. Нельзя сказать, что юг Африки завален был «**Старом**» но встречался он изрядно. Как внештатное оружие он был распространен в ВС ЮАР, а до этого – в армии Южной Родезии. Также находился он и на вооружении **УНИТА**. Испанцы оружием торговали много и охотно, а Африка – отличный рынок. Так что то, что в Анголе были «**Стары**» – ничего удивительного.

[21.01.2008] **Сергей Кононов** (с дополнениями **Сергея Колмнина** от 24.01.2008)

Геннадью Шубину

1. В ТААГ (ангольская авиакомпания) на международных рейсах были **Боинг-737**. При мне 1984–1986 г. Они ходили в Лиссабон, Париж, Рим, Москву (точнее, **Боинг-707**, **Боинг-737** использовался на внутренних рейсах).

2. **РАФ-2203** (микроавтобус) – по гражданским контрактам шли с одним задним ведущим мостом. Кстати, были комфортнее, чем **Уазики (УАЗ-452)**...

[24.01.2008] Сергей Коломнин

Для **Геннадия Шубина** и всех, кто интересуется вопросом авиации, которая использовалась в Анголе...

Ан-12 (4–6 единицы) и **Ил-76** (от 4 до 8 единиц) входили в состав отряда ГВС в Анголе. Задача – оказание помощи вооруженным силам Анголы и кубинским войскам. Реально летчики подчинялись только Главному военному советнику, но работали на **ФАПЛА**.

Ан-22 возили оружие из СССР в период 1975–1976 гг. Потом тоже были. Садись только в Луанде, по Анголе (на внутренние аэродромы) не летали. Кстати, никаких пушек в хвосте у **Ан-12**, **Ил-76**, **Ан-22** не было. Оставались только «гнезда», т.к. самолеты летали под флагом «Аэрофлота» и считались гражданскими.

Ан-26 (военно-транспортный вариант **Ан-24**) работал в качестве личного самолета Главного военного советника (ГВС) (в Союзе каждому командующему военным округом полагался такой). С салоном VIP и грузовым отсеком для генеральской «**Волги**»). Тоже был раскрашен в цвета Аэрофлота.

Ан-26 были в составе ВВС Анголы (4–6 штук). Сначала на них летали наши гражданские летчики, потом подросли подготовленные ангольцы из Союза. **Ан-26** были и у кубинцев (4–5 штук)... [и **Ан-30** топографический вариант].

Ми-8, **Ми-17**, **Ми-24** были и в ВВС Анголы. Самолеты **Як-40** были поставлены для авиакомпании ТААГ в конце 1970-х и летали около 2–3 лет. Один пассажирский **Як-40** был ошибочно сбит ракетой **С-125 «Печора»** (или «**Волга**») при подлете к Лубанго в 1982 г. Такой же самолет, но с салоном VIP возил министра обороны НРА «**Педале**». Экипаж был из Армении.

Про **Ан-2**. Была в 1981–1982 гг. в Анголе целая эскадрилья из 5–6 самолетов. И никакие они не польские, а наши. Расскажу одну историю.

В 1982 г. наших советников при ВВС ангольцы пригласили в город Негаже, для проведения «Научно-практической конференции по применению легкомоторной авиации против бандформирований». Город Негаже – на севере. Очень спокойное (от бандитов) место, ну по тем временам. При португальцах там была построена хорошо оборудованная база ВВС, входившая в реестр НАТО. А в начале 1982 г. там, вопреки рекомендациям советского ГВС, была создана «Школа легкой авиации» на одномоторных поршневых самолетах **РС-7**. При помощи румын! Наших союзников по соцлагерю.

Возглавлял школу целый генерал-лейтенант (!), бывший заместитель командующего ВВС Румынии. И обосновал он это дело так: сначала чернокожий летчик должен научиться летать на легком **РС-7**, а затем, получив опыт, он сможет овладеть и реактивным истребителем... А в те годы ангольцы официально ориентировались в военной области практически целиком на СССР. В Союз для овладения современными реактивными самолетами **МиГ-21**, **МиГ-23**, **Су-17** и боевыми вертолетами **Ми-24** отправлялись десятки ангольцев. И вдруг какие-то румыны с легкомоторной авиацией! Случай беспрецедентный.

Эта школа образовалась по инициативе командующего ангольскими ВВС и ПВО команданте **Жоау де Консейсау «Гату»**. Он несколько лет учился в Румынии и завел там солидные связи. При организации школы, видимо, присутствовал солидный «откат» – на нее были потрачены несколько миллионов долларов, причем «живой» валюты из бюджета НРА...

Школа была туфтовая, все машины аэродромного обслуживания, привезенные из Румынии были насквозь прогнившие, но... покрашенные заново и даже отлакированные. А, пальцем ткнешь – и дырка.

Но приглашение поступило. Отказываться нельзя. Группу сформировали из 5 советников и одного переводчика (меня). Из Луанды нужно было перелететь в Негаже, это около 400 км.

Прибываем рано утром на аэродром. Ждем около часа (ангольцы никогда особенно не спешили). Потом появляются несколько легковушек с офицерами ВВС Анголы. Следует вопрос к организаторам вояжа – на чем летим? «Да, вот он самолет», – анголец указывает на изрядно потрепанный «кукурузник» **Ан-2**, стоящий в отдалении – «наши, пилоты уже готовы...».

Состояние наших советников трудно описать. Что-то близкое к панике.

Почему? Самолеты **Ан-2** были поставлены в Анголу вне военных контактов. По линии торгпредства. Но кто-то получил солидный «откат», и приехали несколько техников и летчиков, по моему, из Сасово (Рязанская область). Обучением занимались на месте, положенную медкомиссию из ангольских пилотов никто не проходил. Как они летали? Никто из наших военных не знал. Но за полгода сасовцы научили с десяток ангольцев сносно летать. (Не стоит забывать, что **Ан-2** обладает исключительными ТТХ, отправить его в штопор, даже нарочно, просто невозможно. И даже садится самолет сам, если ручку отпустить!).

Но, по большому счету, опасения наших военных советников были понятны. Почему четыре полковника и один подполковник советских ВВС должны лететь на древнем «кукурузнике», да еще с непонятно каким пилотом?

Советник главного инженера ВВС стал выяснять, когда **Ан-2** последний раз был на регламенте, какой и когда ремонт проводился. Советник главного штурмана ВВС стал дотошно выпытывать про налет пилотов и их допуски по погоде... В какой-то момент я вдруг понял, что наши советники просто бояться лететь на этой технике и с ангольскими летчиками.

Мне же приходилось неоднократно летать в Анголе с местными пилотами. Нас на ВВС было всего двое переводчиков, и редкая неделя обходилась без командировки в провинцию. Летали на всех имеющихся типах самолетов и вертолетов (в

салоне, пассажирами, конечно). **Ан-12** (с нашими), **Ан-26** (с нашими, кубинцами и ангольцами), «**Фоккер Ф-27**» и **Боинг 737** (с ангольцами), на вертолетах **Ми-8** (с нашими), **Алуэтт-III** (с ангольцами).

Мне было просто непонятно, почему советники, а многие из них так ни разу из Луанды и не вылетели, комплексуют. Кончилось это тем, что один из ангольских офицеров, поняв что советники не хотят рисковать, заявил: «Я не пойму, чего вы боитесь: летчиков обучали советские специалисты, самолет советский, обслуживался советскими. Почему вы не хотите лететь? Значит, вы не верите своим специалистам и своей технике?»

Советники, крепя сердце, загрузились. Полет прошел нормально. Но на обратный путь заставили организаторов поездики потратиться на билеты на рейсовый **Боинг-737!**

[25.01.2008] **Afrikan**

По ВВС.

За время моего пребывания в Анголе (апрель 1982 – апрель 1984) количество **Ан-12** выросло с 2 до 8. Первоначально самолеты и экипажи менялись через 3 месяца. Наземный персонал – через 6 месяцев. Затем из Союза доставили оборудование и персонал **ТЭЧ**, что позволило продлить ресурс использования самолетов до 6 месяцев.

Ан-22 в конце 1983 г. или начале 1984 г. выполнили несколько рейсов парами по перевозке из Союза **Ми-8**, по 2 вертолета на борту. Кстати, вертолеты были не новые, а после капремонта. Советник инженера эскадрильи **Ми-8 Андрей Андреевич** (фамилию вышибло) опознал по заводским номерам среди доставленных вертолетов два, которые он обслуживал в своем полку в Союзе.

По **Ан-26**. Не знаю, где на них готовили ангольских летчиков, но однажды пришлось возвращаться в Луанду ангольским **Ан-26**. Экипаж не понимал по-русски ни слова, а все надписи в самолете были русскими. Но этот случай я лучше опишу в байке.

История с **РС-7** закончилась весьма неприглядно. После поставки самолетов и кучи денег, вбуханных в подготовку пилотов, Румыния отказалась поставлять для самолетов вооружение. То ли в цене не сошлись, то ли по другим причинам, но расхваленные штурмовики превратились просто в дорожную игрушку.

[24.01.2008] Сергей Кононов

Сергею Коломнину

Виноват. За границу, правда, ходили **Боинги-707**. У меня даже фотка есть.

Ан-22 в Анголе были в Лубанго. В 1986 г. они туда перебрасывали **МиГи-23** по два в «пузике» и вертолеты **Ми-17**...

[28.01.2008] Дмитрий Стрельцов

Сергею Коломнину, Геннадию Шубину

Касательно ВВС.

В 1992 г. в Луанде действительно садились **Ан-124 Руслан**, компании **Волга-Днепр**. Эти самолеты использовались для транспортировки вертолетов, участвующих в обеспечении выборов под эгидой ООН. На борту размещалось 4 **Ми-17 (МТВ)**.

[30.01.2008] Мищенко Сергей

Здравствуйте **Сергей Анатольевич!**⁷

Собираюсь на пенсию, появилось свободное время, вспоминаю Анголу. Нашел в сети Ваш и украинский сайты. За ночь все изучил, получил неопишное удовольствие. Огромное всем спасибо!

Служил в НРА 1986–1988 гг. старшим лейтенантом, специалистом по боевому применению **ПЗРК Игла**, **Стрела-2**, **Стрела-3**, **ЗРК Стрела-10** и контрольно-проверочному оборудованию ракет. Жил в Луанде на Куке, работал на центральном складе вооружения НРА под Луандой. Ездил с проверками технического состояния и обслуживания **ЗРК** в Лубанго, Уамбо, Менонге и

⁷ **Сергей Анатольевич Коломнин.**

др. Учили первый набор ангольцев на **Стрелу-10** (1988 г., Лубанго) и др.

Самое интересное, конечно, принимал участие в операции в Куито-Куанавале с 15.08.1987 по 18.11.1987, затем еще месяц восстанавливал технику после, к сожалению, можно сказать, бегства с речки Ломба. При мне погиб полковник **Горб**. Молодец – **Ждаркин Игорь!** Все написанное им – правда! До мелочей (я тоже вел дневник). Только, кроме указанных им 21-й, 25-й, 47-й, 59-й бригад, была еще аналогичная по численности и вооружению тактическая группа (так ее называли), которая шла с ними одним фронтом. В этой группе я выполнял обязанности советника начальника ПВО. Есть десяток фото о нашем рейде (всего прошли 423 км), в том числе трофейного, захваченного у **УНИТА** вооружения и др.

Для Геннадия Шубина

С 1987 г. успешно применялись **ЗРК Игла** и **Стрела-10**. Получал с сухогрузов, тестировал все ракеты, перегонял в округу. В то время эти комплексы по ТТХ были лучшими в мире. **Стрелой-10⁸** были сбиты почти все самолеты ЮАР во время операции под Мавингой (половину которой описал **Ждаркин**). Кстати, работа ПВО, на мой взгляд, была единственным неоспоримым «результатом» этой операции. Правда, количество сбитых самолетов – тема отдельная...

С уважением, подполковник милиции Украины
Мищенко Сергей.

[11.02.2008] Сергей Мищенко

Прокомментировать историю создания тактической группы, принимавшей участие в операции 1987 г. в районе реки Ломба уверенно, к сожалению, не могу.

Я прибыл в Куито за две недели до начала операции. Со слов командования округа, планировавшего «крупномасштаб-

⁸ Точнее не только **Стрелой-10** (на гусеничном шасси), но и **ОСА-АК** (на колесном шасси) (*прим. ред.-сост.*).

ное наступление на Мавингу», к моменту его начала не смогли подтянуть еще 2 бригады с других округов. Поэтому, было принято решение создать подвижный «кулак» для выполнения мобильных задач на левом фланге фронта.

Группа имела около 10 танков, две **БМ-21**, несколько **БМП-1**, две **Стрелы-10**, несколько десятков автомашин из расчета перевозки 1000–1200 ангольских солдат. Вся техника, личный состав и вооружение были собраны с других бригад и резерва округа.

Советники также были из разных бригад 6-го округа: советник командира тактической группы **Локотков Ю.А.**, начальник артиллерии **Бондаренко П.П.**, техник **Ильин В.**, переводчик **Москвин А.** и я, специалист по средствам ПВО.

Новейшими средствами ПВО и советниками бригады были укомплектованы впервые, после успешного применения ЮАР своей авиации в 1985 г. в том же районе. Помню, нас 5 человек перед операцией в районе Куито-Куанавале инструктировал прилетевший из СССР зам. командующего ПВО сухопутных войск генерал-лейтенант **Жданович!**

Командовал тактической группой капитан **Нанту**, отважный ангольский офицер! Неоднократно, после начала обстрелов **УНИТА**, буквально прыгал на пару **БМП** с десятком солдат и «летел» в сторону противника. А **БМП** действительно «летают»! Почти все успехи тактической группы были реализованы таким образом. Личность была неординарная. Вспоминаю, где-то в октябре стояли неделю на месте, ждали **ГСМ** (горюче-смазочные материалы). Всю неделю, все светлое время суток противник обстреливал соседний с нами район (1–2 км), по прикидкам нашего артиллериста южноафриканцы потратили до 3-х железнодорожных вагонов боеприпасов!

Но мы-то знали, что там никого не было! А позже, после энной порции самогона **Нанту** признался, что он всегда отправлял в штаб округа ложные координаты о нашем расположении, «поэтому и живем, как видите, неплохо...».

К сожалению, **Нанту** погиб, не вернулся с очередного броска...

[16.02.2008] Москвин Александр

Я проходил службу в качестве переводчика в Куито-Куанавале с августа 1986 г. по декабрь 1987 г.

С. Мищенко пишет все верно. Наша 1-я тактическая группа (1-я ТГ) состояла из батальона 18-й ДШбр усиленного взводом **БМП** из Менонге, средствами ПВО (**Стрела-10 ПЗРК «Игла»**) танками и пехотой 25-й бригады. Т.к. командир 18-й ДШбр майор **Кушишима** на тот момент был ранен, командовать 1-й ТГ назначили действующего командира 25-й капитана **Нанду**. В Тактической группе (ТГ) я находился со времени ее подготовки и создания до середины декабря 1987 г. С капитаном **Нанду** у меня сложились дружеские отношения: этот ангольский офицер показывал чудеса героизма, не в пример некоторым нашим советникам. Очень жаль, что он погиб.

[21.04.2008] Сагачко Вадим Андреевич

По поводу интервью **Владимира Королькова**.

...Теперь о «новом аэропорте для стратегических (кубинских) бомбардировщиков», так это, как говорит наш друг **Конов**, «очепятка». Фронтowych, а не стратегических бомбардировщиков. С началом переброски в 1987–1988 гг. войск с Кубы, кубинцы начали создавать сеть полевых аэродромов усиливать старые взлетные полосы на рубеже Каама – Менонге, поближе к границе, т. к. планировалась работа по целям на территории Намибии. В роли фронтowych бомбардировщиков выступали **МиГи-23**, и удар по Калужке был первым в запланированной серии.

Старые бетонные полосы наращивали новым бетоном, а полевые аэродромы засыпали глиной, выливали тонны воды и утрамбовывали виброкатками до твердости бетона. И это делали вплоть до конца 1988 г., пока не начался отвод кубинских войск за 13-ю параллель.

Письма Чаленко Виктора Ивановича Мозолеву Валентину Федоровичу⁹

Письмо первое

Валя, здравствуй.

Как и обещал, начинаю вспоминать о жизни в Куито-Куанавале. Хронология событий не совсем помнится, могу путать события. Я присутствовал в Куито-Куанавале при проведении двух операций. Первая – в 1986 г., которая не имела успеха и вторая – в 1987 г., в подготовке которой я принимал участие по вопросам артиллерии.

События 1986 г. помню смутно, так как приехал в конце апреля, а операция началась 20 сентября и закончилась в середине декабря 1986 г. Все это время мы были в Куито, бригады ушли на Мавингу и вяло продвигались вперед, а потом, по-моему, и совсем остановились. Вопрос снабжения бригад боеприпасами к артиллерии, по-моему, не рассматривался совсем, так как средств доставки боеприпасов в Куито не было. В тех условиях ведения боевых действий на охрану транспорта с боеприпасами надо было на менее бригады, а то и двух (вспомни, как подвозилось горючее в Куито-Куанавале из Менонге да и все снабжение Куито!).

К концу декабря 1986 г. бригады вернулись и заняли оборону на противоположной стороне реки, по-моему, ее тоже называли река Куито. Советники (окружники) вернулись в Менонге. Советники из бригад устраивались жить в миссии Куито-Куанавале. Собрались советники из нескольких бригад, и, как всегда, начались какие-то склоки, кто кому будет подчиняться.

В Менонге на совещании окружных советников было принято решение направить представителя от советников округа в Куито для координации работы и жизни советников из бригад.

⁹ Письма написаны в июле–августе 2008 г.

Черников сказал, что будем ездить по очереди на один месяц каждый. Так как большинство были с женами, а я без жены было решено, что я поеду первым, и где то в середине января 1987 г. я вылетел в Куито и начал там работать.

В начале марта был впервые взорван мост, со стороны реки Куито была взорвана первая опора, причем взорвана так, что от нее ничего не осталось. Подтверждением тому есть фото. Попал ли в нее снаряд или мост рванули другим способом, я до сих пор не знаю. В это время в Куито был инженер округа, молоденький офицер, успевший уже к этому моменту отучиться в нашем инженерном то ли училище, то ли в академии.

Встал вопрос ремонта моста так, чтобы прошли танки. В разговоре с инженером я понял, что у него нет решения по ремонту моста с довольно большой грузоподъемностью, поэтому предложил ему сделать опору срубом (как делают у нас в деревнях деревянные колодцы), внутрь сруба забросать бутовые камни и залить бетоном. Пришлось даже рисовать на бумаге, как делать сруб из дерева. Инженер согласился, и такие опоры были сделаны. Думаю, что они могут и сейчас стоять на реке. Помещаю фотки моста до ремонта и после на своей странице.

По окончании ремонта даже состоялся митинг, благо тогда еще обстрелов Куито не было. С началом подготовки к новой операции в Куито-Куанавале прибыли советники из Менонге, а я в конце апреля уехал в отпуск...

Письмо второе

В конце мая (1987 г.) я снова в Куито. Началось усиленное планирование и подготовка к операции. Начали приезжать разные проверяющие то из Луанды, то из Москвы, но толку от них мало, а проблем много. Больше всего запомнился генерал из Москвы (к сожалению, не помню его фамилии). Он приезжал ко мне дважды в Куито-Куанавале, считал себя корифеем в артиллерии и все допрашивал, применяем ли мы поправку буссоли (есть такой прибор в артиллерии) и учитываем ли при

стрельбе из орудий поправки на весовые знаки снарядов, различие в партиях снарядов.

Было бесполезно ему доказывать, что вокруг нет ни одной твердой геодезической точки с определенными координатами; что поправка буссоли определялась по прямому участку дороги (по которой мы ездили из основной миссии Куито в запасный район, где обитали в землянках в последующие дни после гибели **Андрея Горба**); что из снарядов, получаемых для стрельбы в количестве 30 штук, получалось партий 12–15, т.е. в одной партии максимум 2 или 3 снаряда, а иногда и по одному; что ангольские артиллеристы практически не в состоянии при таком разбросе учитывать эти поправки; что между кубинскими топографическими картами и, кажется, португальскими картами разница в координатах одной и той же точки доходила до 2 км!

Самое главное, в вопросах планирования применения артиллерии, проверяющий особо разобратся и не пытался. Мне хотелось бы узнать, что он докладывал по этим вопросам в Москве?

И еще о проверяющих. **Валя**, замечал ли ты такую картину в Куито, когда не было проверяющих, то артиллерия противника почти постоянно вела огонь по нам. Как только сообщалось, что прилетают проверяющие, то Куито практически никогда не обстреливалось! Стоило им улететь, как снова начинались обстрелы... Прилетали и министр обороны **Педале**, и наш Главный (**Гусев**) из Луанды, из Москвы. У меня еще тогда в мыслях возникал этот вопрос.

Планирование шло, самолетами начали подавать боеприпасы артиллерии тоже, их потом увозили на полевые склады. Однако к началу операции норму для проведения операции так и не подали. (По нашим подсчетам надо было поддать 5 боекомплектов, а подали не больше 3,5). Но самая главная проблема была с транспортом. Для того чтобы сразу поднять все нужные боеприпасы, транспорта не хватало (несмотря на то, что в Куито приходили новые **Энжезы** разной грузоподъ-

емности, но их было очень мало). Из-за того, что подача боеприпасов в процессе ведения операции была невозможной, надо было снабжать бригады боеприпасами на весь период сразу, а это тоже было проблемно из-за нехватки транспорта. По этому поводу между мной и советником по артиллерии из Луанды (по фамилии, кажется, **Марушко Станислав**, хотя могу и перепутать) был конфликт: он требовал вывезти сразу все боеприпасы в расположение бригады.

Я доказывал, что боеприпасы из-за нехватки техники попросту будут брошены и могут с уходом бригад достаться противнику. Сказал, что с таким советом я не буду выходить на подсоветного (это шефу сильно не понравилось!). Не знаю, что он советовал, но больше боеприпасов, чем могли поднять бригады, подано не было.

Письмо третье (02.07.2008)

Для проверок в этот период нас посещал Главный военный советник генерал **Гусев**. Заслушивание было организовано первый раз в аэропорту. Прилетал и МО ФАПЛА **Педале**, а также **Рябченко**...

Второй раз – на полевом командном пункте округа. В первый период подготовки к операции мы жили мирно, без обстрелов. Рабочее утро начиналось с построения и развода.

В выходные ехали на реку окунуться в почти парную воду. Правда, я особо не увлекался ни загоранием, ни купанием, т.к. помнил крокодила, который жил у нас бассейне миссии, а потом удрал в реку... Знакомились с достопримечательностями Куито, общались с любопытной детворой, в свободное время просто отдыхали в миссии, даже активно участвовали в каком-то празднике совместно с бойцами ФАПЛА и местным населением. Однако это не говорит, что противник бездействовал. Именно в этот период второй раз был подорван мост через реку Куито. Дату не помню, но это было утром, часов в 7–8. Советники были во дворе миссии, когда услышали звук мощного

взрыва со стороны реки. Все выбежали на бруствер возле укрытия посмотреть, что случилось у моста. Старший **Черников** послал меня уточнить, что случилось. Сев за руль **УАЗа**, я поехал к реке. На полпути встретил командующего округом, который ехал уже от моста.

Он сообщил, что мост взорван. Больше я ничего понять не мог, т.к. переводчика рядом не было. Позже советник по разведке **Митяев** утверждал, что подрыв моста осуществили боевые пловцы и якобы невдалеке нашли снаряжение пловцов. Чуть позже мост практически полностью был разбит попаданием в пролет беспилотного самолета.

С этого момента начались проблемы с переправой танков на другой берег реки. В этот период я активно работал с подсоветным капитаном **Томашем**, начальником артиллерии округа, а также (но реже) встречался с начальником штаба округа майором **Табишем**. В миссии нас охраняли солдаты ФАПЛА во главе с бессменным начальником караула... (к сожалению, имени его в памяти не сохранилось). Хотелось бы узнать о судьбе этих хороших людей.

Медицинскую помощь нам всегда был готов оказать наш медбрат **Машковцев В.** Связью по радио нас обеспечивали наши солдаты срочной службы, их было три человека (фамилий не помню) во главе с советником по связи **Коротковым...**

Письмо четвертое (02.07.2008)

Чем ближе было начало операции, тем больше возрастала активность групп противника с минометом или с переносной установкой реактивной артиллерии. Однажды, выехав по делам на артиллерийскую батарею, прикрывавшую мост через реку Куито, я попал под снаряды реактивной артиллерии, запущенные с переносных установок. Интересно, что солдаты сразу заметили старт двух снарядов. Я и сообразить не успел, что надо бы спрятаться в укрытие, как солдаты исчезли, поняв по шелестящему звуку, что перелет. Я присел возле орудия, и в этот момент про-

звучал разрыв снаряда первого и затем сразу второго. Перелет был метров 100. Находясь на открытой площадке возле орудия, я услышал свист падающего с высоты большого осколка, на душе сразу стало тоскливо, и была единственная мысль, попадет или нет. Услышав метрах в 5–7 хороший шлепок о песок, понял, что пронесло... Осколком оказалась донная часть от реактивного снаряда весом на менее полкилограмма с рваными краями и такая горячая, что сразу взять в руки было невозможно.

Подготовка к операции подходила к завершающей стадии. Несмотря на то, что противник пытался помешать, саперы навели понтонную переправу. По ней переправлялись танки и осуществлялось снабжение бригад. На место разбитого пролета моста было положено два металлических двутавра, по которым можно было перебежать на противоположную сторону. Советники посещали расположение бригад для оказания помощи подсоветным в решении различных вопросов подготовки... 19 июля 1987 г. Начало операции. Советники округа во главе с **Черниковым** были в расположении бригад и наблюдали за началом наступления. Наступлением это можно было назвать довольно условно. Подразделения бригад построились в колонны, и началось медленное движение по саванне в указанных направлениях. О действиях пехоты не буду судить. Думаю, лучше эту сторону осветят общевойсковые участники тех событий.

Остановлюсь на применении артиллерии. Согласно нашей артиллерийской науке, наступление, как правило, начиналось с артиллерийской подготовки с последующим движением общевойсковых подразделений. В условиях ведения боевых действий ФАПЛА были особенности, которые влияли на традиционное применение артиллерии. Я был участником двух операций, и в обоих случаях артподготовка не проводилась. Этому есть объяснения.

С началом операции отсутствовал непосредственный контакт с противником. К началу операции ни один вид разведки не дал ни единой точки расположения противника, которую

бы можно было принять за цель и спланировать огонь артиллерии. На путях движения бригад были спланированы участки возможного появления противника.

Однако в бригадах расчет данных и планирование огня по ним не проводился, т.к. артиллерия бригады сразу же начала двигаться с движением общевойсковых подразделений. Поддерживать наступление бригад, находясь на огневых позициях, могла только артиллерия окружного подчинения (130 мм пушки **М-46**). Однако как только бригады продвинулись на несколько километров, дальности огня для поддержки было недостаточной, а перемещение окружной артиллерии не планировалось. Для этого надо было бы выделять мощную охрану. Отсюда получалось, что бригады с началом движения лишались всякой огневой поддержки свыше и уповали только на свои силы и умение своих артиллеристов. Боевое применение артиллерии бригад, думаю, лучше бы осветили советники по артиллерии бригад, которые были непосредственно в бригадах при наступлении. Артиллерийская разведка практически не велась, и все усилия ее организации особых результатов не дали. О средствах связи и вспоминать не хочется. В Советской Армии низшее звено артиллерии постоянно страдало от отсутствия хороших средств связи, в артиллерии ФАПЛА было тоже самое. Сначала, месяца полтора, продвижение бригад было успешным. Противник отходил, и в это время активно работала авиация ЮАР. Почти ежедневно приходили доклады об успехах средств ПВО. Почти ежедневно сбивались один, а то и два самолета. Об этом шли доклады наверх. На деле оказалось не так уж и победно. За все время был сбит один самолет и один или два беспилотных летательных аппарата.

Письмо пятое (09.07.2008)

Валя, продолжаю свои воспоминания: По докладам советников из бригад, их подразделения подошли к центру обита-

ния Савимби, городу Мавинга. Спротивление противника резко усилилось со вступлением регулярных частей ЮАР в огневой контакт с подразделениями ФАПЛА.

Где-то в начале или середине октября [1987 г.] и произошел случай, когда, не выдержав психологической обработки через радиодинамики, в сочетании с мощными минометными и артиллерийскими обстрелами, и увидев солдат ЮАР, бригада солдат ФАПЛА бросив исправную боевую технику с боеприпасами и вооружением, артиллерию и попросту разбежалась. Нашим советникам с малой горсткой охраны пришлось пешком пробираться в поселок Куито-Куанавале.

Валя, ты пишешь, что не помнишь, было ли партсобрание по обсуждению действий советников разбежавшейся бригады. Да, такое собрание было, и я присутствовал на нем. Разбирали старшего советника бригады (фамилии не помню). Была попытка обвинить его в том, что бригада разбежалась, и сурово наказать. Однако коммунисты, со стажем пребывания в партии, в выступлениях говорили, что советник не может нести ответственность за действия подразделения ФАПЛА. Так как он непосредственно не командует подразделениями в конкретно сложившейся обстановке. Ограничились обсуждением. Судьба советников этой бригады мне не известна, но я не помню, чтобы были разговоры об их отправке по не соответствию.

В этом вопросе большую помощь бы оказали воспоминания старшего советника одной из бригад, воевавшего под Куито, **Степанова Эдуарда**, или старшего советника командующего 6-го ВО **Черникова**. Надеюсь, ты его помнишь. Он, кажется, последнее время был преподавателем в академии в Москве.

В этот же период, где-то в конце октября – начале ноября, впервые мы услышали и увидели разрывы дальнобойной артиллерии ЮАР. Называли ее **G-5**. Эта пушка вела огонь активно-реактивными снарядами. Первые разрывы были с большими недолетами. Зрелище великолепное в ночных условиях.

Сначала появлялся большой огненный шар, державшийся секунд 5–7, который потом затухал. После этого до нас доходили сначала звук преодоления звукового барьера, а потом звук разрыва. Звуки выстрела орудия до нас не доходили из-за большой дальности стрельбы. Однако начало траектории, когда работал реактивный двигатель, увеличивая скорость полета снаряда, было видно по светящейся точке. Такая стрельба с недолетами продолжалась около недели.

Скажу прямо, мы сначала этому событию не придали большого значения. Ни старший советник **Черников**, ни я, как артиллерист, закончивший академию, не подумали сразу о подготовке запасного района на случай усиления и приближения разрывов. Хотя уже тогда надо было готовить запасный КП. А с приближением разрывов уходить на него. Я могу объяснить это только отсутствием у меня настоящего боевого опыта.

Постепенно разрывы становились с каждым днем все ближе и ближе. В один из дней, или ночей, снаряд разорвался с перелетом, т.е. артиллерия противника захватила Куито в вилку. В этот период я предлагал старшему **Черникову** готовить запасной КП и переехать на него, потому что понимал, что рано или поздно снаряд попадет в наше расположение. Но мой совет остался без внимания. Я до сих пор себя виню, что не настоял на своём. Бессмысленной гибели **Андрея** (полковника **Горб Андрея Ивановича**) могло и не быть.

С этого периода по Куито-Куанавале круглосуточно велся беспокоящий артиллерийский огонь, когда снаряды рвались по одному с разными промежутками времени и в разных местах. Мы и в это время не думали о смене места расположения. Бригады ФАПЛА, почти не принимая боя, отступали и вскоре оказались под Куито, где и заняли оборону.

Письмо шестое (13.07.2008)

Противник продолжал постоянно вести беспокоящий огонь по Куито. Мы понимали, что цель стрельбы, прежде всего, взлетная полоса аэродрома. Несколько снарядов разорвалось на взлетной полосе, но особого вреда не причинили, потому что установка взрывателя была на осколочное действие снаряда. Инженеры быстро осуществляли ремонт, поддерживая полосу в рабочем состоянии.

До сих пор вспоминаю тогдашнее чувство неудовлетворения в работе, потому что противостоять и достойно ответить противнику артиллерия не могла из-за малой дальности стрельбы. **Андрей Иванович Горб** подтрунивал надо мной, спрашивая: «... а чем может наша артиллерия ответить противнику?» А ответить было нечем. Впрочем, были разговоры о необходимости посылки диверсионной группы с целью уничтожения батареи **G-5**, но они остались только разговорами. Где-то в конце октября – начале ноября 1987 г. я заболел малярией и лежал в жилой комнате миссии на койке. Малярия – болезнь довольно паршивая и через 3–4 дня забирает почти все силы. Не хочется ни есть, ни двигаться. **Валя**, да ты эту болезнь хорошо знаешь, ты несколько раз болел ею.

Где-то в районе взлетной полосы разорвался снаряд. Обитатели миссии ушли в укрытие, а у меня не было ни желания, ни сил подняться и уйти в укрытие. Вот тут и произошел сильнейший, остро звенящий в ушах взрыв снаряда. Стекло разлетелось мелкими осколками, часть которых посыпалась на мою голову...

Валя, где только силы взялись! Вскочив с койки и подхватив обувь, прямо босиком выскочил во двор. Впереди увидел бегущего твоего шефа **Рослякова**. Он тоже болел и лежал в соседней комнате. Скажу прямо – нам повезло. Напротив здания нашей миссии, через дорогу, был невысокий каменный забор. А за ним здание, в котором жил, кажется, местный начальник аэропорта. Так вот, снаряд разорвался сразу за забором, перелетев наше здание метров 8. Вся масса осколков была поглощена ни-

зеньким забором, который частично был разбит. Не будь этого забора, исход разрыва мог быть совсем другим.

Постепенно мы начали привыкать к постоянным разрывам. Благо, они происходили зачастую с перелетами или большими недолетами, когда противник вел огонь по бригадам. Советники также ездили на полевой КП округа для встреч и работы с подсоветными. Зачастую я отвозил их туда, так как был одновременно и водителем **УАЗика**.

Однажды мне сообщили о неразорвавшемся снаряде за взлетной полосой. Поехали посмотреть. На фото он выглядит небольшим (он лежит на песке в машине, кажется, малая **Эн-жеза**). На самом деле он довольно внушительных размеров. Длина где-то сантиметров 160–170. А что происходит при его разрыве – ты сам видел... Вот в своих воспоминаниях я подошел к 27 ноября 1987 г.

Письмо седьмое (14.07.2008)

27 ноября 1987 года. С утра – обычный день. Противник периодически постреливал активнореактивными снарядами. Я развёз советников по работам, кого куда и сам поехал к подсоветному. Работал почти целый день. В шестом часу вечера почти все «окружники» собрались в расположении главной миссии. Кто в здании, кто на улице. В это время произошел разрыв снаряда с недолетом, на который многие не обратили особого внимания. Но когда через малый промежуток времени разорвался снаряд, перелетев миссию, все поспешили в укрытие.

Андрей Иванович Горб заступал в наряд дежурным по миссии и должен был проводить развод караула. Я заметил, что он вышел из укрытия и почти сразу началась серия разрывов, сначала глуховатых, а потом вдруг сильнейший взрыв над укрытием. Забежал ты (**Валентин Мозолев**) и сказал, что с **Андреем Ивановичем** что-то случилось, и он лежит. Человек пять выскочило из укрытия. **Андрей** лежал лицом вниз, головой по направлению к укрытию. Рядом с головой лежали

чуть окровавленные очки. **Андрея** перевернули, он был без сознания. Крови практически не было. Подняли тело и перенесли в укрытие. Положили на стол, расстегнули гимнастерку. **Андрей** сводил и разводил руки, и я громко сказал ему, чтобы он не двигал руками. Мне показалось, что он меня услышал, т.к. он прекратил движения. Крови на теле не было, и в голове у меня мелькнула мысль, что все обойдется, что если и ранен, то не сильно.

Прибежал доктор. **Андрей** издал хриплый звук и затих. Врач посветил фонариком в глаза и сказал, что **Андрей Иванович** скончался. Рану нашли с левой стороны в шее, еле заметная дырочка от проникновения шарика внутрь тела. **Митяев Слава** закрыл глаза **Андрею**. Подвязали подбородок и связали руки на груди. Тело вынесли и положили в кузов **ГАЗ-66**. Нас накрыло залпом реактивной артиллерии. Снаряды были начинены металлическими шариками. Один из снарядов попал в навес возле укрытия и разнес его. Штукатурка здания миссии со стороны взрыва была вся в отметинах от шариков снаряда.

Валя, а ты «в рубашке» родился! Ты ведь тоже был не в укрытии, а за машиной, которая и прикрыла тебя от шариков. Позже ты мне сказал, что увиденное впечатляет. Поэтому жить тебе долго и счастливо!

После этого залпа всю ночь была гнетущая тишина, не было ни единого выстрела. По решению старшего, **Черникова**, я до утра был возле машины, охраняя тело **Андрея**. На следующий день прилетел вертолет, и я полетел сопровождать его до Менонге. Где-то 29 ноября тело самолетом переправили в Луанду, а я возвратился в Куито. **Андрей** должен был в эти дни лететь в отпуск. Знаю, что его жена вылетела в Москву встретить его. Вот и встретила.

Только после гибели **Андрея** начали выбирать и обустривать запасный район, куда мы вскорости и переехали. Жили в землянках. Я поселился в землянке советника командира бригады **Эдуарда Степанова**. Она была пустая, т.к. все советники

бригады перебрались на другой берег реки Куито в боевые порядки бригады. До сих пор помню тот страх, с каким каждый вечер я осматривал вокруг землянки песок, пытаясь найти следы змеи. Я панически боюсь всяких таких тварей. Но надо было жить. Со временем жизнь в землянке стала вполне нормальной и терпимой.

Письмо девятое (01.08.2008)

Заканчивался декабрь 1988 г. Из бригады приехал **Эдик Степанов**. В один из выходных, или в субботу, или в воскресенье советники решили помыться в бане. Ты же помнишь, что в Куито-Куанавале в основной миссии у нас была оборудована баня с прекрасной парной. С утра послали ангольских солдат из охраны для растопки бани. А часов в 12–13 сами поехали париться. У меня такое чувство сейчас, что противнику о нас своевременно было доложено. Только мы начали работать венчиками, как послышались разрывы... все ближе и ближе...

Все быстро оделись и выбежали из бани. Мы с **Эдиком** побежали вниз от миссии по дороге к повороту на мост через Куиту. Сейчас уже не помню, почему бежали именно в ту сторону. Старший **Черников** и политработник **Купцов**, заскочив в **УАЗик**, поехали по направлению к запасному району (по улице параллельной взлетно-посадочной полосе). На повороте к КП округа, метрах в ста от машины на дороге разорвался снаряд. Резко затормозили и выскочили из машины, чтобы укрыться. А в этот момент произошел еще один разрыв, осколком которого в ногу был ранен **Купцов**.

Когда мы с **Эдиком** приехали в расположение запасного района, **Купцов** уже лежал на носилках. Вскоре его увезли в Луанду. Кажется, на Родину он не захотел улетать и после выздоровления продолжил службу в Анголе.

Новый год встречали по нашему обычаю с выпивкой. Ее доставали кто где мог. Зачастую с нами делились кубинские

товарищи (им полагалось несколько бутылок вина в месяц по снабжению). Пели русские песни.

2 или 3 января 1988 года пришлось отвозить **Степанова** к мосту через реку Куито. В это утро туда вяло стрелял противник. Сознаюсь, перед посадкой в **БТР** был страх, доезу или нет, пройдет ли все благополучно. А когда сел за руль машины, все прошло. Доехали спокойно. **Эдик** по остаткам моста перебежал на противоположную сторону, где его уже ждал **БТР** из бригады. Когда он по рации сообщил, что сел в ждущий **БТР**, я мигом развернулся и быстренько уехал в запасный район.

Нам, советским советникам, было ясно, что силы **ФАПЛА** могут не выдержать натиск регулярных подразделений ЮАР на оборону Куито-Куанавале и может случиться непоправимое. Это понимало и руководство Анголы. Для укрепления обороны в Куито прибыли подразделения кубинских войск. Был среди них и **Секундино**, впоследствии мой знакомый. Разговаривая на разных языках, тем не менее, мы понимали друг друга. Он рассказал, что на Кубе у него жена и трое детей. Благодаря таким воинам обороноспособность Куито повысилась.

И когда, где-то в середине января или февраля 1988 года, части ЮАР предприняли попытку захвата Куито, кубинские подразделения сыграли решающую роль в отражении атак противника.

Что помню из этих событий? Постоянно находился на КП округа, наблюдал передвижение колонны противника через поляну в саванне, гром начала боя, как горит черным дымом техника, действия кубинской артиллерийской установки реактивной артиллерии «**Град**».

Со своим планированием боевых действий кубинская сторуна нас не знакомила. По-моему, это было правильно в той сложившейся обстановке. Наблюдал, как пусковая установка «**Град**» стремительно занимала огневую позицию вдоль дороги, идущей к Куито-Куанавале. Расчет наводил установку по цели полупрямой наводкой и, произведя залп, выпустив одно-

временно 40 снарядов, быстро сворачивался и уезжал на пункт перезарядки. Через некоторое время уже с полным пакетом снарядов снова быстро занимал новую огневую позицию и снова производил залп.

К исходу дня звуки боя стихли. Нам стало ясно, что попытка захвата Куито противником провалилась. К утру пошли доклады о захваченных трофеях. Трофейные танки, автомашины с установленными на них безоткатными противотанковыми орудиями и другое вооружение были собраны на площадке, куда мы ездили и осматривали, сравнивая с нашим отечественным вооружением. Фотографировались на фоне трофейной техники.